

Учредитель издания:

**Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»**

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Богданов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. Л. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
О. М. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
М. М. Рассолов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Г. С. Стародубцев, д-р юрид. наук, проф.;
А. А. Усачев, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии, 2013

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

Е. В. Болотова, Т. А. Гетьманова, Ю. А. Гребнева, О. Н. Красникова, Ю. С. Соколова, И. Е. Яковлева

Дизайн: Ю. С. Соколова

Верстка: Ю. А. Гребнева, Ю. С. Соколова

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60×90 1/8. Печ. л. 12,5.

Подписано к печати 11.03.2013.

Тираж 1000 экз. Заказ № ____.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Персоналии

Ястребов В. Б.

Рецензия на книгу А. И. Алексеева «Музы и право» . . . 4

Философия права

Грачев В. Д.

Потенциал герменевтической традиции в познании права 6

Кибак И. А.

Инновационные предложения и формирование позитивного мнения о работе законодательного органа в общественном сознании 10

Мальков Б. Н.

Магистерский курс философии права: рефлексия, деятельность, интеграция 15

Конституционное и муниципальное право

Червинская А. В.

Дореволюционный этап становления института российского гражданства. Подданство взрослых и детей 21

Гражданское право и гражданский процесс

Кузовкина Т. Н.

Содержание бремени собственности 24

Курбоналиев Н. Ш.

Некоторые вопросы защиты гражданских информационных прав ребенка 28

**Уголовное, уголовно-процессуальное право,
криминология и криминалистика**

Боголюбский С. С.

Природа преступных проявлений в области
предпринимательской деятельности . . . 31

Боляк В. И.

Методика прокурорского надзора как
разновидность юридической методики:
понятие и основные черты 37

Борсученко С. А.

Социальная адаптация осужденных
и меры по ее обеспечению:
метод зарубежных стран 41

Брыка И. И.

Об усилении ответственности за
преступления полового характера,
совершаемые в отношении
несовершеннолетних 45

Казаков Е. Н.

Современное состояние коррупционной
преступности в судебной системе
и противодействие ей со стороны
оперативно-розыскных органов 49

Карпов В. С.

Российская конфискация в аспекте
зарубежного законодательства 53

Огурцов С. А.

Амбулаторное принудительное наблюдение
и лечение у психиатра, соединенное
с исполнением наказания в виде лишения
свободы: международные
и национальные подходы 57

Сергун Е. П.

Антиконституционное толкование
исторических, политико-философских,
религиозных и иных документальных
источников как возможный состав
преступления в российском
уголовном праве 61

Смирнов А. Ф.

О системе функций прокурора
в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации 67

Федюнин А. Е., Алферов В. Ю.

Исследование проблем выявления
преступлений коррупционного характера
в экспертно-криминалистических
учреждениях 72

Фильченко А. П., Бузина М. В.

Испытание осужденного
в механизме реализации уголовной
ответственности 77

Адвокатура и нотариат

Мишиева Я. П.

Федеральная нотариальная палата
как некоммерческая организация 81

Финансовое и налоговое право

Плетнев М. В.

Некоторые процедурные вопросы
рассмотрения жалоб налогоплательщиков
на акты налоговых органов 86

Исполнительное право

Ряховский К. Б.

Эволюция образа органа исполнительной
власти в контексте доктринальных
воззрений и правоприменительной
деятельности на примере Федеральной
службы судебных приставов 90

Сокращения, принятые в издании 94

Наши авторы 95

Вышли из печати 99

От редакции

27 марта 2013 г. исполнится два года со дня смерти Анатолия Ивановича Алексева, главного научного сотрудника НИИ Российской правовой академии Минюста России. Это был замечательный человек, выдающийся ученый-криминалог, талантливый педагог, оставивший нам богатое научное наследие в виде более 250 интересных работ. Впечатляет широта научно-практических знаний Анатолия Ивановича. Кроме криминологии ему хорошо были известны тонкости и проблемы оперативно-розыскной деятельности, уголовного права и процесса, прокурорского надзора, сравнительного правоведения, методики и тактики расследования преступлений. Труды А. И. Алексева неизменно были злободневны, шли от потребностей законодательной и правоприменительной практики. Немало он преуспел и на поприще художественной литературы. На основе собственного опыта работы

следователем, заместителем начальника ОБХСС УВД Псковского облисполкома им написаны в 70-х гг. прошлого века содержательные очерки «Частное определение», «Лед тронулся» и повесть «Ошибка старого адвоката». Тогда же он всерьез занялся исследованием отражения права в литературе, искусстве и их взаимопроникновения. Как раз об этой стороне личности и творчества ученого пишет профессор В. Б. Ястребов, любезно передавший нам свою рецензию на книгу А. И. Алексева «Музы и право», опубликованную в журнале «Уголовное право» № 1 / 2004. Полагаю, что рецензия будет интересна читателям, которые в годовщину смерти А. И. Алексева убедятся в широте интересов русского интеллигента, ученого и практика, накопившего незаурядный багаж знаний и опыта, которые он щедро дарил ученикам, друзьям и сослуживцам.

**Главный редактор
С. И. Герасимов**

Рецензия на книгу А. И. Алексеева «Музы и право»

Review of A. I. Alexeevs Book “Muses and Right”

В рецензии анализируются ключевые моменты книги А. И. Алексеева, а также прослеживается профессиональный и творческий путь ее автора — одного из ведущих криминологов страны.

А. И. Алексеев; правовая действительность; юрист; художественно-правовое исследование

The key moments of the A. I. Alexeevs book are analyzed in the review. And also professional and a creative way of this author — one of the leading criminologists of the country is traced.

A. I. Alexeev; legal reality; lawyer; art and legal research

Эту оригинальную, в значительной мере уникальную по своему содержанию книгу [1] юристы, бесспорно, не оставят без внимания, и, думается, не только юристы, но и широкий круг читателей, в первую очередь из числа творческой интеллигенции. Начав с небольших статей в журнале «Законность» об отображении в художественных произведениях правовой действительности, автор затем объединил их в книге «Искание правды» [2]. Новое художественно-правовое исследование А. И. Алексеева, воспроизводя лучшие места этого издания, содержит более широкую и полную информацию о своих героях. А это действительно блестящая плеяда выдающихся деятелей литературы и искусства России XIX–XX в., юристов по образованию, составляющих гордость не только российской, но и мировой культуры. Их имена говорят сами за себя: поэты и писатели А. Н. Радищев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой,

Л. Н. Андреев, художники В. Д. Поленов, И. Э. Грабарь, Н. К. Рерих, композитор П. И. Чайковский, музыкальный критик В. В. Стасов, певец Л. В. Собинов.

Надо отдать должное автору в том, что, касаясь биографий людей, снискавших мировую известность, он пополняет наши знания фактами малоизвестными либо по тем или иным причинам обойденными биографами. Скажем, редко кто может вспомнить, что А. С. Пушкин в период обучения в Царскосельском лицее «оказал успехи... в праве естественном, частном и публичном, в гражданском и уголовном — хорошие», что он поддерживал добрые отношения с выдающимся российским юристом, ближайшим советником императора Александра I М. М. Сперанским. Или о том, например, что пьеса Л. Н. Толстого «Власть тьмы» основана на материалах уголовного дела тульского крестьянина Ефрема Колоскова.

При всем многообразии палитры авторского повествования хотелось бы особо отметить

глубокое проникновение в суть присутствия в творчестве именитых героев повествования сложных и многоплановых явлений наблюдаемой ими правовой действительности. В книге дан замечательный анализ правовых вопросов, нашедших отражение в поэме в прозе Н. В. Гоголя «Мертвые души», пьесах А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся», «Доходное место», «Без вины виноватые», романе Л. Н. Толстого «Воскресение», рассказах Л. Н. Андреева. Обстоятельностью отличается характеристика правовых аспектов творчества художника В. Д. Поленова (картины «Арест гугенотки», «Христос и грешница»). В работе зримо представлена деятельность известного русского живописца и ученого, организатора музейного дела И. Э. Грабаря по сбережению и охране художественных ценностей, участие великого художника и писателя, археолога и путешественника Н. К. Рериха в разработке международно-правовых норм по охране культурных ценностей. Профессионально точно в книге подмечена верность идее справедливой законности, прослеживаемая в творчестве А. С. Пушкина (ода «Вольность»), трудах А. Н. Радищева.

Листая страницы биографий деятелей литературы и искусства, автор дает возможность познакомиться с действовавшей в то время системой юридического образования, что, бесспорно, не может не заинтересовать современного читателя, напоминает читателю имена талантливых педагогов — А. П. Куницына, Н. Г. Белоусова, Д. И. Мейера, В. И. Сергеевича. И. Я. Фойницкого. Работа позволяет конкретно представить содержание и условия работы дореволюционных юридических учреждений страны — суда, прокуратуры, таможни, адвокатуры, юстиции, что немало важно для юристов — профессионалов нашего времени. Этому в значительной степени способствует глубокий анализ, точность оценок не толь-

ко творчества, но и связанной с юридической практикой части жизненного пути светил российской культуры. Кропотливая работа в архивах, изучение литературных источников создали те необходимые предпосылки, которые определили убедительность освещения юридической практики в таможне А. Н. Радищева, одного из ведущих юристов своего времени, работы А. С. Грибоедова, эрудита, полиглота, кандидата права в качестве «секретаря по иностранной части» русского посланника в Персии по правовому обеспечению решения сложных дипломатических задач, исполнения обязанностей чиновника в департаменте уделов Н.В. Гоголем, давшее ему богатейшее знание жизни, так же как и А.Н. Островскому, служившему в коммерческом и совестном судах, адвокатской деятельности Л. В. Собинова, наставником которого был «сам» Ф. Н. Плевако, Л. Н. Андреева, службы П. И. Чайковского в Министерстве юстиции.

Чтение книги А. И. Алексеева помогает не только составить представление о правовой стороне жизни и творчества известных российских деятелей культуры, но и глубже понять их художественное творчество, ибо зоркий взгляд каждого подлинного художника, обеспечивающий четкое видение социально-правовых проблем, объективно не может не влиять на формирование его гуманистического отношения к жизненным явлениям. Для юриста это тем более значимо, поскольку он, по выражению А. Ф. Кони, должен быть человеком, в котором общее образование идет впереди специального.

В заключение хотелось бы отметить, что автору удалось создать достойное произведение, которое несет на себе печать высокой духовности, гражданственности, приверженности к идеалам и истинным ценностям правового государства, и выразить уверенность, что оно по достоинству будет воспринято и оценено читателем.

-
1. См.: Алексеев А. И. *Музы и право*. М., 2003.
 2. См.: Его же. *Искание правды*. М., 1980.

Потенциал герменевтической традиции в познании права

The Potential of Hermeneutic Tradition in the Cognition of Law

Статья посвящена специфике познания права в контексте герменевтической традиции. Рассматриваются четыре уровня понимания правового текста, а также возникающие при этом сложности.

Право; познание; герменевтика; смысл; стереотип

The article is devoted to the specific of cognition of law in the context of the hermeneutic tradition. Considers four levels of understanding of the legal text and the difficulties encountered in this.

Law; cognition; hermeneutics; meaning; stereotype

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

И. А. Бунин «Слово»

В понимании специфики познания права нам трудно обойтись без обращения к герменевтической традиции, ибо здесь мы прежде всего имеем дело с текстами (согласно И. А. Бунину — Письменами). В этом контексте рассмотрим логику понимания правового текста и укажем на потенциал герменевтической традиции.

В соответствии с рационалистической традицией «понять текст» означает в личностной форме отобразить зафиксированные в нем существенные связи и отношения. Но поскольку сущность имеет многоуровневую структуру (различают сущность первого, второго, третьего порядка и т. д.), вполне корректно говорить и об уровнях понима-

ния. Сегодня учеными выделяется по меньшей мере четыре таких уровня: *лингвистический, интерпретация, постижение смысла и осознание* [1].

Рассмотрим особенности этих существенных уровней на примере Бехистунской надписи. Бехистунская надпись — это один из крупнейших эпиграфических памятников в истории человечества. Она высечена на скале на пути из Багдада в Тегеран в 520 г. до н. э. на высоте 152 м над землей. Текст надписи на трех языках: персидском, эламском и аккадском (вавилонском). Летописная каменная «страница» имеет немалые размеры: 18 м в ширину и 8 м в высоту. Вверху огромный барельеф: под Дарием стоят униженными девять царей со

связанными руками и петлей на шее, десятого царь Дарий попирает ногами. Ниже идет «программный текст», повествующий о становлении власти человека, уверенного в своей правоте, который объясняет, откуда у него власть и закон:

«Говорит Дарий-царь: “Мой отец — Виштаспа, отец Виштаспы Аршама, отец Аршамы — Ариарамна, отец Ариарамны — Чишпиш, отец Чишпиша — Ахемен. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Восемь [человек] из моего рода были до меня царями. Я — девятый. Девять нас были последовательно царями. По воле Ахурамазды [2] я — царь. Ахурамазда дал мне царство.

Следующие страны мне достались, по воле Ахурамазды я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет [страны у моря], Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гайдара, Сака, Саттагидрш, Арахозия, Мака: всего 23 страны.

Эти страны мне достались. По воле Ахурамазды [они] стали мне подвластны, приносили мне дань. Все, что я им приказывал, — ночью ли, днем ли — они исполняли. В этих странах [каждого] человека, который был лучшим, я ублаговотворял, [каждого] кто был враждебен, я строго наказывал. По воле Ахурамазды эти страны следовали моим законам. [Все], что я им приказывал, они исполняли. Ахурамазда дал мне это царство. Ахурамазда помог мне, чтобы я овладел этим царством. По воле Ахурамазды этим царством я владею” [3].

Первый, поверхностный уровень понимания данного текста — лингвистический. Мы выделяем лексические единицы текста, выявляем синтаксические отношения между ними и устанавливаем их схематические характеристики. Возможны расширения текста за счет элементарных логических процедур. Однако в данном случае мы понимаем, что Дарий — царь, и этого вполне достаточно на первом (лингвистическом) уровне понимания.

Второй, более глубокий уровень — интерпретация. Как уровень понимания интерпретация связана с выделением тех характеристик текста, которые соответствуют смысловым структурам читателя, импонируют ему, отвечают его устремлениям и намерениям. Вполне очевидно, что каждый читатель может по-своему интерпретировать содержание текста и потому по-своему его понимать. Следует также заметить, что смысл текста понимается по-разному в зависимости от эпохи, в которой он создан и в которой потом проходит его прочтение.

В данном случае, если мы, например, правоведа, то нас особо интересует вопрос законности, в частности следующий фрагмент этого программного текста: «По воле Ахурамазды [они]

стали мне подвластны, приносили мне дань. Все, что я им приказывал, — ночью ли, днем ли — они исполняли. В этих странах [каждого] человека, который был лучшим, я ублаговотворял, [каждого] кто был враждебен, я строго наказывал. По воле Ахурамазды эти страны следовали моим законам. [Все], что я им приказывал, они исполняли».

В этом фрагменте показана организация законности во владениях царя Дария, и мы как правоведа на уровне интерпретации понимаем не только источник власти и закона, но и характер их организации и взаимодействия.

А вот географа или историка в этом же тексте, скорее всего, заинтересует совсем другой фрагмент: «Следующие страны мне достались, по воле Ахурамазды я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет [страны у моря], Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гайдара, Сака, Саттагидрш, Арахозия, Мака: всего 23 страны».

Такая интерпретация смыслов прочитанного текста вполне естественна.

В качестве примера истолкования смысла на втором уровне, уровне интерпретации, можно обратиться к работе Ф. А. фон Хайека «Патгубная самонадеянность. Ошибки социализма», в которой он приводит три варианта перевода одного и того же высказывания Конфуция:

1. «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу».
2. «Если язык искажен... людям не на что положить руку и некуда ступить».
3. «Когда не исправляют имена... народу некуда деть руки, ноги» [4].

Казалось бы, первый перевод точнее всех, но в китайском языке, по утверждению Ф. А. фон Хайека, нет ни одного слова (или сочетания иероглифов) для обозначения понятия «свобода», и тем не менее именно первый перевод, по всей видимости, наиболее адекватно передает смысл высказывания Конфуция о желаемом состоянии человека в обществе.

Третий уровень можно назвать постижением смысла. Постигнуть смысл сказанного в тексте — значит установить: к чему стремился автор; какими мотивами руководствовался; какие задачи перед собой ставил, создавая текст. Для этого надо прежде всего соотносить текст с вопросами, ответы на которые он сообщает. В итоге текст наполняется тем смыслом, который придавал ему автор, и читатель во многом повторяет его мыслительный путь.

В нашем случае становится понятным, что царь Дарий хочет безоговорочно убедить всех (и друзей, и врагов, и себя) в том, что у него власть от Бога (Ахурамазды) и поэтому она (его власть) незыблема: «Ахурамазда дал мне это царство.

Ахурамазда помог мне, чтобы я овладел этим царством. По воле Ахурамазды этим царством я владею». Это квинтэссенция третьего уровня понимания текста — постижение смысла. В данном случае мы видим решимость автора изобразить именно это, а не что-то другое.

Четвертый уровень понимания текста — осознание. Постигание смысла не есть самый глубокий уровень понимания текста. Существует так называемый парадокс Шлейермахера, который заключается в том, что будущие исследователи, как правило, понимают текст лучше, чем его создатели и современники.

Можно предположить, что именно так и происходит осознание содержания текста. В этот процесс включается не только текст и его автор, но и связи содержания текста с тенденциями общественного развития. Текст, таким образом, погружается в некоторый историко-культурный контекст, и с этих позиций мы, несмотря на большую временную дистанцию, лучше понимаем все оттенки смысла, заложенного царем Дарием в его манифестном обращении.

«Хождение» по уровням смысла правовых текстов — это показатель высокой профессиональной культуры юриста. Однако необходимо учитывать некоторые сложности этого процесса.

Первая сложность является следствием того, что сегодня предпринимаются попытки модифицировать право, с тем чтобы поднять его до уровня «передовых» дисциплин XX в. (математики, физики, кибернетики и т. д.). Однако эти усилия сводятся в основном к простым вербальным заимствованиям концептуальных схем и понятий из «передовых» дисциплин без должного учета реальных проблем и специфики общественных наук. «Право — математика свободы» — один из вариантов такой модификации понимания права. Как следствие — физикализация познания общественных явлений, в том числе и познания правовой реальности.

Перспективы подобного «заимствования» оцениваются весьма скромно. Например, Е. В. Золотухина, рассуждая о проблеме научности в общественных науках, замечает: «Первая сфера, перед которой современная наука оказывается бессильна, это исторический процесс — эмпирическое движение жизни стран и народов во всем их многообразии» [5]. Здесь явно не подходит достаточно известный афоризм К. Маркса о том, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой.

Вторая сложность «хождения по этажам» смыслов правовых текстов состоит в том, что исследователю мешают стереотипы. Особо следует отметить роль и значение стереотипов в познании права — этому способствует правовая догматика.

По нашему мнению, уместно использование следующего определения стереотипа. *Стереотип* — относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и представлений, принятых в обществе.

Наличие познавательных научных стереотипов играет весьма существенную роль в социальной жизни по той простой причине, что без них, при отсутствии исчерпывающей информации о происходившем, происходящем или наблюдаемом, невозможны ни адекватная оценка, ни адекватный прогноз.

В этом ключе стереотип позволяет:

- 1) резко сократить время реагирования на изменяющуюся реальность;
- 2) ускорить процесс познания;
- 3) предоставить хоть какое-то первичное основание для ориентировки в происходящем.

В то же время, возникая в условиях дефицита информации, познавательный стереотип часто оказывается ложным и играет консервативную роль, формируя ошибочные представления людей о происходящем, деформируя процесс интерпретации происходящего и характер межличностного взаимодействия. Любой познавательный стереотип, оказавшийся верным в одной ситуации, может оказаться неверным в другой и, следовательно, неэффективным для решения задачи ориентировки личности в окружающем правовом пространстве.

Существующая взаимосвязь процессов категоризации и стереотипизации показывает, что, принимая решение по какому-либо избранному измерению, ученые мобилизуют любые периферические измерения, которые могут оказаться полезными для ориентировки. В соответствии с принципом акцентуации мы можем утверждать, что категоризация стимулов вызывает перцептивную акцентуацию межкатегориальных сходств и различий по измерению, предполагаемому как коррелирующее с категоризацией, а также то, что эффект акцентуации усиливается при значимости используемых категорий, их уместности или ценности для субъекта.

В ходе этого процесса добытое знание в обязательном порядке стереотипизируется. Будучи уже установленными и попав в сферу сознания, стереотипы поддерживаются в силу того, что создают необходимую ориентировочную основу в отношении оценки определенного рода социальных объектов, приводя к проявлению эффекта первого впечатления, задающего своеобразие отношений. Стереотипы как бы принуждают людей к поиску информации, поддерживающей их. В данном случае формируется интерпретационный фрейм, задающий характер интерпретации.

Поддержание стереотипа в устойчивом состоянии обеспечивается и особенностями познавательной активности, так как стереотипы выполняют существенную для личности функцию — поддержание соответствия и интеллектуальной гармонии в системе представлений.

Стереотипы оказывают влияние и на то, как будет интерпретироваться поступающая информация, особенно в случаях отсутствия альтернативной (это особенно важно в юриспруденции). В соответствии с их функциональной ролью в упрощении и прояснении социального окружения, стереотипы выступают в качестве инструментов сохранения возможностей, используемых в ситуациях когнитивной напряженности.

С одной стороны, человек сталкивается с необходимостью реконструировать различные скрытые структуры рациональности и, не отдавая предпочтения ни одной из них, объективно оценить и исследовать каждую. С другой стороны, человек сознает при этом, что сам является представителем столь же исторической и потому преходящей эпохи, представителем определенной социальной группы со своим особым, исторически определенным и практически закрепленным видением мира.

При «хождении» по уровням смысла текста всплывают еще три проблемы, которые желательно четко осознавать, так как это позволит в дальнейшем избежать ошибок в познавательной и практической деятельности.

Первая проблема состоит в уяснении того, что некоторые ученые-правоведы склонны принимать свой собственный тип мышления за единственно возможный, а поэтому, по существу, внеисторический. Такая стереотипизация мышления искажает восприятие реальности. Причем на характер этого искажения влияют особенности ума, в нашем случае — русского:

Своенаачальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.
В. И. Иванов «Русский ум»

Эти нейрофизиологические и психологические особенности ума конфигурируют стиль мышления, нацеленного на познание правовых текстов.

Вторая проблема заключается в потребности ясно осознать, что отдельные исторические персонажи и сообщества никогда не познаваемы только рациональными механизмами и правилами поведения, что эмоциональный и даже иррациональный слой в процессе мыслительной деятельности человека также принадлежит к сфере правовой реальности. В связи с этим его реконструкция, анализ и исследование представляют собой важную эвристическую задачу, нуждающуюся в особой методологии, особых наборах абстракций и эпистемологических правил.

Третья проблема связана с ясным осознанием единства оценочного и истинностного моментов в познании права. Оба момента входят в структуру той научной рациональности, которой придерживается исследователь права и в которой он должен отдавать ясный отчет самому себе.

Ну и совсем недопустимо вмешательство в естественную эволюцию других культур и цивилизаций, о чем предупреждает И. А. Андреев: «...принципиально-концептуальный вопрос вопросов современного мира: кому, и как, и почему дозволено безответственно, безрассудно и безнаказанно “двигать” социальное время других людей, этносов, социумов? Допустимо ли вообще произвольно переводить Стрелки Часов всемирной Истории даже с благой целью осчастливить кого-то по собственному разумению?» [6]. Но здесь всплывает уже несколько иная проблема — проблема заимствования элементов правовых систем и «внедрение» этих элементов в систему национального права.

Таким образом, при изучении права следует обращать внимание на эшелонирование смыслов правовых текстов, а также на умение исследователя «ходить по этажам» этих смыслов, несмотря на наличие препятствий. В этом и заключается, по нашему мнению, потенциал герменевтической традиции в познании права.

1. См.: Васильева В. В. В поисках механизмов понимания текста // Вестник Омск. ун-та. 1998. № 3.
2. См.: Ахурамазда // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
3. Бехустинская надпись Дария I / пер. В. И. Абаева // Новый Геродот : сайт. URL: <http://rec.gerodot.ru/behistun/abaev01.htm> (дата обращения: 27.02.2013).
4. Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / под. ред. У. У. Бартли III ; пер. с англ. М., 1992. С. 184–189.
5. Золотухина Е. В. Пределы научности в жизни и истории // Кохановский В. П. и др. Философия для аспирантов. Ростов н/Д, 2002. С. 431.
6. Андреев И. А. Осторожно с «часами» истории! (Методологические проблемы цивилизационного процесса) // Вопросы философии. 1998. № 9.

УДК 328.1

И. А. Кибак

I. A. Kibak

Инновационные предложения и формирование позитивного мнения о работе законодательного органа в общественном сознании

Innovative Offers and Formation of Positive Opinion Onwork of the Legislature in Public Consciousness

В статье раскрываются основные инновационные предложения, охватывающие стратегические направления профессиональной парламентской деятельности депутатов, направленные на преодоление негативных факторов, которые подрывают авторитет законодательного органа, а также обозначены концептуальные основы информационной парламентской политики на местах с целью формирования позитивного общественно-политического климата вокруг палат Парламента Республики Беларусь, повышения положительного имиджа депутатов.

Инновационные предложения; позитивное общественное мнение; парламентская деятельность; законодательный орган; Республика Беларусь; имидж; депутат

The article discusses the basic innovative offers covering strategic directions of professional parliamentary activity of deputies, directed on overcoming negativ factors which undermine authority of legislature. and conceptual basis of the information in the field of parliamentary politics are specified in order to create positive social and political climate around, increasing the positive image of the deputies. Also there is an offer of conceptual bases of information in the field of parliamentary politics that can create positive political climate around the Houses of Parliament of the Republic of Belarus, increase positive image of deputies.

Innovative offers; positive public opinion; parliamentary activity; legislature; the Republic of Belarus, image; the deputy

Развивающееся гражданское общество постоянно совершенствует деятельность своих институтов. Гражданское общество является комплексом общественных отношений, оно независимо от государства, но взаимодействует с ним. В ст. 3 Конституции Республики Беларусь [1] отмечено: «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Следует учитывать, что гражданское общество представляет собой негосударственные объединения граждан, служащие целям удовлетворения их индивидуальных потребностей в реализации возможностей на благо всех и каждого, и является предметом изу-

чения правовой психологии, социальной психологии и правовой науки.

Непосредственная практика профессиональной парламентской деятельности в качестве депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее — Палата представителей) второго созыва (далее — депутат) и проведенные исследования позволили сделать вывод о том, что субъекты права законодательной деятельности (далее — субъект права), депутаты ощущают потребность в расширении и углублении своей профессиональной компетентности, постижении не только специальных психотехник и психотехнологий для выработки правовых

норм, принятия законопроектов, но и формировании позитивного общественного мнения о работе законодательного органа.

Освоение инновационных психотехнологий влияния общественного мнения на деятельность Палаты представителей способствует повышению уровня концептуального осмысления законотворческого процесса, созданию правового поля для полноценного функционирования общества, обеспечению политической и экономической стабильности, оптимизации деятельности главного законодательного органа государства. Учет общественного мнения важен также для определения взаимосвязи депутатского корпуса с институтами гражданского общества, легитимизации и восприятия населением страны политических, социальных и экономических новаций.

Общественное мнение становится определяющим фактором развития белорусского общества, степени признания и формирования отношения к принимаемым законам, правовым решениям. Усиление этой роли, как и углубление научного знания о сущности и содержании общественного мнения, в условиях поиска выхода из политического, экономического и социального кризиса представляет актуальную для правовой теории и управленческой практики проблему.

Имидж депутата как психологическое явление нельзя рассматривать в отрыве от его законотворческой и внепарламентской деятельности. Создание позитивного образа депутата во многом определяет успех его парламентской деятельности. Все подходы к толкованию имиджа депутата формируют у избирателей образ, являющийся результатом восприятия реальных и намеренно приписываемых законодательно политико-парламентской рекламой личностно-деловых качеств, его законодательной деятельности. Мы рассматриваем имидж как образ и результат социальной перцепции избирателей, при этом многогранная личность самого депутата, его парламентская деятельность и целенаправленно формируемое о нем впечатление интерпретируются СМИ и политико-парламентской рекламой как факторы развития этого положительного образа (имиджа).

Инновационные предложения необходимо также рассматривать как идеологический ориентир при психолого-правовом планировании и прогнозировании профессиональной парламентской деятельности, реализации существующих законотворческих программ палат Парламента, осуществлении других мероприятий, направленных на формирование позитивного имиджа Палаты представителей.

В первую очередь на имидж Палаты представителей негативно влияют снижение ответ-

ственности и творческой активности во взаимосвязях парламентариев с электоратом, просчеты и недостатки в законотворчестве, которые вызывают недовольство конкретных граждан, социальных групп или дают широкий общественный резонанс, а также отсутствие целенаправленных действий по укреплению доверия к депутатскому корпусу и безопасности со стороны населения.

Так, стоит отметить негативный опыт личных контактов населения с депутатами. В ходе анонимных опросов граждане указывают в основном на злоупотребление депутатскими полномочиями со стороны парламентариев, непринятие соответствующих мер по оказанию помощи избирателям, непрофессионализм, равнодушие в общении с избирателями, а также на то, что для депутатов политическая государственная карьера не имеет особого значения по сравнению с самоутверждением в бизнесе и предпринимательской деятельности.

Значительное негативное влияние на имидж Палаты представителей оказывают безучастность депутатов к разработке, обсуждению и принятию законопроектов, правовых решений и претворению их в жизнь. Суть критических выступлений в адрес Палаты представителей сводится к тому, что именно она, являясь тормозом реформ, слабо ведет законодательную работу, политиканство преобладает над законотворческой деятельностью, а депутаты свои личные интересы ставят выше государственных. При этом внимание СМИ к таким фактам и событиям, как правило, не создает, а усиливает общественный резонанс.

Следует отметить, что в настоящий момент *недостаточно комплексных, целенаправленных усилий, направленных на преодоление исторических стереотипов массового сознания по отношению к Палате представителей, создание положительного общественного мнения к парламентской деятельности.* Это проявляется в отсутствии у Палаты представителей очевидной и понятной для рядовых граждан корпоративной идеологии, корпоративных ценностей, необходимых как для внутренней консолидации депутатов, так и для создания авторитета со стороны представителей других социальных групп; необязательности обеспечения непрерывной связи депутатов с избирателями и отсутствии реальных контактов и механизмов воздействия электората на деятельность субъектов права (депутатов); научном потенциале, прежде всего психологии законотворчества, который не в полной мере определяет успешность оптимизации парламентской деятельности, а также в его невостребованности в реальной законопроектной практике.

Следует обозначить недостаток мотивации к укреплению авторитета Палаты представителей и престижа своей депутатской профессии и, соответственно, безразличие к «имиджевым» результатам собственной парламентской деятельности и целенаправленным действиям в этой сфере; отсутствие в сознании граждан четкого представления об особом месте Палаты представителей в системе государства, границах их компетенции и полномочиях; частичное использование СМИ для формирования позитивного общественного мнения о парламентской деятельности, так как прослеживается недооценка их роли депутатами, незнание ими специфики работы СМИ.

Неразрешенность существующих противоречий порождает многочисленные недостатки в парламентской деятельности. Это подтверждают проведенные нами научные исследования и результаты анализа парламентской деятельности и др. Они свидетельствуют о том, что профессиональная парламентская деятельность депутатов не соответствует критериям эффективности, задачам законодательства и тем возможностям депутатов, которые не востребованы реальной законодательской практикой.

Основными направлениями формирования позитивного общественного мнения о работе Палаты представителей следует считать: устранение негативных факторов в парламентской деятельности, которые компрометируют законодательный орган власти в глазах граждан; создание депутата нового, современного формата; осуществление комплекса действий, направленных на развитие общей информационно-психологической парламентской политики с целью закрепления в сознании граждан позитивных стереотипов по отношению к парламентариям и Палате представителей в целом.

Устранение недостатков в парламентской деятельности, которые негативно влияют на имидж депутатов, заключается:

- в создании специальной службы по учету и анализу общественного мнения в Парламенте, которая будет получать и обрабатывать корреспонденцию, приходящую в соответствующие органы, осуществлять переписку с гражданами с целью выявления, установления отдельных, групповых мнений на те или иные проблемы как правового, так и неправового характера, а также осуществлять контроль за качеством и достоверностью сведений, полученных в результате социологических исследований другими неспециализированными учреждениями, в том числе и СМИ, на основе чего можно сконструировать определенную желаемую модель поведения;

- обеспечении законности и профессионализма в действиях депутатов, а также определении приоритетных направлений для дальнейшего развития института юридической, дисциплинарной и моральной ответственности за брак разработки и принятия законопроектов;

- устранении основ лоббирования, коррупции в Палате представителей, психологических стрессов в парламентской работе депутатов, а также недопущении «назначений» депутатов в ходе избирательной кампании в Палату представителей;

- продолжении научных исследований в сфере мониторинга закона на новом психологическом уровне осмысления и обобщения, а также разработке концептуальных психологических основ мониторинга закона в целях формирования новой психолого-правовой культуры депутатов;

- анализе различных по юридической силе, предмету регулирования, отраслевой типизации и действия нормативных правовых актов и договоров, а также актов развивающего характера, направленных на конкретизацию и детализацию положений норм законов и нормативных правовых актов Президента и Правительства Республики Беларусь;

- обеспечении субъектов права (депутатов), участников законодательного процесса и правоприменителей необходимой психолого-правовой информацией, создании специализированного информационного фонда, в котором на каждый закон будет сопровождение, начиная с появления идеи о его создании и заканчивая процессом отмены, а также фиксироваться практика реализации законов;

- проведении мониторинга специализированной литературы, разработке новейших методов выявления общественного мнения и внедрения в законодательскую деятельность, подготовке, переподготовке кадров, организации курсов повышения квалификации субъектов права, участников законодательного процесса, разработке теории и методологии проведения мониторинга закона и их внедрении в практику законодательного процесса, а также новых критериев оценки эффективности парламентской работы депутатов;

- осуществлении деятельности, направленной на разъяснение целей и задач в ходе опроса, повышение активности граждан и институтов гражданского общества с целью активизации воздействия на законодательскую деятельность.

Исторический опыт и традиции Палаты представителей (1996–2012 гг.), преодоление стереотипов в массовом сознании применяются при организации изучения историко-психологических

аспектов законотворчества, донесении результатов этих исследований до широкой общественности под углом зрения восстановления в сознании людей образа депутата как представителя законодательной и представительной власти, который всегда принимает закон в интересах гражданина; конкретизации действий, закрепляющих в массовом сознании психологические установки: Парламент — один из доминирующих институтов политической и государственной власти и непосредственный субъект права.

Консолидирующая идеология, корпоративные ценности депутатов необходимы для создания соответствующего здорового морального климата, внутренней консолидации парламентариев; разработки системы корпоративных ценностей и парламентской этики депутатов, специального этического кодекса парламентариев; мотивации депутатов на повышение авторитета и престижа парламентской деятельности; постоянного мониторинга психологического пространства избирательных округов.

Формирование привлекательного образа современного депутата Палаты представителей выражается в усовершенствовании системы парламентской учебы с целью повышения правовой и психологической культуры, формирования навыков публичных выступлений, общения с избирателями, журналистами, обучения практическим основам деятельности СМИ; создании при психолого-юридических факультетах образовательных учреждений постоянно действующих центров подготовки творческих работников для пресс-служб законодательного органа; проведении в образовательных учреждениях ежегодных дней открытых дверей и осуществлении соответствующей информационно-правовой и рекламной кампаний с целью привлечения внимания граждан к разработке и обсуждению законопроектов.

Кроме того, необходимо разработать и реализовать единый стандарт компьютерной грамотности депутата на конкретных законопроектах; ввести учебные программы и организацию постоянно действующих научно-практических обучающих семинаров по повышению психологической компетентности помощников депутатов, депутатов всех уровней системным основам формирования информационно-психологического обеспечения законотворческой деятельности; проводить социологические исследования по заказам законодателя на разнообразные темы, связанные в первую очередь с принятием, изменением и отменой правовых норм, решениями компетентных органов, с целью выяснить отношение граждан к законопроектам, действующему законодательству в целом и перспективам его развития и реформирования.

В решении законотворческих (правовых) и иных проблем граждан депутат обязан:

- обеспечивать постоянный мониторинг общественного мнения о законотворчестве, используя при этом разные формы работы (наблюдение, анонимное анкетирование, интерактивный опрос через Интернет и др.), постоянно сотрудничать с профессиональными психолого-социологическими службами;

- создать систему так называемых телефонов доверия, общественных приемных, через которые граждане смогут предоставлять информацию обо всех ошибках, противоречиях, пробелах, коллизиях в законах, высказывать предложения по устранению недостатков и решению законотворческих проблем, привлекать к этой работе исключительно подготовленных, опытных помощников депутатов, которые во взаимодействии с парламентариями обеспечат оперативное реагирование на обращения граждан, обобщение соответствующих позиций с целью улучшения законотворческой деятельности;

- ввести систему поощрений для избирателей (в том числе материальных) за содействие в совершенствовании законотворческой деятельности;

- создать на местах общественные парламентские советы, к которым привлечь компетентных, авторитетных специалистов в соответствующих сферах с целью выяснения проблем, недостатков в законотворческой деятельности и согласования путей их устранения, постоянно изучать повторные жалобы и обращения граждан в законодательный орган и принимать меры по устранению недостатков в этой работе;

- изменить критерии эффективности работы Палаты представителей в направлении смещения акцентов на удовлетворение запросов граждан (изменение или дополнение в законы), предоставление им консультационной и практической правовой помощи;

- создать при сельских советах центры консультационной правовой помощи населению с целью разъяснения принятия тех или иных законопроектов, правовых решений;

- разработать правовые рекомендации для избирателей по актуальным проблемам (правовые гарантии женщинам, трудовые и социальные льготы, государственное пособие семьям, воспитывающим детей; правовой статус гражданина и др.);

- выдвигать кандидатов в депутаты на всех уровнях с учетом их компетенции в сфере нормотворчества, уровня психолого-правовой и нравственной культуры, жизненных ценностей, особенностей характера;

- систематически проводить круглые столы, ток-шоу на телевидении с участием представителей

общественности, журналистов, во время которых обсуждать пути развития партнерских отношений депутатов с населением.

Усиление роли Палаты представителей в жизнедеятельности общества, рядовых граждан зависит от общественных законотворческих инициатив, направленных на принятие эффективных и качественных законов; конкретных действий, закрепляющих в массовом сознании психологическую установку «Палата представителей — инициатор общественно значимых законопроектов», «Парламент — непосредственный и активный участник законотворческого процесса»; выдвижения в депутаты разных уровней самых авторитетных и компетентных граждан; создания в каждом городе, районе молодежных парламентов; проведения научных исследований в области психологии законотворчества, психолого-правового мониторинга законов; тесного сотрудничества между соответствующими общественными организациями, социологическими центрами, СМИ и т. д.

Реализация предлагаемых инновационных подходов, на наш взгляд, обеспечит вытеснение негативных стереотипов по отношению к Палате представителей, правильное понимание членами общества депутатских полномочий и парламентских задач, которые благодаря принятым законам обеспечивают безопасность не только политической, государственной и бизнес-элиты белорусского общества, но и ее рядового гражданина; психологизацию, гуманизацию и демократизацию принимаемых законов, важных правовых решений; укрепление доверия населения к Палате представителей, повышение правовой сознательности граждан, их готовности принимать участие в обсуждении законопроектов, что будет содействовать более эффективному выполнению парламентариями депутатских полномочий; улучшение общественной и международной репутации Палаты представителей, которая стоит на страже демократии, прав и свобод человека.

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы.

1. Формировать и наращивать положительную составляющую общественного мнения о парламентской деятельности в идеальном варианте представляется возможным по двум направлениям. *Первое* предполагает сохранение статус-кво и удержание социальной дистанции без стремления решать проблемы отношений Палаты представителей и населения. Одновременно предполагается, что со стороны Палаты представителей должно оказываться массированное пропагандистское воздействие на население через СМИ, направленное на убеждение в том, что депутаты делают все возможное и даже больше, чтобы законы были действенные и качественные. *Второе* основано на достижении адекватного восприятия избирателями парламентской деятельности. Для того чтобы добиться реального роста положительной составляющей в оценках парламентской деятельности, за основу берется иная социальная инновационная стратегия, при которой предполагается, что контакты населения с депутатами станут катализатором конструктивных измерений в ее парламентской деятельности.

2. В Парламенте Республики Беларусь необходимо создать независимый психолого-социологический центр (служба), который мог бы проводить параллельные исследования: по сходной тематике законопроекта, обеспечивая таким образом взаимный контроль за их результатами; заказам законодателя на различные темы, связанные с законотворчеством (выяснять отношение граждан к законам и законопроектам, правовые ожидания и потребности и т. п.). Кроме того, необходимо осуществлять контроль за качеством и достоверностью сведений, предоставляемых СМИ и иными источниками; подвергать экспертизе результаты проводимых вышеуказанными организациями, СМИ исследований; ограждать парламентариев от неблагоприятного воздействия со стороны независимых лжесоциологов.

1. См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск, 2004.

УДК 340.12

Б. Н. Мальков
B. N. Malkov

Магистерский курс философии права: рефлексия, деятельность, интеграция

The Master's Course of Philosophy of Law: Reflection, Activities, Integration

В статье рассматриваются необходимость и требования к курсу философии права для подготовки магистров юриспруденции. Выдвинуты принципы рефлексии, деятельности, интеграции. Рассмотрены проблемы определения права, системы правовой рефлексии, интегративности, сущности и структуры правовой деятельности.

Философия права; магистр юриспруденции; рефлексия; интеграция; деятельность; право; система рефлексии; правовая деятельность

The article considers the need for and requirements to the exchange rate of the philosophy of law to prepare masters of jurisprudence. Proposed principles for reflection, activities, integration. The problems of definition of the right system, the right of the reflection, integration, the nature and structure of the legal profession.

The philosophy of law; master of law; reflection; integration; operations; law; system of reflection; legal activities

Результативность правовой теории и практики в значительной мере определяется уровнем мировоззренческой культуры юридических кадров, степенью философского самопознания правовой деятельности.

В настоящее время эта закономерность углубляется в связи с выходом отечественной правовой науки на более широкие мировоззренческие и методологические позиции. Свидетельством служат работы С. С. Алексеева [1], В. Г. Графского [2], В. В. Ершова [3], Д. А. Керимова [4], В. И. Лафитского [5], В. П. Малахова [6], О. В. Мартышина [7], М. Н. Марченко [8], В. С. Нерсисянца [9], А. В. Полякова [10], М. М. Рассолова [11], В. М. Сырых [12], Ю. В. Тихонравова [13], И. А. Честнова [14] и др.

Автор предлагаемой статьи примыкает к представителям философской мысли, обратив-

шимся к проблемам права в интересах педагогической деятельности в юридическом вузе, в частности постановки магистерского курса «Философия права». Содержание, методика, структура курса должны соответствовать требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»), утвержденного приказом Минобрнауки России от 14.12.2010 № 1763 [15], которые предполагают: мировоззренческую фундаментальность, выявление и сопоставление «философско-правовых идеологем», деятельностьную ориентацию курса.

Представляется, что удовлетворение современных требований к преподаванию данного курса возможно путем сочетания следующих подходов (принципов): рефлексии, деятельности,

интеграции. *Рефлексивный подход* делает акцент на осмысленном характере (отрефлексированности) сущности, содержания, форм существования права на различных этапах его исторической эволюции. *Деятельностный подход* предполагает широкую трактовку права как развивающегося способа нормативно-властного саморегулирования бытия человека и общества. *Интегративный подход* нацеливает на системное восприятие права в единстве его разнообразных свойств и проявлений.

Понятия рефлексивности, деятельности, интегративности находятся в диалектических взаимоотношениях и характеризуют относительно самостоятельные аспекты методологии познания, оценки и регулирования правовых явлений. Взаимосвязь и дополнительность рефлексивности, деятельности, интегративности целесообразно продемонстрировать на примерах рассмотрения основных, концептуальных проблем курса, таких как понятие философии права, рефлексивное определение права, система правовой рефлексии, интегративный тип рефлексии права, концепция правовой деятельности.

Философия права представляет собой «соединительное звено» между философией и правовой теорией и практикой, совокупность философских концепций, рассматривающих сущность и наиболее общие закономерности зарождения, функционирования и развития права. Целью философско-правового познания выступает мировоззренческая рефлексия правовой культуры человека и общества средствами философского анализа.

Рефлексивное определение права обусловлено сложностью проблемы выявления сущности права и многообразием подходов к ее разрешению. Известны определения обыденно-психологического, эмпирического характера, существуют определения теоретического плана. История социально-философской мысли также позволяет выделить разнообразные подходы к пониманию сущности права: мистические, социально-природные, культурологические, политизированные, нравственные, психологические и др.

Однако в реальном бытии права разнообразные аспекты его сущности «сплавлены» воедино, и, как следствие, возникает тенденция к обобщающему представлению о сущности права. Поскольку каждый способ понимания и объяснения сущности права выступает определенной формой его самопознания, рефлексии, целесообразно предложить обобщающую рефлексивную концепцию права. При таком подходе право определяется как «*рефлексивная нормативно-властная форма социального бытия человека*».

В философском плане рефлексивность права может рассматриваться как проявление детерминизма: общеприродного, социально-нормативного. Без устойчивых, постоянно функционирующих систем рефлексии социальная эволюция была бы невозможна. Выполняя рефлексивные функции по отношению к обществу, право само нуждается в непрерывной рефлексиирующей деятельности. Идея философского понимания права как рефлексиирующей системы развивалась, в частности, в трудах Н. Лумана [16], З. Д. Деникиной [17] и др.

Система правовой рефлексии имеет собственную преемственность, логику эволюции, может служить самостоятельным объектом философско-правового познания. Многоаспектность, структурность, историчность правовой деятельности, обилие ее связей в мире культуры обуславливают существование в ней различных *типов рефлексии*. К закономерностям функционирования и эволюции типов рефлексии права можно отнести такие, как формирование каждого из них на определенном историческом этапе развития культуры, смена типов рефлексии по мере общественной эволюции, сосуществование разных типов правовой рефлексии, наличие ведущих и «маргинальных» типов рефлексии, ситуативный и диалоговый характер взаимодействия разных типов рефлексии.

На каждом историческом этапе можно говорить о существовании *комплексов, вернее, систем рефлексии*, адекватных характеру и степени развития правовой деятельности. Следует учитывать, что системные представления о рефлексии отображают мировоззренческие предпочтения исследователей. Примерами могут служить концепции М. Вебера [18], Г. Дж. Бермана [19] и др.

Представить систему рефлексии права значит определить включающиеся в нее типы рефлексии и определить структуру связывающего их системообразующего «механизма». С учетом исторической эволюции и современной логики функционирования права в учебном курсе целесообразно выделить несколько основных типов рефлексии права: базово-мировоззренческий, историко-эмпирический, интуитивно-психологический, духовно-мистический, рационально-юридический, социально-личностный, социально-институциональный, культурно-цивилизационный, интегративный (синтезирующий).

Каждый из типов рефлексии носит «много-слойный» характер, базируется на определенных мировоззренческих представлениях, включая философские. В русле любого из них, как правило, складывается представление о справедливости, вокруг которого формируется спектр более

конкретных концепций. Каждый из типов рефлексии исполняет определенную функциональную роль в формировании обобщающей концепции сущности права (или разрешаемой правовой проблемы).

Базово-мировоззренческие установки образуют духовный фундамент действующей системы юриспруденции, исходные позиции, убеждения юриста в обращении к проблемам правовой деятельности. Сущность *историко-эмпирического* подхода состоит в опытным выявлении и описании наиболее значимых элементов права. На этом уровне формулируются эмпирические закономерности функционирования и развития правовой реальности. *Интуитивно-психологический* тип рефлексии основан на учете роли бессознательных (подсознательных) факторов в функционировании и эволюции правовой деятельности. Под *духовно-мистической* рефлексией права понимается восприятие и объяснение правовых явлений в мистифицированных формах общественного сознания, основанных на вере в существование и действенность сверхъестественных сил. *Рационально-юридический* подход ориентирован на реализацию возможностей разумного познания природы права. Вначале это донаучное рациональное познание, эволюция которого впоследствии приводит к появлению развитой системы юридических наук. Как известно, абсолютизация роли научного познания правовой действительности может приводить к возникновению позитивистской тенденции, находящей проявление и в современных условиях.

Разнообразный спектр рефлексии правовой действительности осуществляется в рамках направления, которое можно назвать *социально-философским*. В противовес позитивистским представлениям социально-философский подход ориентирован на качественно определенные социально-ценностные ориентиры. Например, *социально-личностный* тип рефлексии рассматривает в качестве социальной субстанции права такие качества личности, как нравственность, свободу воли, интерес. *Социально-институциональный* тип рефлексии полагает социальными источниками содержания и форм права некоторые общественные институты: семью, гражданское общество, государство, корпорацию, класс и т. п. *Культурно-цивилизационный* тип рефлексии рассматривает право как явление, служащее интеграции всех компонентов общества (экономических, социальных, политических, духовных) в единую целостность на основе нормативно-властных норм.

Интегративный (синтезирующий) тип рефлексии занимает особое место, поскольку имеет

своей задачей не построение еще одной субстанциально ограниченной картины права, а объединение разных подходов в систему, позволяющую комплексно разрешать возникающие мировоззренческие и методологические проблемы правовой деятельности. Идеи интегративного подхода в области права развивались такими исследователями, как П. А. Сорокин [20], В. С. Соловьев [21], А. С. Яшенко [22], Н. Н. Алексеев [23], В. С. Нерсесянц [24], В. Г. Графский [25], В. В. Ершов [26], М. М. Рассолов [27] и др.

На наш взгляд, результатом интегративной рефлексии является прежде всего логическая конструкция, позволяющая в конкретных социально-исторических условиях сформировать понимание сущности права, соответствующее особенностям данного общества. Действительно, каждый из «локальных» типов рефлексии предлагает абстрактный вариант социально-мировоззренческой ориентации. Однако в каждой культуре, обществе, стране может господствовать какой-либо определенный подход. Возможно и комбинирование подходов в зависимости от социальных условий и принимаемых ценностей. Формируемые интегративным путем результирующие мировоззренческие и социальные установки ложатся в основание реальной правовой системы общества.

Интегративная рефлексия осуществляет *коммуникацию ценностей* в отношении как общеправовых проблем, так и отдельных проблем права. В итоге строится «мозаичная» картина ценностных ориентаций, позволяющая людям с разными убеждениями «слышать и понимать» друг друга и вырабатывать компромиссные (и при этом правовые) решения, уменьшающие риск социальных конфликтов.

Гносеологической основой интегративного подхода являются процессы дифференциации и интеграции правового познания, побуждаемые как «внешними» вопросами, возникающими в обществе и требующими правового урегулирования, так и «внутриправовыми» проблемами, связанными с совершенствованием структуры и содержания правовых систем. В современных условиях интегративный подход реализуется при диалектическом взаимодействии модернистской и постмодернистской тенденций. По мнению автора, рефлексивная концепция права, представленная в данном учебном курсе, способна соединить в себе элементы модернизма и постмодернизма в понимании сущности права.

Ведущими *методами интегративной рефлексии* права можно считать герменевтику и феноменологию. *Герменевтика* имеет в своей основе искусство, науку, философию толкования символов и текстов любой природы. В области

юриспруденции эту роль выполняет юридическая герменевтика, имеющая давнюю историю и сложившиеся традиции. *Феноменологический* подход направляет восприятие правовых явлений в единстве их рациональных, логически строгих оснований и ценностных ориентаций. Ведущую роль играют общение, коммуникация и диалог. Герменевтический и феноменологический подходы помогают не только формировать и согласовывать различные виды описаний, объяснений, интерпретаций правовых явлений, но и вырабатывать взаимопонимание между субъектами общественного бытия, обладающими разными интересами и ценностными ориентациями.

В качестве *формы и результата* интегративного подхода может рассматриваться совокупность представлений, объединяемых понятием «парадигма юриспруденции», получающим распространение в работах по общим проблемам права. По мнению автора, каждый вид рефлексии может рассматриваться как определенная парадигмальная установка, и речь идет о механизме их интеграции в рамках единой теоретико-практической парадигмы.

Парадигма юриспруденции — это устойчивая совокупность мировоззренческих, научно-теоретических, методологических, практических установок, направляющих профессиональную юридическую деятельность в рамках определенной правовой системы. В структуре парадигмы юриспруденции можно выделить следующие уровни: мировоззренческое (мифологическое, религиозное, философское) понимание сущности общества, человека, права; философско-социологические представления о социальных и личностных основаниях и факторах существования и развития права; положения юридической науки, общетеоретические и частно-теоретические понятия, закономерности и вытекающие из них методологические установки; официально установленные требования правовой доктрины общества, выраженные прежде всего в Конституции [28]; требования к содержанию и формам практической профессиональной деятельности юриста, зафиксированные в соответствующих нормативных документах; требования к профессионально-личностным качествам юристов, выраженные в государственных образовательных стандартах. Рефлексия юриспруденции в парадигмальной форме, с одной стороны, представляет собой форму самопознания сущности права, а с другой — формирует практический менталитет научного правового сообщества, его традиции.

Высшей формой, «механизмом» и в значительной степени результатом интегративной рефлексии права можно полагать *концепцию пра-*

вовой (юридической) деятельности. Как известно, многие из зарубежных и отечественных исследователей (Г. Дж. Берман [29], Дж. Холл [30], А. В. Поляков [31]), Р. В. Шагиева [32] и др.) усматривают в концепции деятельности эффективное средство создания интегрированной юриспруденции, в рамках которой можно свести воедино традиционные школы юриспруденции, например нормативизм, юснатурализм, социологизм и т. п.

Деятельность в своей сущности может быть охарактеризована как специфически человеческий способ отношения к окружающему миру, предполагающий его познание и целесообразное преобразование. Он проявляется в совокупности разнообразных видов общественно необходимой деятельности, таких как экономическая, социальная, политическая, духовно-интеллектуальная и т. п. *Правовая деятельность*, выполняя интегративную роль функцию, охватывает наиболее значимые стороны, аспекты основных общественных отношений. В ней участвуют все члены общества, она служит достоянием и образом жизни каждого человека как части единого общественного организма.

Помимо общесоциальной у правовой деятельности есть внутренняя, сущностная сторона, без которой она не может существовать, вернее, благодаря которой она существует. Этот базовый аспект правовой деятельности принято называть *юридической деятельностью*. Ею занимаются профессионалы, юристы, служащие государственного аппарата, имеющие специальную подготовку. В рамках государственно-служебной правовой деятельности происходит выработка, формирование нормативных правовых актов, их применение, совершенствование, распространение, внедрение в общественные отношения. Именно юридическая деятельность выполняет интегрирующую роль для всего комплекса правовой деятельности в ее широком понимании.

Интегрирующая способность деятельности обусловлена тем, что в ней происходит системное соединение множества разнокачественных аспектов человеческого бытия: материальных и духовных, теоретических и практических, инновационных и рутинных и т. д. Все мировоззренческие оттенки духовного бытия человека: мифологические, религиозные, философские — находят проявление в сфере правовой деятельности. Они могут быть интегрированы, объединены на основе логики, присущей только деятельности, — *логики целедостижения*.

Собственная логика правовой деятельности строится на базе цикла, включающего следующие компоненты: правовой субъект — правовая потребность — правовой мотив — правовая цель — пра-

вой объект — правовые условия — правовые средства — правовой процесс — правовой результат. Каждый из компонентов обладает относительной самостоятельностью, собственной структурой, особенностями мировоззренческой «ауры». В результате система деятельностных категорий создает условия для плодотворного взаимодействия различных духовных и социальных подходов к пониманию сущности права, не требуя от них отказа от индивидуальности.

Интегрирующая роль деятельности усиливается ее постоянной «незавершенностью», она ориентируется не на априори сформулированный «идеал», а на реальное разрешение назревших проблем в той степени, в которой общество согласно идти на взаимные компромиссы. С получением результата и достижением нового состояния реальности, по мере развития общества и права начинается вызревание предпосылок следующего цикла деятельности на основе новых противоречий и потребностей. Таким способом в смене циклов деятельности осуществляется развитие социальной реальности, в том числе и правовой.

В интересах теоретико-педагогического анализа юридической деятельности целесообразно выделить в ней несколько базовых «идеальных типов», различающихся по своему содержанию, роли и функциям в правовой системе:

- *правотворческая* деятельность, разработка и внедрение новой законодательной базы; ее результатом выступают новые законы, нормативные акты;
- *правоприменительная* деятельность, реализация правовых норм в системе общественных отношений;
- *правопедагогическая*, формирование правовых субъектов общественной жизни, развитие правовой культуры общества;
- *научно-исследовательская*, развитие системы научно-правовых знаний;
- *научно-мировоззренческая*, формирование мировоззрения при определяющем участии философии права.

Качественные различия данных идеальных видов правовой деятельности коренятся в методологическом статусе нормативных правовых актов в системе целеполагающей деятельности. В первом случае они выступают в роли цели создающей деятельности; во втором — средства преобразования объекта; в третьем — средства преобразования самого совокупного субъекта; в четвертом — объекта познания. Диалектика целей, средств, методов деятельности в каждом случае предстает в особой форме, что обуславливает различие и взаимодополнительность этих процес-

сов. В каждом реальном процессе правовой деятельности складываются комплексы, сочетания типических подходов в зависимости от характера решаемых задач.

Каждый тип рефлексии права ориентирован на определенную *ценностную установку*, которая, как правило, представлена в современном социуме в виде общественных позиций, умонастроений граждан, социальных групп, общественных слоев. С известной долей условности каждому виду рефлексии можно приписать определенную социально-субъектную позицию: исходная мировоззренческая установка — «*конституционалист*»; историко-эмпирический — «*историк*»; интуитивно-психологический — «*обыватель*»; духовно-мистический — «*священнослужитель*»; рационально-юридический — «*ученый-юрист*»; социально-персоналистский — «*моралист-либерал*»; социально-институциональный — «*социолог*»; культурно-цивилизационный — «*евразиец*»; интегративный — «*рефлексирующий законодатель*».

Каждый реальный процесс обсуждения жизненно важных правовых новаций может быть представлен в виде дискуссии идеальных субъектов, выражающих существующие в обществе мировоззренческие и социальные установки.

Ориентируясь на рефлексивную модель права, можно сформулировать некоторые *рекомендации* — *правила*, связанные с процессом формирования мировоззренческой позиции:

- определить характер проблемы, инициирующей обращение к мировоззренческим основам правовой системы;
- произвести «*ревизию*» мировоззренческих установок, проявляющихся в данном круге вопросов;
- осуществить эмпирико-историческое исследование и описать факторы, влияющие на разрешение подобных проблем в истории права;
- провести анализ и получить рекомендации каждого из типизированных субъектов коммуникационного процесса по возможному способу разрешения проблемы;
- осуществить диалоговую коммуникацию между разными подходами и попытаться выявить область возможных решений, приемлемых для большинства участников дискуссии;
- высказать рекомендации по формированию мировоззренческого подхода к деятельностному разрешению проблемы;
- попытаться наметить требования к субъектам, а также к пониманию целей, средств, условий, критериев оценки результатов предстоящей правовой деятельности.

Целесообразно подчеркнуть, что речь идет не о решении конкретных юридических проблем,

а о выработке мировоззренческой ориентации, мировоззренческого подхода.

Таким образом, реализуя философско-правовую концепцию, основанную на взаимосвязи принципов рефлексии, деятельности, интеграции,

учебный курс философии права получает возможность не только представить мировоззренческую картину права, но и сформулировать вытекающую из нее методологию анализа правовых явлений.

-
1. См.: Алексеев С. С. Философия права. М., 2001.
 2. См.: Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не завершённый проект // Правоведение. 2000. № 3.
 3. См.: Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8.
 4. См.: Керимов Д. А. Методология права. М., 2000.
 5. См.: Лафитский В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.
 6. См.: Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие. М., 2007.
 7. См.: Теория государства и права : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2007.
 8. См.: Марченко М. Н. О соотношении права и закона в правовом государстве // Российское правосудие. 2012. № 5.
 9. См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2007.
 10. См.: Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004.
 11. См.: Рассолов М. М. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2010.
 12. См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. М., 2000.
 13. См.: Тихонравов Ю. В. Основы философии права : учеб. пособие. М., 1997.
 14. См.: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2.
 15. См.: БНА. 2011. № 14.
 16. См.: Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3.
 17. См.: Деникина З. Д. Методологические проблемы философии права : монография. М., 2005.
 18. См.: Вебер М. Исследования по методологии науки. М., 1980.
 19. См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1999.
 20. См.: Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб., 2009.
 21. См.: Соловьев В. С. Право и нравственность. М. ; Мн., 2001.
 22. См.: Яшенко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. М., 1999.
 23. См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998.
 24. См.: Нерсесянц В. С. Указ. соч.
 25. См.: Графский В. Г. Указ. соч.
 26. См.: Ершов В. В. Указ. соч.
 27. См.: Рассолов М. М. Указ. соч.
 28. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 29. Берман Г. Дж. Указ. соч.
 30. См.: Hall J. *Studies in Jurisprudence and Criminal Theory*. N. Y., 1958.
 31. См.: Поляков А. В. Указ. соч.
 32. См.: Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Калуга, 2009.

**Дореволюционный этап
становления института российского гражданства.
Подданство взрослых и детей**

**Pre-revolutionary Stage of the Formation
of the Institute of Russian Citizenship.
Citizenship of Children and Adults**

Дореволюционный этап становления российского гражданства представляет значительный интерес в части научного анализа генезиса и развития института подданства взрослых и детей. XIX в. следует считать переломным в развитии института подданства.

Подданство; иностранец; натурализация иностранцев; вечное подданство России; приобретенное и прирожденное подданство

Pre-revolutionary phase of development of Russian citizenship is of considerable scientific interest in the scientific analysis of the genesis and development of the institution of citizenship of adults and children. XIX century should be considered a watershed in the development of the institution of citizenship.

Citizenship; foreigner; naturalization of foreigners; eternal Russian citizenship; congenital and acquired citizenship

Человек, его права и свободы в демократическом правовом государстве составляют высшую социальную ценность, а их защита является важнейшей функцией правового государства [1]. В первую очередь необходимо помочь в обеспечении прав и свобод наименее защищенным членам общества, а именно детям.

В этой связи назрела настоятельная необходимость углубленного анализа вопросов конституционно-правового института гражданства в части гражданства детей, которому, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания.

Все возрастающее количество судебных споров о судьбах детей беспокоит российскую и международную общественность. Для понимания сложившейся проблемы и определения путей ее решения необходимо изучение института гражданства в его исторической динамике.

В юридической литературе наиболее часто предлагается следующая периодизация развития института гражданства в России:

- 1) дореволюционный этап (до 1917 г.);
- 2) советский (1917–1991 гг.);
- 3) переходный (1991–2002 г.);
- 4) современный (с 2002 г. по настоящее время) [2].

В настоящей статье рассмотрим дореволюционный этап становления российского гражданства, который представляет значительный научный интерес в части научного анализа генезиса и развития института подданства взрослых и детей.

Анализ научных позиций относительно вопроса становления гражданства ряда авторов (таких как В. М. Гессен, А. Д. Градовский, А. А. Жилин, Н. Л. Дювернуа, Ф. Ф. Кокошкин, В. Б. Николаев, Д. А. Пуховский и др.), а также законодательства

Российской Империи и иностранных государств XVII–XIX вв. позволяет согласиться с мнением, что XIX в. являлся переломным в развитии института подданства [3].

Ряд исследователей утверждают, что понятие «иностранец» тесно связано с формированием понятия «подданство», от которого во многом зависело возникновение институтов правового положения иностранцев [4]. Формирование правовых свойств термина «иностранец», по их мнению, берет свои истоки в древнерусском праве, из такой категории, как «иноземство»; при этом данная категория (иноземство) имеет коренное отличие от подхода к категории «иностранец», выраженное в том, что институт «иноземства» не предполагал подданства кому-либо [5].

Вопрос о том, с какого времени на правовой статус иностранца стал оказывать влияние институт подданства, является дискуссионным. Однако, по мнению большинства авторов, данные изменения происходят в XVII–XVIII вв. [6]. Также считаем обоснованной позицию, согласно которой противопоставление субъектов права по признаку подданства на Руси тесно связано с принадлежностью к русской церкви, которая в ходе реформаторской активности Петра I переросла в «вечное подданство Российскому Государю» [7].

До XIX в. подданство определялось, как правило, местом рождения индивида, а уже в XIX в. основополагающим стал комбинированный принцип подданства, сочетающий территориальное и кровное начало. На всем европейском пространстве, включая Россию, стал развиваться институт натурализации, вырабатывались общие правила приобретения подданства. В ряде государств (Швеция, Норвегия, Россия и др.) обязательным условием натурализации являлось предварительное прекращение подданнической связи с прежним отечеством.

Так, до конца XV в. высшая государственная власть России не регламентировала и не контролировала въезд и перемещение иноземцев по ее территории, данная проблема решалась удельными князьями на основе возникающих служебно-договорных и товарно-экономических отношений с иноземцами. Однако иноверцы юридически отграничивались от коренного населения страны. Для не крещенных в православную веру иностранцев законодательно устанавливался ряд ограничений, и только крещение в православную веру снимало их. Стать подданным означало креститься в православную веру.

Указом Сената от 27 августа 1747 г. «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» было введено

понятие «вечное подданство», а также впервые признаны допустимыми смешанные браки при условии вступления иностранца в вечное подданство.

Со времени издания Манифеста Александра I от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» [8], воспрещающего иностранцам, не присягнувшим на вечное подданство, вступление в гильдии, — натурализация, т. е. присяга на подданство, становится для иностранцев единственным средством приобретения в Российском государстве торговых прав, присвоенных гильдейскому купечеству. Само правительство на вступление в подданство смотрело как на особую форму вступления в гильдии; в официальных законодательных актах «вечно подданные иностранцы» назывались «иностранцами, присягнувшими вступить в гильдии» [9].

Фактическое же уравнивание «натурализованных иностранцев» в правах с «прирожденными подданными» было осуществлено Законом от 10 февраля 1864 г. «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами русского подданства» [10].

Российское законодательство различало несколько разрядов подданных, пользующихся различными правами: природные подданные, инородцы и финляндские уроженцы. В свою очередь, природные подданные и финляндские уроженцы подразделялись на сословные группы. Закон предоставил право натурализации министру внутренних дел, который мог отказать в натурализации, хотя и были налицо все условия, предусмотренные для этого законом. Губернаторам было оставлено право давать разрешение на поселение в пределах Российской империи. Разрешение на поселение выдавалось губернатором той губернии, в которой претендент на российское подданство намерен был поселиться.

По распоряжению Министерства внутренних дел Российской империи на военную или гражданскую службу в Россию могли приглашаться иностранцы, а также духовные лица иностранных исповеданий.

Безусловно, важнейшим источником права Российской Империи XVII–XIX вв., регламентирующего вопросы русского подданства взрослых и детей, является Свод законов. Проблема места основных законов в правовом регулировании уходила своими корнями к истокам формирования абсолютизма и империи в России [11]. Некоторые элементы основных законов определялись уже в Соборном уложении 1649 г., но закрепление принципиальных законодательных по-

ложений относительно организации государственной власти происходило в XVIII в.

Петр I в Воинском артикуле 1715 г., Морском уставе 1720 г. и Духовном регламенте 1721 г. закрепил основные принципы самодержавия. В 1721 г. царь принял титул «Императора всероссийского», оформив тем самым имперскую форму государственного устройства [12]. Первая четверть XIX в. характеризуется расцветом поощряемого Александром I правительственного конституционализма, и через всю череду планов реформ красной нитью проходила идея создания коренных (конституционных) законов Российского государства [13].

Важно также отметить, что первоначально правовое положение иностранцев в России (например, в XVIII в.) обуславливалось государственными экономическими интересами; правительство, заинтересованное в развитии промышленности и торговли, стимулировало предпринимательскую деятельность иностранцев путем установления льготного налогообложения [14].

В первой половине XIX в. под влиянием внешнеполитических факторов (революция во Франции 1789 г., наполеоновские войны) происходило ужесточение правового режима въезда иностранцев в Россию, ограничивалось их передвижение по территории страны.

Во второй половине XIX в. эти ограничения были минимизированы: с 1864 г. иностранные подданные при соблюдении законов Российской империи и соответствующем оформлении документов на въезд не были ограничены каким-либо предельным сроком пребывания в стране и могли просить о принятии их в российское подданство.

Во второй половине XIX — начале XX в. в российском законодательстве достаточно четко прописывались условия натурализации, уравнивались статусы приобретенного и прирожденного подданного. Законодатель разграничивал статус подданного и иностранца, стремясь ликвидировать слой «неполноценных граждан или привилегированных иностранцев».

Нетрудно заметить, что ни законодатель, ни доктрина практически не уделяли внимания институту подданства детей. Следует полагать, что это можно объяснить в первую очередь отождествлением статуса родителей и детей, порой полным игнорированием «незащищенности» последних. Причем в начале изучаемого исторического этапа (XVII в.) такой подход приобретал свои крайние формы. Так, можно обнаружить немало примеров, когда детей казнили вместе со своими родителями, в том числе по причине их понимания как единого целого.

1. См.: Миронов М. А. *Обращения граждан как конституционно-правовой институт (проблемы реализации)* : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 4–5.
2. См., напр.: Понизова Е. В. *Возникновение и развитие института гражданства в России* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4–6.
3. См.: Николаев В. Б. *Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ)* : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 9–11.
4. См.: Пуховской Д. А. *Понятие «иностранец» в правоотношениях в России XVII — начала XX века* // *История государства и права*. 2010. № 11. С. 7–9.
5. См.: Назаренко Н. И. *Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI — первой половины XVII в.* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. См.: Пуховской Д. А. *Указ. соч.* С. 7–9.
7. См. подробнее: Кутафин О. Е. *Российское гражданство*. М., 2004.
8. См.: *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. Т. XXIX. 1806–1807. Ст. 24418.
9. См.: Николаев В. Б. *Указ. соч.* С. 9–11.
10. См.: *Свод законов Российской империи*. Т. IX. СПб., 1899. Ст. 982.
11. См.: Владимирова Г. Е. *Основные государственные законы в определении политико-правовых параметров Российского государства (к 175-летию издания)* // *Право и политика*. 2007. № 11. С. 13–15.
12. См.: *Полное собрание законов Российской империи*. Собр. 1-е. Т. 6. № 3718, 3840, 3850; *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 179–180; *Законодательство Петра I*. М., 1997. С. 313, 756, 540, 543–544.
13. См., напр.: Минаева Н. В. *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в России в начале XIX в.* Саратов, 1982; Сафонов М. М. *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.* Л., 1988.
14. См.: Николаев В. Б. *Указ. соч.*

Содержание бремени собственности

The Components of Burden of Property

Статья посвящена проблеме, связанной с наличием у собственника обязанностей по отношению к принадлежащим ему вещам. В работе отражены проблемы определения понятий «бремя содержания имущества» и «риск случайной гибели (случайного повреждения) имущества», которые являются составляющими бремени собственника (бремени собственности). Рассмотрены вопросы, касающиеся возможности государства и третьих лиц оказывать влияние на собственника при осуществлении им действий по содержанию своего имущества.

Собственность; имущество; бремя; обязанность; риск; гибель; повреждение

This article is dedicated to a problem of presence to the owner duties of his ownership. The article considered to a problem of definition conceptions of «burden of property maintenance» and «incidental risk of destruction (incidental damage) of property» that constructed the burden of ownership. The possibilities of state bodies and the third persons to have influence to the owner in making actions of maintenance of his ownership are considered.

Ownership; property; burden; duty; risk; destruction; damage

В современном обществе, основанном на капиталистическом укладе, большое значение придается благосостоянию граждан. В условиях нестабильности мировой экономики самым эффективным способом сохранения и приумножения своего состояния остается вложение накопленных денежных средств в различное имущество. Признаком зажиточности и обеспеченности людей является количество находящихся у них в собственности объектов материального мира. Наше государство идет по пути одобрения того, что у граждан появляется на праве собственности различное имущество, количество и предельная сумма которого не ограничены и постоянно увеличиваются, не забывая при этом и о своих интересах, интересах органов местного самоуправле-

ния и т. д. Подтверждением этому служит ст. 8 Конституции [1], провозглашающая, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Таким образом, практически каждый гражданин Российской Федерации имеет в собственности движимое и недвижимое имущество, наличие которого не только обеспечивает ему комфортное существование в настоящем, но и дает определенную уверенность в будущем.

Право собственности является ключевым среди вещных прав. Собственники имущества вправе распоряжаться им по собственному усмотрению. Они обладают триадой важнейших правомочий, закрепленных в п. 1 ст. 209 ГК [2]: владения,

пользования и распоряжения. Таким образом, они могут непосредственно обладать находящимся у них в собственности имуществом, использовать его по собственному усмотрению и определять юридическую судьбу принадлежащей им вещи. Все эти три правомочия составляют содержание права собственности. Никто не вправе нарушать и ограничивать указанные права собственников (за исключением случаев, установленных законом). Кроме того, законодательство РФ надежно защищает собственников от любых посягательств на их права, предусматривая множество способов защиты права собственности.

Все эти неограниченные возможности собственников в отношении принадлежащих им вещей нередко называют «благом» по обладанию имуществом. Однако не стоит забывать, что помимо перечисленных выше «положительных» правомочий собственники вынуждены нести также и определенные расходы, связанные с принадлежащим им имуществом. К ним, в частности, относятся необходимость уплаты налогов на имущество, траты, связанные с его поддержанием в надлежащем виде, пригодном для эксплуатации состояния, и др. Это своеобразная «обратная» сторона права собственности, его так называемое бремя. Бремя собственности является еще одним элементом, составляющим содержание права собственности, наряду с «триадой» правомочий. Оно побуждает собственника не только наслаждаться благами, извлекаемыми из эксплуатации имущества, но и производить определенные траты и совершать различные действия для поддержания его в пригодном для эксплуатации и безопасном для окружающего мира состоянии. Такое бремя, как и рассмотренные правомочия, — важный элемент в составе права собственности.

В толковых словарях понятие «бремя» объясняется как «тяжелая ноша». Действительно, необходимость собственника должным образом заботиться о своем имуществе лежит на нем тяжелым грузом, заставляя претерпевать финансовые и иные издержки, связанные с необходимостью поддержания имущества в надлежащем состоянии, иногда неся возможность лишиться его.

Бремя собственности является категорией признаваемой и широко используемой в современной юридической литературе. Авторы достаточно легко оперируют данным понятием, описывая эту «отрицательную» часть права собственности. Следует отметить, что в литературе эту категорию также называют бременем собственника или бременем содержания имущества. Все эти определения идентичны по своему значению и внутреннему составу, однако последнее, используемое Л. В. Кузнецовой [3], по нашему мнению,

неверно, поскольку дано по названию лишь одного элемента, составляющего содержание указанного правового понятия.

Традиционно в его состав принято включать бремя содержания имущества (ст. 210 ГК) и риск случайной гибели (повреждения) имущества (ст. 211 ГК).

Под бременем содержания имущества следует понимать обязанность собственника поддерживать имущество в исправном, безопасном и пригодном для эксплуатации в соответствии с назначением имущества состоянии [4]. Данное определение, по нашему мнению, стоит немного скорректировать и назвать бремя содержания имущества все-таки не обязанностью, а необходимостью для собственника. Из смысла слова «обязанность» в правовом его значении следует сделать вывод, что за ее неисполнение собственник должен нести какую-либо ответственность. Это вполне справедливо, ведь в гражданских правоотношениях каждой субъективной обязанности противостоит чье-то субъективное право. Следовательно, также должны быть определены лица, имеющие право требовать от собственника исполнения этой обязанности. Но право собственности, являясь абсолютным, предусматривает, что именно управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных субъектов, а самому абсолютному праву коррелируют обязанности управомоченного субъекта, которые вытекают из запретов, устанавливающих пределы осуществления такого права. Поскольку основное правовое средство установления таких пределов — законодательные запреты на общественно вредные способы, цели и формы осуществления прав, то требование нести бремя содержания имущества должно вытекать из нарушения собственником таких пределов. Помимо этого, рассматриваемое бремя становится для собственника обязанностью в случае прямого установления в законе требований к использованию и содержанию определенных видов имущества. И вот уже в результате неисполнения требований, вытекающих из таких оснований, собственник может подлежать ответственности. А какую ответственность несет собственник, например, мобильного телефона за содержание его в ненадлежащем состоянии? Кроме того, никто не вправе требовать от него произвести ремонт или хранить телефон исключительно в определенных условиях, в соответствии с правилами, указанными в инструкции по эксплуатации или иных документах. В законодательстве РФ отсутствуют нормы, принуждающие собственника к осуществлению таких действий. Исполнение указанных рекомендаций остается на усмотрение собственника и зависит лишь от его заинтересованности в продлении срока службы вещи.

Такой же точки зрения придерживается С. А. Степанов: «Законодатель не случайно применил термин “несет бремя”, избежав слов “несет обязанности”. Известно, что всякой гражданско-правовой обязанности всегда противостоит чье-то право требовать исполнения этой обязанности. Бремя содержания имущества, следовательно, не является такой юридической обязанностью (закон не позволяет третьим лицам искать в суде принуждения собственника к фактическому исполнению бремени, если, конечно, эта обязанность не вытекает из закона, но это уже не бремя...)» [5].

Однако также неправильным было бы ограничивать понимание бремени содержания имущества и исключительно добровольными действиями собственника, поэтому до конца согласиться с мнением С. А. Степанова нельзя. Обязанности, установленные законом, также должны быть включены в содержание этого понятия, разбивая его структуру на две части: добровольное и юридически обязывающее бремя. Добровольные действия собственника должны составлять содержание такого бремени, поскольку производятся им вынужденно и необходимость их совершения всегда связана с наличием у него определенной вещи. За неисполнение добровольного бремени к собственнику не могут быть применены никакие меры ответственности. Исполнение добровольного бремени остается на усмотрение собственника и зависит лишь от его заинтересованности в долгом использовании вещи. Такое бремя побуждает собственника, но не обязывает. Также в понятие «бремя содержания имущества» необходимо включать и обязанности, установленные нормативными актами или правилами безопасности, — это юридически обязывающее бремя. Вот за его неисполнение к собственнику могут быть применены определенные меры ответственности, потому что в результате неисполнения обязанностей могут быть нарушены права и интересы третьих лиц. Данное бремя несет в себе социальную функцию.

В связи с этим ограничивать понятие «бремя содержания имущества» определением исключительно как обязанности собственника, по нашему мнению, неправильно. Ограничение не позволяет провести комплексный анализ понятия и в полной мере изучить данную правовую категорию.

Гибель имущества означает уничтожение (исчезновение) соответствующего объекта гражданских прав. Повреждение имущества в данном случае следует понимать достаточно широко. Имеются в виду как собственно повреждения в результате механического или иного воздействия на вещь, так и порча как следствие неких органических процессов [6].

При этом под случайной гибелью или повреждением имущества следует понимать такую гибель или повреждение, в которых нет ничьей вины, т. е. не должно быть третьих лиц, в результате действия которых произошла гибель или повреждение имущества и с которых впоследствии можно взыскать стоимость утраченного или поврежденного имущества. Неблагоприятные имущественные последствия несет собственник. Он может смириться со случившимся либо предпринять действия, направленные на восстановление утраченного, ремонт поврежденного имущества и пр., но не вправе ни от кого ничего требовать, поскольку никто не виновен в утрате или повреждении имущества и, следовательно, никого нельзя привлечь к ответственности. Таково общее правило, в котором есть определенные исключения.

Рассматриваемое правило действует, если произошел простой случай (казус) (иногда его именуют субъективным случаем) — есть утрата или повреждение имущества, но нет виновных в этом. Оно применяется также, если произошло чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила, иногда ее называют объективным случаем) [7].

В юридической литературе отражено мнение, что и бремя содержания имущества, и риск его случайной гибели (повреждения) вместе являются составляющими бремени собственности.

Е. А. Суханов объединяет эти два понятия в категорию бремени собственника: «Вместе с тем в отношениях собственности, как уже отмечалось, тесно переплетаются две их стороны: “благо” обладания имуществом и получения доходов от его использования и “бремя” несения связанных с этим расходов, издержек и риска. Поэтому ст. 210 ГК РФ специально подчеркивает необходимость для собственника нести бремя содержания своего имущества, если только законом или договором это бремя или его часть не возложены на иное лицо (например, охрана сданного внаем имущества — на нанимателя, управление имуществом банкрота — на конкурсного управляющего и т. д.).

Собственник несет также риск случайной гибели или порчи своего имущества, т. е. его утраты или повреждения при отсутствии чьей-либо вины в этом (ст. 211 ГК РФ). По сути, этот риск также составляет часть указанного выше бремени собственника» [8].

Л. В. Кузнецова ставит вопрос, включаются ли в объем понятия «бремя содержания имущества» (в своей работе этот автор использует понятие «бремя содержания имущества», что, по нашему мнению, не отражает сущности исследуемого явления, поэтому в данной статье используется

более верное понятие «бремя собственности», или «бремя собственника») и различные имущественные риски, и если нет, то как соотносятся данные значимые для гражданского права явления. Она всесторонне исследует понятие «риск» и делает вывод, что «сам риск, конечно, не входит в юридическое содержание понятия “бремя содержания имущества”. Категория риска сама по себе означает лишь предполагаемое событие, другими словами, возможность наступления соответствующего юридического факта, с которым связаны те или иные отрицательные имущественные последствия» [9]. При этом Л. В. Кузнецова отмечает, что «понятие «несение риска» имеет, конечно, иное содержание» [10]. По ее мнению, бремя собственности включает в себя несение риска случайной гибели или повреждения имущества.

К таким выводам она приходит в результате определения бремени содержания имущества как гражданско-правовой обязанности собственника. Риск же Л. В. Кузнецова понимает как «вероятное, возможное или даже предполагаемое событие, с фактическим наступлением которого для субъекта права связываются те или иные (в зависимости от конкретного содержания риска) неблагоприятные имущественные последствия» [11]. В результате автор подытоживает, что сам по себе риск не является составной частью указанной обязанности.

Под «несением риска» Л. В. Кузнецова определяет обязанность лица претерпевать последствия фактического наступления события, возможность которого составляет содержание данного риска. В таком понимании, по ее мнению, оцениваемая категория может и должна рассматриваться как элемент бремени собственности, ведь возлагаемое законом или договором на то или иное лицо бремя содержания имущества предполагает и обязанность данного лица нести расходы, сопряженные с повреждением такого имущества или его гибелью (необходимостью его

утилизации, замены и т. п.). Что это, если не несение риска случайной гибели или повреждения соответствующего имущества? В связи с этим точку зрения на то, что бремя содержания имущества логически объединяет и несение риска случайной гибели или повреждения имущества, она признает верной [12]. По ее мнению, несение риска, также охватываемого понятием «бремя собственности», должно подразумевать и обязанность собственника совершать действия, предупреждающие наступление негативных имущественных последствий, так как это соответствует интересу лица — обладателя вешного права на имущество в его сохранении.

Следует согласиться с точкой зрения Л. В. Кузнецовой по поводу того, что понятие риска не должно включаться в содержание бремени собственника. Сам риск как всего лишь возможность наступления какого-либо события, способного уничтожить или повредить имущество, не побуждает собственника совершать никаких действий по отношению к своему имуществу, за исключением предупреждающих наступление негативных последствий. Но такие действия, скорее, можно включить в состав бремени содержания имущества. В таком случае для собственника играют роль именно последствия наступивших событий. Проанализировав ст. 211 ГК, можно сделать вывод, что речь в ней идет не о возможности наступления события в будущем, а именно о последствиях уже свершившегося, ведь в первом случае имущество все еще находится в надлежащем, пригодном для использования состоянии. В связи с этим включение в состав бремени собственности именно понятия «несение риска» является, несомненно, более правильным.

Таким образом, вышеприведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод, что в состав бремени собственника должны включаться бремя содержания имущества и несение риска случайной гибели или повреждения имущества.

1. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

3. См.: Кузнецова Л. В. Вещные права на имущество и бремя его содержания // Вещные права: постановка проблемы и ее решение : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2011.

4. См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011.

5. Гражданское право : учебник / под ред. С. А. Степанова : в 3 т. М., 2011. Т. 1. С. 190.

6. См.: Там же.

7. См.: Там же.

8. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. М., 2011. С. 510.

9. См.: Кузнецова Л. В. Указ. соч. С. 17.

10. См.: Там же.

11. См.: Там же. С. 16.

12. См.: Там же. С. 17.

УДК 347.641

Н. Ш. Курбоналиев
N. Sh. Kurbonaliev

Некоторые вопросы защиты гражданских информационных прав ребенка

Some Questions of Protecting the Civil Rights of the Child Information

В статье рассматриваются вопросы защиты гражданских информационных прав ребенка в качестве субъективного права. Определяются права на защиту, формы и способы защиты информационных прав ребенка.

Информационные права ребенка; защита информационных прав; способы защиты; информационная безопасность; устранение информационных правонарушений

The article deals with the protection of civil rights of the child information as a subjective right. Define the rights of defense, forms and methods of information protection of child rights.

Information rights of the child; the protection of information rights; ways of protection; information security; to address the information offenses

В обеспечении информационной безопасности граждан важную роль выполняют нормы защиты гражданских прав, в частности направленные на защиту информационных прав. Подобная защита как субъективное право выражает нормы, заключающие в себе законное поведение уполномоченных лиц по устранению препятствий и нормализации гражданского информационного оборота. Данные действия направлены на устранение информационных правонарушений, поэтому ребенок приобретает право на подобную защиту с момента возникновения гражданских информационных прав. Как и другие субъективные права, право на защиту включает, с одной стороны, возможность осуществления своих положительных действий полномочным лицом, с другой — возможность требования определенных действий от ответственного лица.

Понятие действия в данном случае означает применение в отношении правонарушителя мер

воздействия по устранению последствий, связанных с уничтожением, преобразованием или иным незаконным доступом к секретной информации, а также право требовать определенных действий от ответственного лица по охране такой информации. Субъективное право в случае отсутствия государственного принуждения утрачивает свою сущность. В противном случае, теряя социальную значимость, оно превращается в самое простое пожелание. В связи с этим существуют проблемы защиты субъективных информационных прав, содержание которых составляет право на собственные действия, право требовать определенных действий от других лиц и право на защиту законных интересов в информационной сфере. К этому праву относятся обязательства по нормализации информационных правоотношений или устранению ограничений в осуществлении гражданских информационных прав.

В юридической литературе по вопросу природы права на защиту существуют различные мнения и суждения. Некоторые авторы рассматривают его как одно из правомочий субъективного гражданского права наряду с правом на собственные действия, а также правом требовать определенного поведения от обязанных лиц [1].

По мнению других ученых, право на защиту является самостоятельным субъективным правом, возникающим в момент нарушения права в рамках не регулятивного правоотношения, а охранительного [2].

М. К. Сулейманов рассматривает данный вопрос с точки зрения основного и производного права, поэтому право на защиту он оценивает как второстепенное субъективное право [3].

Несмотря на некоторые различия, между этими позициями нет серьезных разногласий, так как в любых обстоятельствах право на защиту признается важным элементом субъективного права. Это мнение также поддерживает Р. Ш. Менглиев. Он считает, что право на защиту, являясь одним из правовых элементов субъективного права, в случае правонарушения превращается в самостоятельное субъективное право [4].

Ш. К. Гаюров придерживается того взгляда, что данное право возникает у его обладателя только в случае правонарушения или оспаривания субъективных гражданских прав, и оно реализуется в рамках возникновения защиты правоотношений [5]. Следовательно, он поддерживает позицию Р. Ш. Менглиева и считает ее близкой к действительности.

Защита гражданских информационных прав и охраняемых законом интересов ребенка осуществляется в юрисдикционной и неюрисдикционной форме. Юрисдикционная форма подразумевает защиту указанных прав посредством обращения заявителя о защите в полномочный государственный орган.

Неюрисдикционная форма подразумевает защиту прав посредством действий самого правового субъекта, минуя обращение в полномочный государственный орган. К этой форме защиты прав относится самозащита согласно ст. 14 ГК Республики Таджикистан [6]. Однако здесь имеются некоторые ограничения, в частности, в данной статье понятие «самозащита» не раскрыто. В ней лишь отмечено, что допускается «самозащита гражданских прав» или, как справедливо утверждает А. П. Сергеев [7], пострадавшей стороне предоставляется возможность выполнения правомерного воздействия в отношении правонарушителя, без обращения в судебный орган или другой государственный орган. К такому пониманию самозащиты относится законное действие или бездействие полномочного лица, связанное с исполнением его воли, направленное на защиту или вос-

становление нарушенных прав в односторонней форме. В связи с этим данная форма защиты гражданских прав является неотъемлемой частью системы защиты. Кроме того, в юридической литературе имеют место и другие понятия самозащиты. В. В. Витрянский, Ю. Г. Басин и др. [8] считают самозащиту самостоятельной формой защиты гражданских прав. Такое положение не противоречит правовой природе защиты формы вне юрисдикции. Некоторые способы защиты, возможно, осуществляются самостоятельно или с участием полномочных органов.

По мнению Ш. К. Гаюрова, для того чтобы самозащита выступила как отдельная самостоятельная форма, требуются по крайней мере три условия:

- 1) правонарушение;
- 2) необходимость осуществления действий, направленных на защиту личных интересов, прав и интересов других лиц и государства;
- 3) применение норм, которые соответствуют характеру и содержанию правонарушения [9].

Среди способов защиты личных информационных прав, предусмотренных ст. 12 ГК Республики Таджикистан, имеются способы, которые могут быть применены только судом. Среди них важное место занимают признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, компенсация морального вреда, признание права и пр. Помимо этих способов, сторонами правоотношений самостоятельно или через суд могут быть применены такие, как взыскание неустойки, прекращение или изменение правоотношения и др.

Б. Т. Худояров [10] придерживается мнения о том, что в понятие «защита семейных прав» следует включить не только особенность принудительных мер, но и средства, способы и формы защиты, а также восстановление нарушенных субъективных прав. При этом под понятием защиты прав и интересов ребенка в семейном праве следует понимать деятельность судов и других государственных органов о принуждении родителей, приемных родителей, опекунов и попечителей, других заменяющих их лиц, не выполняющих или ненадлежащим образом выполняющих свои обязанности.

Конституция Республики Таджикистан [11] защищает информационные права граждан. В соответствии со ст. 30 Основного закона страны «Каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации», а в ст. 40 предусмотрено: «Каждый имеет право на свободное участие в культурной жизни общества, художественном, научном и техническом творчестве и пользоваться их достижениями».

Согласно ст. 41 Конституции Республики Таджикистан «Каждый имеет право на образование. Общее основное образование обязательно. Государство гарантирует общее основное обязательное

бесплатное образование в государственных учебных заведениях» и пр.

Независимо от того что информационные права граждан непосредственно закреплены в Конституции Республики Таджикистан, указанные положения развиты в законах Республики Таджикистан от 10 мая 2002 г. № 55 «Об информации» [12], от 6 августа 2001 г. № 40 «Об информатизации» [13], от 2 декабря 2002 г. № 71 «О защите информации» [14].

К примеру, согласно ст. 8 Закона Республики Таджикистан «Об информации» субъекты информационных отношений, в том числе ребенок, имеют возможность свободного получения, использования, распространения и защиты информации, необходимых для осуществления прав, свобод и законных интересов, выполнения их целей и задач. Кроме того, каждому гражданину, за исключением случаев, предусмотренных законом, обеспечивается свободное получение информации, принадлежащей лично ему. Статья 34 Республики Таджикистан «Об информации» гласит, что информация является объектом государственной собственности, юридических и физических лиц. Основой возникновения собственности на информацию служат:

- 1) формирование собственной информации и за свой счет;
- 2) договор о получении информации;
- 3) договор, заключающий в себе условия передачи права собственности на информацию другому лицу.

Отсюда следует, что ребенок, так же как и физическое лицо, имеет право на информацию.

В ст. 30 Закона Республики Таджикистан «Об информатизации» указано, что государствен-

ные и негосударственные организации, а также граждане имеют одинаковую возможность в составлении и создании информационных систем и технологий, средств их обеспечения, а также право на осуществление деятельности относительно предоставления продукции и оказания информационных услуг.

Права субъектов защищаются в сфере формирования процессов информации и информатизации с целью предупреждения правонарушений, недопущения незаконных действий, восстановления нарушенных прав и компенсации убытков.

Согласно ч. 3 указанной статьи ребенок, так же как и субъект информационных отношений, с учетом особенностей правонарушения и нанесенного вреда может защитить свои права посредством обращения в суд.

Часть 2 ст. 31 данного Закона гласит, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору купли-продажи стороны несут ответственность согласно гражданскому законодательству Республики Таджикистан.

Поскольку ребенок может быть субъектом авторского права, его информационные права также защищаются Законом Республики Таджикистан «О защите информации». В соответствии со ст. 7 данного Закона субъекты этих правоотношений при нанесении вреда в результате незаконных действий, ставших причиной уничтожения, перекрытия распространения, фальсификации, кражи, копирования, исключения, изменения, преобразования информации, а также при нарушении авторских прав могут применять меры по устранению незаконных барьеров или возмещению вреда.

1. См.: Гаюров Ш. К. Личное информационное право граждан: проблемы гражданско-правового регулирования в Республике Таджикистан : монография. М., 2010. С. 73–74.

2. См., напр.: Елисейкин П. Ф. Правоохрнительные нормы: понятие, виды, структура // Защита субъективных прав и гражданское судопроизводство : межвуз. темат. сб. / отв. ред. П. Ф. Елисейкин. Ярославль, 1977. С. 34–35; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 134.

3. См.: Сулейменов М. К. Защита гражданских прав по законодательству Республики Казахстан // Защита гражданских прав : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 10-летию Казахского гуманитарно-юридического ун-та (в рамках ежегодных цивилистических чтений). Алматы, 13–14 мая 2004 г. / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2005. С. 12.

4. См.: Менглиев Р. Ш. Защита прав владения. Душанбе, 2002. С. 14–15.

5. См.: Гаюров Ш. К. Указ. соч. С. 163.

6. См.: Гражданский кодекс Республики Таджикистан: часть первая от 30 июня 1999 г.; часть вторая от 11 декабря 1999 г.; часть третья от 1 марта 2005 г. // Законодательство стран СНГ — СоюзПравИнформ : сайт. URL : <http://base.spinform.ru/spisdocform.fwx> (дата обращения: 19.02.2012).

7. См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / отв. ред. Н. Д. Егоров, А. П. Сергеев. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 22.

8. См.: Басин Ю. Г., Диденко А. Г. Оперативные санкции как средство защиты гражданских прав. Алматы, 2003. С. 234.

9. См.: Гаюров Ш. К. Указ. соч. С. 164.

10. См.: Худояров Б. Т. Защита прав и интересов детей по семейному праву Республики Таджикистан. Душанбе, 2000. С. 28.

11. См.: Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. // Узнал.Орг — простой справочник : сайт. URL : <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Tajikistan&language=r> (дата обращения: 19.02.2012).

12. См.: Законодательство стран СНГ — СоюзПравИнформ : сайт. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2178 (дата обращения: 19.02.2012).

13. См.: Там же. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2177 (дата обращения: 19.02.2012).

14. См.: Там же. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5204 (дата обращения: 19.02.2012).

Природа преступных проявлений в области предпринимательской деятельности

The Nature of Criminal Manifestations in the Field of Business Activity

В статье рассматривается генезис преступлений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Выказываются гипотезы о специфической природе преступных проявлений экономического характера, допускаемых предпринимателями. Аргументируется позиция о том, что преступления, возникающие в ходе хозяйственной деятельности, выступают побочным нежелательным, но закономерным продуктом предпринимательских рисков. Проводится критический анализ уголовного законодательства РФ, связанный с соотношением экономических преступлений и уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности.

Преступления предпринимателей; недостатки уголовного законодательства; экономическая преступность; рыночные отношения; криминализация предпринимательских рисков

In article features of genesis of the crimes arising in connection with implementation of business activity are considered. Hypotheses of the specific nature criminal manifestations of the economic character allowed by businessmen express. The operational understanding of crimes in the field of business activity from criminological positions is offered. The position that the crimes arising during implementation of economic activity, act collateral undesirable, but a natural product of enterprise risks is reasoned. The critical analysis of the criminal legislation connected with a ratio of economic crimes and penal acts, made in the sphere of enterprise activity is carried out.

Crimes of businessmen; shortcomings of the criminal legislation; economic crime; market relations; criminalization of enterprise risks

Исходя из общей теории криминологии, можно выделить несколько концептуально значимых для настоящего исследования положений, которые позволят определить его границы и предмет. Их интерпретацию можно выразить в следующей гипотезе: возникновение, состояние и динамика преступности, связанной с предпринимательской деятельностью, зависит от общих закономерностей развития экономического, социального и политического уклада регулируемых правом общественных отношений.

В приводимом тезисе, даже при критическом к нему отношении, нельзя рассматривать

призывы для отказа от уголовно-правовой характеристики преступлений в области предпринимательской деятельности. Такой подход был свойственен для периода развития критической буржуазной криминологии. Например, Э. Сатерленд отмечал, что преступления власть имущих, как правило, не охватываются уголовно-правовым воздействием [1]. Автор настоящей статьи, напротив, полагает, что из-под действия уголовного закона не должны выпадать преступления, совершаемые предпринимателями. При этом недопустимы и крайности — определение в уголовном

законодательстве преступного в их действиях (бездействии) широко либо узко, либо же вообще произвольно.

Избежать этого можно при помощи криминологического анализа и оценки обусловленности уголовного законодательства и практики его применения. Однако первичной будет выступать необходимость выявления криминогенных факторов, которые возникают в результате предпринимательской деятельности либо сопутствуют ей как фоновые явления. Только затем станет возможно оценить степень реальной общественной опасности действий (бездействия), связанных с такой деятельностью.

Такой анализ, как представляется, следует начинать с определения социальной и экономической природы криминологически значимых проявлений в области предпринимательской деятельности.

Надо признать, что в условиях утверждения и развития прав собственности при становлении рыночной экономики формирование законопослушного и добросовестного предпринимательства происходит не без недостатков, имеющих криминологическое значение. Криминологически значимые элементы содержит даже легалистское определение понятия предпринимательской деятельности, которое дано в ГК [2].

В соответствии со ст. 2 ГК предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3] порядке. В данном определении можно рассмотреть много диспозитивного для образования причинных факторов преступных проявлений. При допустимом для настоящего исследования утрировании ключевым положением становится «рисковая деятельность», осуществляемая систематически. Немаловажно, что в юридической литературе, а также в политологических трудах наряду с обозначением риска как качественного признака предпринимательской деятельности часто используется и входит в научный оборот слово «страх» в разной его интерпретации (социальный, конкурентный, политический) [4].

В криминологических исследованиях при анализе и оценке влияния криминальных угроз развития предпринимательской деятельности также отмечается страх ее субъектов за безопасность — свою личную либо дела. По оценкам опрашиваемых экспертов из числа предпринимате-

лей, страх вызван «совпадением интересов лидеров преступных группировок и представителей теневой экономики в сфере предпринимательской деятельности», «отсутствием порядка в хозяйственной деятельности» [5]. Представляется, что генезис причинных факторов образования противоправного в предпринимательстве может быть связан также с одной из ключевых характеристик конституционно-правового статуса основных прав и свобод человека и гражданина (в нашем случае — субъектов предпринимательской деятельности), а именно с правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции [6]).

Принимая во внимание вышеприведенные факторы, которые сопутствуют развитию бизнеса, не менее важным является и определение обстоятельств, способствующих образованию преступного в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Криминообразующие признаки могут быть продуцированы изменчивостью или неоднозначностью правового регулирования макроэкономических процессов и даже ментальным отношением правоприменителей к предпринимателям как к субъектам деятельности, чуждой для недавно существовавшего социально-экономического уклада.

Примечателен в данном случае тезис о том, что «высокая динамичность предпринимательского законодательства как раз и является объяснением того, что оно развивается главным образом за пределами ГК РФ, в текущих федеральных законах, которые подвергаются частым изменениям под влиянием изменяющейся экономической ситуации в обществе» [7]. Более значимым для определения сути правовых регуляторов деятельности субъектов бизнеса представляется утверждение, что «механизм обеспечения прав и интересов общества, выраженный в нормативных предписаниях, ограничениях и запретах, а также в процедурах их реализации, есть не что иное, как компетенция власти в отношении предпринимателя» [8].

Соотнося вышеприведенные положения, легко обнаружить ключевой фактор нестабильного или изменчивого правового регулирования, способный превратить какие-либо проявления предпринимательства или сопутствующие ему действия (бездействия) в противоправные или же недопустимые при необходимом усмотрении со стороны органов государственной власти.

Не вдаваясь в подробную характеристику причин изменения российского законодательства, непосредственно или опосредованно затрагивающего

сферу предпринимательства, целесообразно отразить количество таких изменений. Интерес представляет динамика внесения изменений и дополнений в законодательные акты, регулирующие фундаментальные отношения, связанные с государственной регистрацией юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Так, Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» по состоянию на декабрь 2012 г. выдержал 24 редакции разного характера (преимущественно дополнения и изменения).

Изменчивость можно продемонстрировать и на УК [9]. В первую очередь это касается решений по декриминализации и криминализации ряда статей гл. 22 УК, в которую было внесено более 100 изменений [10].

Даже незначительная изменчивость общественных отношений в сфере предпринимательства не может не коррелировать с необходимостью их уголовно-правового регулирования. Нельзя не согласиться с тем, что природа такой изменчивости во многом обуславливается свойством рынка, представленного как стихия, независимая от воли участников. Примечательно в этой связи мнение специалистов о том, что «усмирение нежелательных проявлений, заложенных в данной стихии, — одна из ключевых задач регулирования рыночной экономики» [11], а «рыночные отношения изначально содержат потенциальную возможность криминализации экономики» [12]. Представляется, что при такой ситуации важность сохранения баланса интересов государства и хозяйствующих субъектов диктует необходимость установления сильного регулятора, каковой заключен в нормах уголовного законодательства.

Общественные отношения в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности выступают в качестве видового объекта группы преступлений, продуцируемых в ходе предпринимательской деятельности. Они разнообразны по своей природе, но базисом в них могут являться отношения, связанные с приобретением доходов от предпринимательства, распоряжением собственностью либо владением или пользованием имуществом, находящимся, например, в аренде, а также с осуществлением экономической деятельности.

Важно подчеркнуть, что исследуемый в настоящей работе объект вовсе не связан с определением родового объекта преступления, когда за основу берется группа однородных по своей социальной природе общественных отношений, охраняемых в силу этого единым комплексом уголовно-правовых норм. При таком подходе харак-

тер объекта и, соответственно, общественная опасность преступления позволяют определить последовательность расположения группы преступлений в одной из глав Особенной части УК. Напротив, часто высказывается сомнение относительно правильности помещения ряда норм, прежде всего связанных с предпринимательской деятельностью, в гл. 22 УК. Так, И. А. Клепицкий указывает, что уголовно-правовые запреты, предусмотренные ст. 169, 170, 173 (утратила силу), 174 и 174.1 и закрепленные в гл. 22 УК, направлены на охрану отношений, лежащих за рамками экономической деятельности [13].

В этой связи спорные позиции может обнаружить проведенная Б. В. Яценко классификация деяний, предусмотренных гл. 22 УК, в соответствии с которой выделяются:

- 1) преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: ст. 169–175, 178–180, 183, 184, 195–197;
- 2) преступления в денежно-кредитной сфере: ст. 176, 177, 181, 185–187;
- 3) преступления в сфере финансовой деятельности государства: ст. 188–194, 198, 199 [14].

Представляется, что преступления, которые характерны для предпринимателей, не могут ограничиваться деяниями первой классифицированной группы. Предприниматели вполне могут совершить преступления в денежно-кредитной сфере (например, предусмотренные ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК), а также в сфере финансовой деятельности государства (ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» УК).

Таким образом, есть тонкости, не позволяющие однозначно определять в виде однородного массива группу деяний, отвечающих критериям уголовно-правовой достаточности их отнесения к категории преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности.

Однако для исключения путаницы в определении преступлений предпринимателей, совершаемых в сфере экономики, требуется выработать общие признаки исследуемых особенностей преступного в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Выделение особенного требует определения субъектов. Для целей настоящего исследования предлагается исключить из перечня субъектов должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, вне зависимости от их статуса — будь то государственные гражданские либо муниципальные

служащие. Итак, ключевыми являются субъекты предпринимательской деятельности из числа индивидуальных предпринимателей, а именно граждан, которые в соответствии со ст. 23 ГК занимают предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации. К этой группе можно отнести участников юридического лица, посредством которых согласно ст. 53, 72, 84 ГК юридическое лицо может приобретать права и обязанности в хозяйственном обороте. Субъектом преступления, согласно ст. 178 УК, могут выступать руководители коммерческих организаций и их объединений (союзов или ассоциаций), а также некоммерческих организаций, за исключением тех, которые не заняты предпринимательской деятельностью.

Следующий существенный момент — это определение категории рассматриваемых преступлений в криминологически значимом их содержании, необходимом для выделения их из общего. Преступления предпринимателей не следует считать в чистом виде экономическими, они могут и не быть таковыми именно в современный период. Хотя еще 20 лет назад корифеи криминологической науки высказывали мнение, что экономическая преступность состоит из посягательств на собственность и порядок осуществления предпринимательской деятельности [15]. Эта позиция, думается, проистекает из доктринальных положений досоветского периода развития уголовного права об оценке экономических преступлений, которая заключена в том, что почти все они направлены против собственности [16].

Наряду с этим даже интегративные признаки экономических преступлений, внешне характерные для преступлений предпринимателей, фактически не соответствуют последним де-факто и не могут служить для объяснения природы преступного в них. Так, преступления, продуцированные от предпринимательской деятельности, могут не иметь цели получения имущественной выгоды и не содержать причинения вреда охраняемым законом экономическим интересам граждан и государства.

Примечательно в этой связи следующее суждение: «...любой договор хозяйствующих субъектов, приносящий выгоду всем субъектам, может быть оценен по-разному с точки зрения его материальной выгоды для разных субъектов: для одного субъекта он точно будет более выгоден, чем для другого (хотя, наверное, возможен и полный паритет, но в условиях конкурентной борьбы достичь идеального равновесия очень сложно). Следовательно, любые экономические отношения договорного типа, т.е. абсолют-

но легальные, могут быть расценены как присвоение, например, одним субъектом, полученного им по договору» [17]. Приводя далее аналогичные суждения, надо признать, что даже УК не позволяет расценивать как мошенничество обманы, способствующие извлечению имущественных выгод, не связанных с приобретением имущества или права на него.

К рассматриваемому объекту исследования следует осторожно подводить какое-либо однозначное определение, тем более из доктрины уголовного права. Можно выделить череду дефиниций, которые будут мало соответствовать определению сущностного преступного, возникающего в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Здесь не следует оперировать такими терминами, как «посягательство на отношения в сфере предпринимательства» [18], «преступления предпринимателей» [19], «бизнес-преступления» [20], которые могут быть связаны с иными объектами, защищенными уголовным законом, например с рейдерскими поглощениями, корпоративными криминальными конфликтами, с инсайдерской деятельностью. Хотя для этих преступных проявлений характерно то, что они преимущественно совершаются участниками юридических лиц в ходе ведения крупного и среднего бизнеса.

В связи с выработкой искомого операционального понятия необходимо понимать, что к перечню преступлений в сфере предпринимательства не следует относить деяния, имеющие отношение к сфере предпринимательства в качестве основного, дополнительного, обязательного либо факультативного объекта (противоположного мнения придерживается А. П. Горелов [21]). Такой подход чреват необоснованным расширением преступных свойств деяний, которые могут совершаться вообще участниками предпринимательских отношений, а не только предпринимателями.

Более ясную картину происхождения преступного в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, которая будет способствовать выработке искомого операционального понятия, могут дать следующие криминологически значимые суждения. Представляется, что адекватная оценка преступного деяния, возникающего в связи с предпринимательской деятельностью или в ходе ее осуществления, крайне затруднена, поскольку в настоящее время отсутствуют критерии достаточности уголовно-правового запрета. Данная гипотеза вполне может подтверждаться недавно проведенными законодательными инициативами по расширению составов преступлений мошенничества (см. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» [22]). В результате этих нововведений появилась линейка мошеннических действий, каждое из которых может совершить предприниматель (ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования» и ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» УК). Существуют и специальные нормы, имеющие самое непосредственное отношение к рассматриваемым в настоящей работе общественным отношениям, возникающим в связи с совершением преступлений в ходе предпринимательской деятельности, — это ст. 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» и ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования» УК.

Думается, что расширение состава преступлений мошенничества может продуцировать криминализацию действий легитимных предпринимателей, которые используют не по целевому назначению полученные банковские кредиты или не могут их своевременно вернуть. Между тем введение новых уголовно-правовых запретов сложно счесть продуцирующим преступное в деяниях предпринимателей по сравнению с действием иных криминологически значимых факторов, как то коррупция в среде правоохранительных органов, произвол со стороны чиновников, ограничивающих конкуренцию. В этой связи издержки государства на оптимизацию УК и уголовное преследование в сфере предпринимательства намного существенней и больше, чем достигаемые результаты уголовно-правовой охраны этой сферы. Более значимой задачей могло бы стать обеспечение уголовно-правовой защиты самих предпринимателей, их собственности и имущества, личной неприкосновенности.

Отсутствие внимания к вопросам такого обеспечения способно производить более емкие и сильные криминогенные факторы, по общественной опасности превышающие те, которые содержатся в деяниях, запрещенных в настоящее время УК. К числу таковых можно отнести те, которые произрастают из экономических линий детерминации, связанных, например, с достижением наиболее эффективной и прибыльной деятельности. В условиях агрессивных коррупционных притязаний и административного давления на бизнес предприниматель вынужден прибегать к необходимости допускать отступления от договорных и законных оснований деятельности, что позволяет возмещать разницу в потерянных ресурсах и упущенных возможностях, необходимых для инвестиций в развитие дела, совершенствования хозяйственной деятельности.

Рассматривая генезис становления предпринимательского поведения в ходе осуществляемой хозяйственной деятельности преступным, нельзя

обойти вниманием стереотипы ментального юридико-догматического суждения о происхождении криминального. Так, некоторые специалисты обстоятельно утверждают, что нарушение главного интереса предпринимательской деятельности, выраженного в систематическом получении прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, представляет собой экономическое правонарушение [23]. Существуют и более радикальные мнения о том, что предпринимательство используется для прикрытия совершения экономических преступлений [24].

Излишне широкая трактовка взаимосвязей предпринимательства и преступности, когда они рассматриваются в качестве слагаемых, представляется неоправданной. При таком подходе смешиваются различные, хотя и тесно связанные проблемы. Авторская позиция продиктована избранной темой исследования, которая задает узкий подход к изучению преступных проявлений, вызванных или связанных с осуществлением предпринимателем своей хозяйственной деятельности, в том числе тех, возникновение которых опосредовано недостатками правового регулирования и практики правоприменения. При этом не менее важно определить компоненты субъективных и объективных факторов в совершаемых предпринимателями уголовно наказуемых деяниях. Здесь можно прибегнуть к весьма критичному для классической криминологии многомерному социологическому подходу к оценке преступления, связанному с определением положительных его черт по отношению к предпринимательству.

Измеряя уголовно-правовые деяния предпринимателей в диалектике позитивного и негативного, позитивные стороны для субъектов их совершивших могут выражаться в том, что они выступают эффективным средством получения выгод при неосознанном нанесении общественно опасного вреда, являются средством преодоления менее общественно опасных рисков, связанных с решением бизнес-задач. При данном подходе преступления, возникающие в ходе осуществления хозяйственной деятельности, выступают побочным нежелательным, но закономерным продуктом предпринимательских рисков.

Исследуемые преступные проявления в области предпринимательской деятельности обладают определенной спецификой. Их отличает отсутствие очевидного демонстративного нарушения правовых норм. Они совершаются непосредственно в процессе предпринимательской деятельности, в ее границах и пределах компетенции предпринимателя. Как правило, отсутствует персонализация потерпевших при множественности объектов посягательств.

1. См.: Sutherland E. H. *White Collar Crime / Foreword by Donald R. Cressey*. Westport, Conn., 1983.
2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
3. См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. 1). Ст. 3431.
4. См., напр.: Жалинский А. Э. *Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 289; Маркс К., Энгельс Ф. *Фейербах: противоположность материалистического и идеалистического воззрений*. М., 2010. 2-е изд. С. 9; Палеев Р. Н. *Правовой статус субъектов предпринимательской деятельности // История государства и права*. 2012. № 10. С. 32.
5. Арестов А. И. *Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: монография. Подготовлено для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2007.*
6. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
7. Попондопуло В. Ф. *Торговое право — институт гражданского (предпринимательского) права // Арбитражные споры*. 2007. № 1. С. 26.
8. Тихомиров Ю. А. *Публичное право : учебник*. М., 1995. С. 55.
9. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Гармаш А. *Предпринимательская преступность // эж-Юрист*. 2012. № 35. С. 4.
11. Ершов Н. Н. *Правовые пределы вмешательства Российского государства в сферу экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Н. Новгород, 1999. С. 23.
12. Бутенко А. П. *Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Гос-во и право*. 1993. № 7. С. 18.
13. См.: Клепицкий И. А. *Система хозяйственных преступлений*. М., 2005. С. 236.
14. См.: *Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога*. М., 1996. С. 145–146.
15. См.: Кузнецова Н. Ф. *Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право*. 1993. № 4. С. 17.
16. См. подробнее: Фойницкий И. Я. *Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные*. 4-е изд. СПб., 1901. С. 162.
17. Лопашенко Н. А. *Посягательства на собственность : монография*. М., 2012. С. 112.
18. См.: Русанов Г. А. *Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие*. М., 2011. С. 12.
19. См.: Лунеев В. В. *О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Crimpravo.ru : сайт*. URL: <http://crimpravo.ru/blog/1314.html> (дата обращения: 13.02.2013).
20. См.: Скобликов П. *Бизнес-преступления: неоптимистический прогноз // Юрид. газ.* 2011. № 9 (март). С. 12–13.
21. См.: Горелов А. П. *Уголовно-правовая охрана отношений в сфере предпринимательства // Российский следователь*. 2004. № 6. С. 24.
22. См.: СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.
23. См.: Кузнецов А. П. *Преступления в сфере экономической деятельности (понятие, место, классификация) // Следователь*. 1999. № 4. С. 5.
24. См.: Яковлев А. М. *Социология экономической преступности*. М., 1988. С. 50.

УДК 347.963

В. И. Боляк
V. I. Bolyak

Методика прокурорского надзора как разновидность юридической методики: понятие и основные черты

Method of Prosecutor's Supervision as a Variety of the Legal Methods: Conception and Fundamental Traits

В настоящей статье исследуется термин «методика», используемый в российском законодательстве и различных отраслевых юридических науках. По итогам проведенного анализа выделяются три основных подхода к пониманию методики и предлагается авторское определение юридической методики; в качестве особой разновидности юридической методики рассматривается методика прокурорского надзора, формулируется ее авторское определение, характеризуются основные черты.

Методика прокурорского надзора; основные черты методики прокурорского надзора; юридическая методика; методика

This article contains the investigation of understanding of the term «method» in Russian legislation and other branch legal sciences. Based on analysis performed three main approaches for understanding of the term «method» may be pointed out; also author proposes his definition of the term legal method. Method of the prosecutor's supervision may be regarded as specific variation of the legal method, author formulates its definition and reveals the main features of this method.

Method of prosecutor's supervision; fundamental traits of method of prosecutor's supervision; legal method; method

Термин «методика» широко применяется в различных отраслях научного знания, в том числе в правоведении. Как правило, наибольший интерес к научной разработке методики проявляется в тех сферах, в которых именно от выбранной методики в наибольшей степени зависит успех юридической деятельности. Например, традиционно выбор правильной методики считается залогом успеха в области расследования преступлений [1], в сфере прокурорского надзора [2], при осуществлении преподавательской деятельности в области правоведения [3], в связи с чем научному осмыслению соответствующих методик в научной литературе уделяется особое внимание.

Отдельный интерес представляет анализ применения термина «методика» в различных отраслях российского законодательства. Следует отметить, что данный термин нередко используется в нормативных правовых актах, принимаемых органами государственной власти. По итогам проведенного нами анализа можно сделать общий вывод о том, что в правовой литературе и законодательстве имеются следующие основные подходы к определению термина «методика».

Методика как система действий. Такое понимание методики является довольно распространенным в криминалистике и науке уголовно-процессуального права. В частности, Н. А. Селиванов считает, что «методика расследования —

это обусловленная предметом доказывания система взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, в целях установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных способов совершения преступлений данного вида, следственных ситуаций и характерных для их расследования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств» [4].

В законодательстве РФ примерами подобного понимания методики являются определения методики (метода) измерений как «совокупности конкретно описанных операций, выполнение которых обеспечивает получение результатов измерений с установленными показателями точности» (Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» [5]) и методики социальных исследований как «системы операций, процедур, приемов установления социальных факторов, их систематизации и средств их анализа» (приказ Минкультуры России от 06.05.2008 № 71 «Об одобрении учебно-методического пособия «Методическое обеспечение социально-культурной деятельности» [6]).

Данная позиция является одной из наиболее аргументированных и строится на том очевидном факте, что любая методически осуществляемая юридическая деятельность представляет собой совокупность отдельных действий, которые выстраиваются в систему, подчиняясь общим целям и задачам, а также выбранной методике.

Методика как система научных положений и (или) рекомендаций. Например, Р. С. Белкин понимает методику расследования преступлений как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений» [7].

Несомненным достоинством подобного понимания является его ориентированность на подведение прочной научной основы под любую методику, применяемую на практике. Методика провозглашается таковой только в том случае, если она является не интуитивно или опытным путем созданной, а научно аргументированной, системной, логичной, обоснованной в разработках ученых — представителей той или иной правовой науки.

При этом очевидно, что первый и второй подходы некоторым образом противоречат друг другу, поскольку методику сложно рассматривать одновременно и как систему действий, и как научную основу этих действий. Вторая является сво-

его рода предпосылкой данных действий и не может быть приравнена к самим действиям.

Методика как документ. Данный подход также довольно распространен, его можно назвать утилитарным, прагматичным. Он ориентирован прежде всего на внешнюю форму методики, поиск источников познания методики, имеющих юридическое значение, а зачастую и общеобязательный характер. Не случайно, что, как правило, такое понимание методики закрепляется в нормативных правовых актах.

В качестве примеров можно привести определение методики исследований (испытаний) и измерений как «организационно-методического документа, включающего метод исследований, испытаний и измерений, средства и условия испытаний...» (приказ Роспотребнадзора от 19.07.2007 № 224 «О санитарно-эпидемиологических экспертизах, обследовании, исследованиях, испытаниях и токсикологических, гигиенических и иных видах оценок» [8]), методики испытаний на конкретный вагон как «организационно-методического документа, обязательного к выполнению» (указание МПС России от 19.07.1996 № К-638у «Об утверждении и введении в действие ОСТ 32.54-96» [9]), методики аттестации (испытаний) как «документально оформленного плана» (Правила производства и контроля качества лекарственных средств. ГОСТ Р 52249-2009, утверждены приказом Ростехрегулирования от 20.05.2009 № 159-ст [10]).

На наш взгляд, каждый из приведенных подходов имеет как положительные, так и отрицательные черты. Предлагаем следующее обобщенное определение юридической методики, учитывающее позитивные аспекты каждого из данных подходов.

Юридическая методика — совокупность методов и приемов, применяемая для наиболее эффективного достижения цели юридической деятельности в определенной сфере, реализуемая посредством системы взаимосвязанных действий, основанных на научных выводах и достижениях в соответствующей правовой науке, как правило, документально оформленных.

Данное определение может, на наш взгляд, применяться в различных сферах юридической деятельности, в том числе в области прокурорского надзора.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время различные авторы предлагают разные определения и характеристики *методики прокурорского надзора*.

Например, по мнению А. Ф. Смирнова, под методикой прокурорского надзора следует понимать совокупность методов и приемов, применяемых

прокурорами в целях выявления нарушений закона, прокурорского реагирования на них, устранения и предупреждения нарушений законов и способствующих им обстоятельств [11].

С точки зрения В. Ф. Крюкова, методика прокурорского надзора в учебном пособии — это выработанная в процессе практики прокурорского надзора система приемов и способов выявления нарушений законности [12]. Существует также мнение, что методика — это научно обоснованная система апробированных и выверенных методов, приемов и технических средств, направленных на эффективное применение полномочий прокурора в целях установления, проверки нарушений законов и принятия мер к их устранению [13].

Кроме того, под методикой прокурорского надзора понимается совокупность методов и приемов, применяемых прокурорами в целях выявления, устранения и предупреждения нарушений законов и способствующих им обстоятельств [14].

В. Н. Дранников считает, что «совокупность научно обоснованных и проверенных на практике методов и приемов (способов) применения правовых средств прокурорского реагирования на факты нарушения законов составляют методику прокурорского надзора. Наиболее эффективные и прошедшие апробацию на практике методы закрепляются приказами и указаниями Генерального прокурора РФ, а также в методических рекомендациях и письмах органов прокуратуры, специальных пособиях и разработках» [15].

По мнению Н. А. Соловьевой, «методика прокурорского надзора — совокупность научно обоснованных методов и приемов (способов), применяемых прокурорами в целях выявления, устранения и предупреждения нарушений законов и обстоятельств, им способствующих» [16]. При этом «частные методики — совокупность методов и приемов, применяемых прокурором для выявления, устранения и предупреждения нарушений конкретного закона или группы однородных законов, способствующих им обстоятельств на конкретном объекте, в органе» [17].

Как видим, в приведенных выше определениях сущность методики характеризуется почти одинаково — как совокупность методов и приемов (способов) прокурорского надзора. В целом можно сделать вывод, что именно такое понимание методики прокурорского надзора в настоящее время преобладает. Также не наблюдается разногласий в том, что «методика в значительной мере носит индивидуальный, творческий характер. Здесь в полную меру проявляются способности прокурора (умственные, профессиональные), черты его характера. Иными словами,

здесь проявляется творческий поиск прокурора. Очень многое зависит от опыта работы прокурорского работника, от его инициативности и активности» [18].

Вместе с тем имеются подходы, в рамках которых методика прокурорского надзора понимается несколько отличающимся образом.

Например, В. В. Клочков рассматривал методику в качестве раздела науки прокурорского права [19]. Данный подход служит проявлением второго из приведенных нами выше общеправовых подходов к пониманию методики.

В учебной литературе можно также встретить точку зрения, согласно которой методика прокурорского надзора представляет собой совокупность теоретически обоснованных, проверенных на практике приемов и способов реализации правовых средств прокурорского надзора [20]. Таким образом, методика понимается не как приемы и способы собственно прокурорского надзора, а как приемы и способы реализации правовых средств прокурорского надзора.

Однако традиционный, утвердившийся в правовой науке подход к пониманию методики прокурорского надзора мы считаем более верным. На наш взгляд, с учетом предложенного нами выше определения юридической методики может быть предложено следующее определение методики прокурорского надзора, не противоречащее сложившейся правовой традиции.

Методика прокурорского надзора — структурно определенная совокупность методов и приемов, применяемая для наиболее эффективного надзора за исполнением законодательства, а также в иных сферах прокурорского надзора, реализуемая посредством системы взаимосвязанных действий, основанных на научных выводах и достижениях в области науки прокурорского надзора, как правило, документально оформленных в указаниях Генеральной прокуратуры РФ, методических рекомендациях и иных документах.

Из данного определения можно извлечь следующие сущностные черты методики прокурорского надзора, определяющие ее характерные особенности:

1) методика прокурорского надзора представляет собой совокупность отдельных методов и приемов прокурорского надзора, вместе с тем данные методы и приемы должны рассматриваться не изолированно и разобщенно, а в системе, подчиняться таким методическим принципам, которые обеспечивают их взаимодействие для достижения поставленных целей;

2) методика прокурорского надзора применяется в различных сферах прокурорского надзора, в том числе в области прокурорского

надзора за исполнением законодательства. Соответственно, в каждой такой сфере данная методика имеет свои особенности, связанные с различием объекта и предмета прокурорского надзора, его целей и задач. В связи с этим методика прокурорского надзора не может быть одинаковой для всех случаев ее применения, закономерно возникает множество частных методик прокурорского надзора;

3) методика прокурорского надзора реализуется через систему взаимосвязанных действий конкретных лиц, применяющих ее, в связи с чем она изначально по своей сути является практико-ориентированной;

4) методика прокурорского надзора должна быть основана на научных выводах и достижениях в области науки прокурорского надзора, что обеспечивает ей необходимый теоретический фундамент и продуманность. Таким образом, мы не приравниваем методику к системе научных

положений и рекомендаций (второй из приводимых нами выше подходов), однако подчеркиваем их взаимосвязь, взаимодействие и тем самым фактически примиряем первый и второй подходы;

5) методика прокурорского надзора, как правило, документально оформляется в указаниях Генеральной прокуратуры РФ, методических рекомендациях и иных документах. Таким образом, мы не рассматриваем методику буквально как документ (третий подход). В нашем понимании они соотносятся как содержание (методика) и форма (документ), которые существуют в диалектическом взаимодействии.

В предлагаемом определении положительные черты каждого из подходов к пониманию методики прокурорского надзора и методики в целом были по возможности учтены и отражены, с тем чтобы представить данное определение комплексно, во всем его разнообразии и многоаспектности.

1. См., напр.: Алгазин А. И. Методика расследования преступлений, совершаемых с целью получения страховой выплаты : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000; Белевский Р. А. Методика расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации в сетях ЭВМ : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; Богуцкая М. Ю. Методика расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. Правовое обеспечение, организация, методика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
2. См., напр.: Бертовский Л. В. Методика расследования и прокурорского надзора по делам об убийствах, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах методики прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 60–65; Доржиев А. А. Теория и методика прокурорского надзора за соответствием законам правовых актов, издаваемых представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Жук О. Д. Методика прокурорского надзора за законностью задержания подозреваемых и содержания их в изоляторах временного содержания // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства : сб. науч. ст. М., 2009. С. 46–54 и др.
3. См., напр.: Дьяченко М. С. Методика преподавания курса «Прокурорский надзор в СССР» в заочном юридическом вузе // Прокурорский надзор в СССР. Материалы совещания работников прокуратуры. М., 1966. С. 75–78; Курохтина Е. С. К вопросу о методике проведения семинарских занятий по учебной дисциплине «прокурорский надзор» со студентами очной формы обучения // Современные методики преподавания учебных дисциплин в юридическом вузе : сб. науч. ст. Саратов, 2009. С. 43–46.
4. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 112.
5. См.: СЗ РФ. 2008. № 26. Ст. 3021.
6. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 299.
8. См.: БНА. 2007. № 31.
9. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
10. См.: Правила производства и контроля качества лекарственных средств. ГОСТ Р 52249-2009. М., 2009.
11. См.: Смирнов А. Ф., Усачев А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие. М., 2011.
12. См.: Крюков В. Ф. Прокурорский надзор : учеб. пособие. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008. С. 33.
13. См.: Прокурорский надзор : учебник / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 41.
14. См.: Прокурорский надзор : учебник для вузов / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2005. С. 113.
15. Дранников В. Н. Курс лекций по дисциплине прокурорский надзор. Таганрог, 2004. С. 40–41.
16. Соловьева Н. А. Методические рекомендации по дисциплине «Прокурорский надзор в Российской Федерации». Волгоград, 2004. С. 27.
17. Там же. С. 28.
18. Прокурорский надзор / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. С. 115.
19. См.: Ключков В. В. Методика как раздел науки прокурорского права // Вопросы теории законности и прокурорского надзора : сб. науч. тр. М., 1994. С. 37.
20. См.: Григорьев В. Н. и др. Прокурорский надзор : учеб. пособие. М., 2007. С. 34.

УДК 343.848

С. А. Борсученко
S. A. Borsuchenko

Социальная адаптация осужденных и меры по ее обеспечению: опыт зарубежных стран

Social Adaptation of Convicts and Measures to Ensure that: the Experience of Foreign Countries

В статье анализируются практика зарубежных государств по исполнению наказания в виде лишения свободы и меры по социальной адаптации осужденных, а также probation.

The article examines the practice of foreign countries on the enforcement of sentences of imprisonment and measures for social adaptation of convicts and probation.

Тюрьма; осужденные; социальная адаптация; режим; probation

Prison; convicts; social adaptation; mode; probation

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р [1], в качестве одной из основных целей определила сокращение количества рецидивов преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить такие задачи, как социальная адаптация осужденных в период отбывания наказания в исправительных учреждениях и оказание лицам, освобожденным из мест лишения свободы, постпенитенциарной помощи.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ [2] предусматривает комплекс мер, направленных на получение осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы социально полезных навыков, которые позволят им адаптироваться к жизни на свободе. К таким мерам следует отнести получение осужденными психологической помощи (ч. 6.1 ст. 12 УИК), проведение с ними

воспитательной работы (ст. 109, 110 УИК), получение общего и профессионального образования (ст. 112, 108 УИК), профессиональную подготовку (ст. 108 УИК), общественно полезный труд (ст. 103–106 УИК).

Социальной адаптации осужденных к лишению свободы также способствует поддержание связи с внешним миром (свидания (ст. 89 УИК), получение посылок, передач и бандеролей (ст. 90 УИК), переписка, получение и отправление денежных переводов (ст. 91 УИК), телефонные разговоры (ст. 92 УИК), просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач (ст. 94 УИК), возможность передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (ст. 96 УИК), выезды за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК) и подготовка к освобождению (ч. 3 ст. 121, ч. 4 ст. 133, ч. 1–3 ст. 180 УИК).

Однако в самой российской исполнительной системе не предусмотрен вид исправительного

учреждения, задачей которого являлась бы социальная адаптация осужденных, а ч. 3 ст. 78 УИК не позволяет осуществлять постепенную интеграцию всех категорий осужденных и их перевод в колонию-поселение даже перед освобождением.

В большинстве стран Европы во второй половине XX в. сложилась многоступенчатая система исправительных учреждений, включающая тюрьмы четырех-пяти видов режима, или уровней безопасности: супермаксимального; А — максимального; В — среднего; С — минимального уровня, полуоткрытые учреждения, или тюрьмы «на полпути к свободе»); D — открытые тюрьмы, или тюрьмы для подготовки к освобождению.

Главным отличием каждого вида тюрьмы является степень изолированности осужденных как от внешнего мира, так и от других заключенных.

Следует отметить, что наиболее интенсивно вопросы социальной адаптации осужденных решаются в полуоткрытых и открытых тюрьмах.

Полуоткрытая тюрьма — это «учреждение, архитектура и построение которого, а также состав заключенных отражают его основную цель: привить осужденным чувство личной ответственности за свои поступки, развить в них самостоятельность, что не исключает осуществления за ними надзора и контроля их поведения» [3].

В этих тюрьмах отбывают наказание осужденные за совершение менее тяжких преступлений, которым в соответствии с законом не могло быть назначено наказание без изоляции от общества или иная мера уголовно-правового характера и которые не представляют опасности для персонала, других заключенных и общества в целом. Кроме того, здесь содержатся заключенные, переведенные из тюрем более высокого уровня изоляции в качестве меры поощрения за правоопослушное поведение.

Закон обязывает заключенных участвовать в разного рода программах воспитательного и социального характера в целях оказания им помощи в последующей социальной адаптации.

Режим содержания предусматривает возможность покидать пределы тюрьмы под контролем администрации.

В полуоткрытых тюрьмах предусмотрено раздельное содержание заключенных женского и мужского пола.

Открытые тюрьмы преследуют цель «максимально развить у заключенных чувство ответственности и способность контролировать свое поведение» [4]. Следует отметить, что в российской УИС подобных учреждений нет.

Впервые такое учреждение было открыто в Англии в 1933 г. в помещениях бывших военных

казарм с целью отделить опасных правонарушителей, совершивших тяжкие преступления, от заключенных, представляющих меньшую угрозу обществу, а также для того, чтобы разгрузить имевшиеся тюрьмы.

Впоследствии эта тюрьма послужила моделью для создания подобных учреждений не только в Англии, но и в других европейских государствах. Только в Англии в 1950-е гг. было построено 17 открытых тюрем.

По мнению зарубежных специалистов, преимущества этого вида тюрем заключались в следующем: отсутствие необходимости возводить охранные сооружения по периметру; свободное передвижение заключенных как по территории тюрьмы, так и за ее пределами; возможность заниматься сельскохозяйственными работами в силу нахождения этих учреждений преимущественно в сельской местности.

Подобные учреждения создавались также из финансовых соображений. Так, содержание одного заключенного в открытой тюрьме обходится в 70 евро в день, а в закрытой — в 100. При этом существенно сокращается и кадровое обеспечение. Например, в одной из тюрем Голландии, где содержится 150 заключенных, штат составляет всего шесть сотрудников [5].

Однако во второй половине XX в. наметилась тенденция к сокращению количества открытых тюрем и изменению целей и задач их функционирования. В настоящее время эти учреждения являются конечным звеном в системе исполнения наказаний в виде лишения свободы. В качестве меры поощрения и для подготовки к последующему освобождению в них направляются заключенные, отбывавшие наказание в тюрьмах других видов режима, или уровней безопасности, — А, В, С.

Кроме того, сокращению количества открытых тюрем способствовало более широкое применение наказаний без изоляции осужденных от общества и иных уголовно-правовых мер. Во многих европейских государствах за преступления средней тяжести правонарушителей не направляют в тюрьмы уровня безопасности В и С, а назначают наказания без изоляции от общества. Таким образом, для них исключается возможность перевода в открытую тюрьму.

Многие зарубежные ученые считают, что в открытых тюрьмах целесообразнее содержать заключенных по одному, чтобы обеспечить неприкосновенность частной жизни, что является элементом подготовки к освобождению. В некоторых тюрьмах в этих целях заключенным выдается ключ от камеры.

Режим содержания в полуоткрытых тюрьмах позволяет осужденным свободно передвигать-

ся по территории учреждения, а с разрешения администрации или под ее контролем — за ее пределами. В открытых тюрьмах осужденные в дневное время находятся за пределами тюрьмы для восстановления семейных и других социально полезных связей, продолжения учебы, поиска работы. В различных тюрьмах проверки наличия заключенных проводятся от одного до четырех раз в день.

Открытые тюрьмы предоставляют заключенным возможность трудиться на сельскохозяйственных работах на территории учреждения и за ее пределами, получать профессиональную подготовку и высшее образование. Например, в английской тюрьме «Форд» осужденные работают на ферме и в саду, приобретают специальности в мастерских, имеют возможность обучаться в Нортбрук колледже. Здесь созданы клуб по профориентации, а также группа психологической поддержки, которая оказывает помощь заключенным. На территории функционирует англиканская церковь, в которой проводит службы штатный священнослужитель.

В английской тюрьме Ист Саттон Парк, где содержится около 100 взрослых и несовершеннолетних заключенных женского пола, не представляющих опасности с точки зрения совершения новых преступлений, предусмотрена работа в саду и на кухне, разработана программа обучения, подготовки к освобождению и установлению полезных социальных связей. 50 заключенным разрешено работать за пределами тюрьмы [6].

Однако наиболее часто в европейских государствах применяется пробация как альтернативная мера лишения свободы.

Пробация включает широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия, таких как надзор, контроль и оказание помощи, цель которых — вовлечение осужденного в общественную жизнь, а также обеспечение безопасности общества [7].

По мнению авторитетного шведского криминолога У. Бундесон, «Появление таких мер, как условное осуждение и пробация, следует рассматривать на фоне современного общества. Они являются звеном общего развития и означают отход от традиционной карающей и репрессивной системы. Считается, что самая важная цель уголовной политики — реабилитация правонарушителя, достичь ее стараются рациональными средствами» [8].

Пробация является наказанием, при котором осужденный обязан выполнять определенные, установленные судом условия, проживая при этом у себя дома. Выполнять условия пробации осужденным помогают сотрудники службы пробации

путем постоянного консультирования, наблюдения (надзора), а также предоставления различного рода необходимой информации и оказания социальной помощи.

Наиболее прогрессивна в настоящее время организация службы пробации в Швеции. Уголовно-исполнительная система Швеции поделена по географическому признаку на шесть регионов. В системе УИС Швеции работает 8 тыс. человек, из них примерно тысяча — в службах пробации. Основной офис УИС находится в г. Норчепинг. Примерно 12 тыс. осужденных состоят на учете в службе пробации. На одного инспектора приходится 30–40 человек, в то время как в России на одного сотрудника уголовно-исполнительной инспекции нагрузка составляет 100–200 человек.

Основным направлением службы пробации Швеции является индивидуальный, дифференцированный подход к каждому клиенту.

Социальная характеристика осужденного является отражением мнения инспектора службы пробации. При ее составлении берутся данные реестров различных ведомств — социального, налогового, миграционного и др. Широко применяются специальные программы для наркоманов, алкоголиков, лиц, склонных к бытовому насилию, и т. д. Данные программы действуют по истечении недели после вступления приговора в законную силу. Занятия проводятся на платной основе, по 2 ч один раз в неделю, в целом это составляет 84 ч. В отношении лиц, склонных к употреблению алкоголя, работает программа, включающая методику *ADDIS* (75 вопросов, описывающих последствия употребления алкоголя). Для наркоманов действует проект «Лечение по контракту и сотрудничеству» [9].

В службе пробации Швеции, как и в других зарубежных странах, практикуется работа с волонтерами. Волонтер — лицо, являющееся посредником между инспектором и клиентом, осуществляющее различные функции, связанные с общением: бытовые, культурные и т. д. Требования, предъявляемые к желающему быть волонтером: возраст старше 18 лет, коммуникабельность, морально-нравственные, деловые качества. Деятельность волонтера не обременена отчетностью, однако расписана в плане исправления клиента. Раз в месяц волонтер представляет рапорт-справку о проделанной работе. Запросами по подбору волонтеров занимается канцелярия по требованию инспектора службы пробации [10].

Несмотря на большое разнообразие функций службы пробации и наличие трудностей в их осуществлении, пробацию можно считать достаточно эффективной мерой, альтернативной тюремному

заклучению и получившей широкое распространение в мире. Социальная ценность пробации бесспорна, и поэтому существует реальная необходимость внедрения ее в российскую практику. Очевидно, что введение пробации в российскую УИС потре-

бует не бóльших финансовых затрат, чем строительство новых исправительных учреждений (тем более тюрем). От этого выиграет все общество, правда в долгосрочной перспективе. Пробация — это шаг к снижению уровня рецидивной преступности.

-
1. См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
 2. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
 3. Хуторская Н. Б., Макарчук О. И., Федосова Е. В. Зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в учреждениях открытого и полукрытого типа. М., 2010. С. 5.
 4. Там же. С. 7.
 5. См.: Там же. С. 9.
 6. См.: Там же. С. 12.
 7. См.: Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Сборник документов Совета Европы / сост. и пер. В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М., 2011. С. 115.
 8. Бундесон У. Надзор за отбывающими наказание на свободе. М., 1979. С. 48.
 9. См.: Темирбекова А. Пробация: сущность, цели и методы реализации // Министерство юстиции Республики Казахстан : сайт. URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/8643> (дата обращения: 31.01.2013).
 10. См.: Там же.

УДК 343.62-053.2

И. И. Брыка
I. I. Bryka

Об усилении ответственности за преступления полового характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних

Increasing the Responsibility for the Crimes of Sexual Nature Committed Against a Minor

В статье проведен анализ преступлений на сексуальной почве в отношении несовершеннолетних, совершенных в Российской Федерации за 2010–2012 гг., а также рассмотрены проблемы, по мнению автора, способствующие росту числа таких преступлений. Внесен ряд предложений по изменению и дополнению УК с целью уменьшения роста данной категории преступлений.

The article and an analysis of sexual crimes committed by the Russian Federation against minors in 2010–2012, as well as the problems on the author's view of contributing to the growth of such crimes, number of suggestions for changes and additions to the currently effective Criminal Code of the Russian Federation, capable of the author's opinion affect the decrease in the growth of this category of criminal acts.

Несовершеннолетние; педофилия; условно-досрочное освобождение; места лишения свободы; половая свобода; половая неприкосновенность; химическая кастрация; увеличение; усиление; проблемы; ранее судимые; учет; контроль

Minors; pedophilia; parole; prison; sexual freedom; sexual integrity; chemical castration; increasing; increasing; problems; previous convictions; accounting; control

Введение в Российской Федерации моратория на смертную казнь, а в ближайшем будущем и ее отмена (этот факт ни у кого не вызывает сомнения), фактический запрет на арест лиц, расхищающих общенациональные богатства и обворовывающих своих соотечественников, применение штрафных санкций к мздоимцам и многое другое вызывает у большинства населения законное недоумение. Как правило, такие непопулярные для большинства граждан меры обуславливаются нормами, которые действуют в различных европейских государствах. При этом за основу не берется конкретный закон какого-то европейского государства, а извлекаются и внедряются (или предпринимаются попытки внедрить) в наш уголовный закон нормы одновременно из разных

уголовных законов нескольких стран. Возможно, в благополучных в криминогенном плане европейских странах они и приемлемы, но в российской действительности, когда убийства и насилие стали обыденным явлением, хищения различных форм собственности достигли гигантских размеров, а коррупция опутала все структуры власти, как по горизонтали, так и по вертикали, явно несвоевременны.

Вызывают сомнения также определения и понятия, которые нам навязывают, такие как «демократические, европейские, мировые стандарты». Большинство нашего населения не знает, где, какими юридическими актами и нормативными документами они закреплены и что конкретно в них содержится. Неясно, и что такое

«европейская семья», в которую мы почему-то стремимся побыстрее войти. Россия — страна евро-азиатская, многонациональная, многоконфессиональная, большинству из нас не понять некоторые европейские и американские «ценности и свободы», например касающиеся проблем сексуальных меньшинств. В свою очередь, европейцы или американцы не понимают и никогда не поймут нас.

Возникает вопрос: почему мы не ориентируемся на нормы уголовного права неевропейских государств? Ответ прост: ответственность за уголовные преступления в законах этих стран гораздо строже.

При этом не стоит забывать про демографическую ситуацию в России. Хотя официальные СМИ и утверждают, что у нас наконец-то наметился прирост населения, на самом деле он в основном объясняется не увеличением рождаемости коренного населения, а притоком трудовых мигрантов, дети которых становятся гражданами Российской Федерации.

В связи с этим охрана здоровья детей и подростков — одна из основных задач, стоящих перед государством. Только здоровые в физическом и психическом плане, полноценные во всех отношениях граждане своим трудом в различных сферах деятельности позволят государству в дальнейшем безопасно существовать и нормально функционировать, без них государство обречено. Такая категория лиц, как несовершеннолетние, должна особенно опекаться законом, потому что в данном возрасте происходит основное формирование личности, а любые негативные проявления и факторы, направленные против ребенка, пагубно влияют на его психическое и физическое формирование. В России лица, совершившие преступные действия сексуального характера, получают сравнительно небольшие и условные сроки наказания, а также досрочно освобождаются из мест наказания. Мы считаем, что необходимо ужесточить меры наказания к виновным, совершившим преступные посягательства в отношении детей и подростков.

За 2010–2012 гг. в Российской Федерации был зарегистрирован ряд ужасающих преступлений, связанных с убийствами несовершеннолетних и совершением в отношении них сексуальных действий.

8 мая 2011 г. в Кадыском районе Костромской области в придорожном лесу было обнаружено тело ученицы второго класса со следами сексуального насилия. Задержанный, а позднее и изобличенный в совершенном преступлении 26-летний житель Пермского края также был ранее судим за развратные действия и бродяжничал [1].

18 апреля 2011 г. местные жители обнаружили в одном из пригородных участков г. Минеральные Воды повешенное на дереве тело восьмилетней девочки с признаками сексуального насилия. Задержанный через несколько суток преступник оказался лицом, ранее судимым за изнасилование несовершеннолетней.

20 апреля 2011 г. в правоохранительные органы обратилась жительница г. Буденновска с заявлением о том, что ее девятилетняя дочь, находившаяся на лечении в районной больнице, была изнасилована. В тот же день был задержан подозреваемый, местный житель, ранее уже судимый за изнасилование, который недавно был условно-досрочно освобожден. Его виновность в совершении этого преступления была также доказана.

Аналогичные преступления немногим ранее происходили в подмосковном Серпухове, где орудовал педофил-насильник, которого окрестили «лифтером», в Калуге [2]. В Люберецкой детской городской больнице в ночь на 2 ноября 2010 г. врач-травматолог, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в одной из палат травматологического отделения совершил насильственные действия сексуального характера в отношении двух спящих девочек в возрасте 12 лет и развратные действия в отношении девочки 13 лет [3].

Даты и регионы преступлений такого характера можно перечислить десятками. Вышеперечисленные преступления громкие, резонансные, а о скольких мы не знаем, сколько не раскрыто? Высокая латентность таких преступлений обусловлена рядом причин, среди которых и нежелание огласки случившегося, чтобы не испортить будущее ребенку, особенно девочке, и отсутствие полноценного осознания несовершеннолетним совершенного над ним надругательства, и нежелание правоохранительных органов «портить статистику», а также проводить оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию таких преступлений из-за возраста и психического состояния потерпевшего, от которого довольно трудно получить полные данные о преступнике, необходимые для раскрытия преступления, и др.

Так, по данным СК России, в 2010 г. в Российской Федерации от различных преступлений пострадало свыше 100 тыс. несовершеннолетних, из которых 30 тыс. — от преступлений, направленных против их жизни и здоровья, а также сексуальной направленности, при этом около 1 тыс. из них были изнасилованы, почти в 400 случаях потерпевшим не исполнилось 14 лет. За этот же период в Российской Федерации погибли 1 684 ребенка. Около 20 тыс. несовершеннолетних находились в розыске как пропавшие без вести, из

них свыше 5 тыс. малолетних. Почти 1,5 тыс. детей до сих пор не нашли [4]. Где находятся эти дети, чем они занимаются, кто находится в круге их общения? Думается, ответ известен большинству из нас.

Наверное, пришло время сделать выводы и внести изменения и дополнения в УК [5]. Отметим, что в первом полугодии 2012 г. в него уже были внесены некоторые изменения, дополнения и поправки по ужесточению наказания за половые преступления, но они почему-то в основном коснулись несовершеннолетних лиц, которые не достигли 14-летнего возраста. Бесспорно, существует разница между понятиями «малолетний» и «несовершеннолетний». Но одно дело, когда возраст учитывается при совершении данной категорией лиц действий, к примеру, гражданско-правового характера. А какая физиологическая или психическая грань существует между 14- или 15-летним ребенком, когда над ним совершается одинаковое по своей сущности и характеру сексуальное насилие? На наш взгляд, ее нет. Можно категорично утверждать, что вред физиологии и психике несовершеннолетнего, над которым совершается сексуальное насилие, колоссален. Из вышеизложенного вытекает вывод, что все без исключения несовершеннолетние граждане государства должны быть одинаково надежно защищены законом, несмотря на возрастные различия. Для реализации этой задачи можно предложить следующее:

- увеличить срок наказания в виде лишения свободы для лиц, совершивших сексуальное преступление в отношении несовершеннолетнего, исключив нижний предел наказания;

- ввести в УК новую меру наказания — обязательную химическую кастрацию — с применением ее к виновным, совершившим сексуальное преступление в отношении несовершеннолетнего;

- внести дополнение в ст. 45 УК о применении обязательной химической кастрации к лицам, совершившим сексуальное преступление против несовершеннолетнего. Эта мера должна являться не основным видом наказания, а дополнительным, и применять ее нужно к виновным, совершившим сексуальное преступление в отношении несовершеннолетнего, только вместе с основным видом наказания. Можно предложить дополнение в такой редакции: «Обязательная химическая кастрация применяется как дополнительный вид наказания наряду с обязательным видом за преступления, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы личности, если они были совершены в отношении несовершеннолетнего».

В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 131, 132, 134 и 135 УК.

Как известно, химическую кастрацию проводят путем регулярного введения химических препаратов, блокирующих мужской гормон тестостерон. Это не хирургическая кастрация, которая довольно унижительно для человеческого достоинства (несмотря на это, она применяется в ряде стран, исповедующих ислам). Химическая кастрация применяется в некоторых штатах США, Канаде, Израиле и ряде европейских государств, таких как Франция, Германия, Дания, Швеция, Польша и Норвегия. Если в штатах США она является обязательной, то в европейских государствах, за исключением Польши, носит добровольный характер;

- закрепить в ст. 47 УК положение о том, что лицо, осужденное за преступление, посягающее на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетнего, более не имеет права заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, в сфере которой находятся или могут находиться несовершеннолетние;

- внести дополнение в ст. 73 УК о том, что лицо, совершившее преступление, посягающее на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетнего, условному осуждению не подлежит;

- закрепить в ст. 78 УК положение, согласно которому к лицам, совершившим особо тяжкие преступления против несовершеннолетнего, срок давности не применяется;
- в ст. 79 УК ввести полный запрет на применение условно-досрочного освобождения к лицам, совершившим преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетнего;

- ввести запрет на применение актов амнистии и помилования в отношении лиц, совершивших преступление на сексуальной почве в отношении несовершеннолетнего;

- обязать администрацию учреждений, где отбывает наказание лицо, совершившее преступление на сексуальной почве в отношении несовершеннолетнего, за несколько месяцев до освобождения из мест лишения свободы в обязательном порядке подвергнуть такое лицо психиатрическому обследованию. При наличии медицинских данных, свидетельствующих о том, что такое лицо может представлять определенную опасность, направлять информацию в психоневрологический диспансер и правоохранительный орган внутренних дел в тот населенный пункт, куда прибудет освобожденный для проживания, для постановки его на учет с последующим всесторонним патронированием и профилактированием;

- правоохрнительным органам создать доступную для населения сеть с полной базой данных о лицах, ранее осужденных за сексуальное насилие над детьми;

- ввести обязательный административный контроль со стороны правоохрнительных органов за теми педофилами, которые вышли на свободу после отбытия срока наказания;

- Минздраву России создать анонимные центры помощи для лиц, нуждающихся в устранении сексуальной дисгармонии, и центры, способствующие коррективке половой деятельности.

Принятие перечисленных мер позволит если и не искоренить сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, то хотя бы не допустить увеличения их числа.

-
1. См.: Росбалт : сайт. URL : <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/04/20/972376.html> (дата обращения: 11.02.2013).
 2. См.: Диагноз как приговор: Александр Бастрыкин предложил радикальные меры для защиты детей // Российская газета : сайт. URL : <http://www.rg.ru/2011/04/28/bastrikin-site.html> (дата обращения: 11.02.2013).
 3. См.: Портал города Люберцы : сайт. URL : <http://lubernet.ru/id/2/pid/4647/> (дата обращения: 11.02.2013).
 4. См.: Диагноз как приговор ...
 5. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.36

Е. Н. Казаков
Y. N. Kazakov

Современное состояние коррупционной преступности в судебной системе и противодействие ей со стороны оперативно-розыскных органов

The Current State of Corruption in the Judicial System and Operative Investigation Against it

Статья раскрывает современное состояние коррупционности государственных служащих судебной системы РФ. Рассматриваются причины высокого уровня латентности данного вида преступности. Раскрывается его субъект преступления как основной фактор, характеризующий специфику оперативно-розыскного противодействия коррупции в органах судебной власти.

Коррупция; судебная система; оперативно-розыскная деятельность; судья как субъект преступления

The article reveals the current state of corruption of public officials of the judicial system of the Russian Federation. The reasons of high latency of this type of crime. Revealed the subject of the offense of this kind, as the main factor that characterizes the specific operative investigation against corruption in the judiciary.

Corruption; judicial system; operative investigation; judge as a subject of the offense

Большая часть населения РФ испытывает на себе негативные последствия от коррупции в сфере правосудия. Данные социологического опроса, проведенного в 2004 г., свидетельствуют о том, что 39 % россиян считают, что судьи обладают такой неприкосновенностью, при которой могут творить все что угодно и совершенно безнаказанно; почти 80 % опрошенных не рассчитывают найти справедливость в суде, полагая, что выигрывает дело тот, кто больше заплатит [1].

Согласно исследованию, проведенному фондом «Общественное мнение» в 2005 г., 46 % опрошенных негативно оценивают деятельность судов, 26 % — положительно, а 44 % вообще не обращаются в суд [2].

Более поздние социологические исследования показывают, что ситуация с доверием граждан к российским судам ухудшается: в 2010 г.

пораженность судебной системы коррупцией отмечали 56 % респондентов; в 2011 г. социологи «Левада-центра» констатировали, что в судебной коррупции уверены уже 59 % россиян [3].

По данным осуществленного нами в 2012 г. анкетирования 100 сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в Москве и Московской области, Краснодарском крае и Волгоградской области установлено, что подавляющее большинство (75 %) действующих судей имеют прямое отношение к коррупционным преступлениям, 15 % некогда были причастны к совершению подобных криминальных актов и лишь 10 % не связаны коррупционными отношениями.

Приведенные данные заставляют задуматься о том, насколько соответствуют действительности показатели официальной статистики СК России,

согласно которым к уголовной ответственности в 2012 г. привлечен один судья [4].

Полагаем, это однозначно свидетельствует о высоком уровне латентности преступности в судебной системе.

Основная специфика оперативно-розыскного выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности, совершаемых судьями, заключается в субъекте преступления. Судья как субъект любого преступления, в том числе и коррупционной направленности, характеризуется, на наш взгляд, следующими специфическими особенностями:

1. Судейская неприкосновенность. Неприкосновенности судьи посвящена ст. 16 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [5]. В частности, если рассматривать судью в качестве субъекта совершения коррупционного преступления, то, полагаем, он может воспользоваться следующими положениями данного нормативного акта в целях оказания противодействия законной деятельности оперативных подразделений:

- неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых судьей жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайна переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений);

- особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи, изменения в ходе расследования уголовного дела квалификации состава преступления, привлечения судьи к административной ответственности, задержания судьи по подозрению в совершении преступления, осуществления личного досмотра судьи.

В целях противодействия оперативно-розыскной деятельности и расследованию судьей, совершающим коррупционные преступления, может быть использован и п. 9 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6], гласящий о неукоснительном соблюдении принципов независимости судей и невмешательстве государственных органов в судебную деятельность при повышении эффективности противодействия коррупции.

Кроме того, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] также устанавливает особый порядок в отношении судей. В частности, ст. 17 данного нормативного акта запрещает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, использовать конфиденциальное содействие по контракту судей. Как показал опрос со-

трудников оперативных аппаратов, обслуживающих линию коррупции, большинство (78 %) из них считают, что данное положение существенно затрудняет деятельность оперативных аппаратов по получению оперативно-значимой информации. Действительно, судьи свободно делятся между собой информацией, представляющей ценный оперативный интерес.

2. Судья обладает достаточными правовыми полномочиями по ограничению вмешательства других органов в процесс судебного разбирательства. В. М. Простова права в том, что ГПК [8] расширяет круг оснований для объявления процесса закрытым. Это может быть не только государственная тайна и тайна усыновления, но и коммерческая тайна, тайна семейной жизни и др., что позволяет судьям «закрывать» практически любой судебный процесс. А отсутствие в ГПК института народных заседателей (общественного контроля) нивелирует ходатайство участника процесса об отводе судьи, так как согласно п. 2 ст. 20 ГПК именно судье придется рассматривать вопрос о своем отводе, что прежде входило в компетенцию народных заседателей [9].

3. Говоря о судье как о субъекте коррупционного преступления, помимо правовых, считаем необходимым отметить и тактические особенности, такие как полная осведомленность его о силах, средствах и методах оперативно-розыскной деятельности, что является фактором, крайне затрудняющим проведение оперативно-розыскных мероприятий по документированию преступной деятельности фигуранта.

4. Кроме этого, необходимо учитывать такой тактический фактор: судья не просто специалист в области законодательства, он обладает высшей юридической квалификацией. Для оперативного сотрудника и следователя это должно означать, что фигурант знает самые важные и опорные позиции доказательственной базы его преступления, осведомлен о том, где слабые места стороны обвинения, где обычно следователями, расследующими уголовные дела, и оперативными сотрудниками, оформляющими материалы по факту коррупционного преступления, допускаются ошибки и недочеты. Таким образом, сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих свою деятельность по линии коррупции в судебных органах, должны понимать, что их контрагент — «матерый профессионал», который не упустит ни малейшей неточности, чтобы уйти от ответственности.

5. Следующим тактическим фактором является наличие возможных личных, родственных, дружеских и прочих связей разрабатываемого фигуранта как в пределах судебной системы по

всей вертикали судебной власти (что и образует закрытость судейского общества), так и за ее пределами. Имеются в виду связи в других правоохранительных органах — Прокуратуре РФ, МВД России (в том числе руководство территориальных органов внутренних дел и непосредственно оперативных подразделений), что, соответственно, не исключает возможность утечки оперативной информации из органов полиции.

Годами складывавшаяся практика получения судьями взяток определила оптимальную систему криминального взаимодействия, обеспечивающую относительно безопасный приток преступного капитала. В данную систему включается судья как главный фигурант, адвокат как звено передаточное и одновременно замыкающее весь криминальный процесс появления предложения о подкупе судьи и возможности передачи ему взятки; крайний элемент «снизу» — взяткодатель — сторона, весьма заинтересованная в решении стоящих перед ней вопросов с помощью суда. Последний элемент, входящий в систему «сверху», — это председатель суда. Его роль заключается в обеспечении покровительства судьи, поддержке правовой, административной и моральной, за что, соответственно, он получает свою долю от преступно заработанных материальных выгод. Иногда в эту систему входят еще следственные и оперативные сотрудники, осуществляющие провокации по искусственному созданию доказательств причастности различных финансово обеспеченных граждан к преступлениям различного вида (обычно используются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия). К счастью, подобные случаи встречаются редко и как систематические рассматриваться не могут.

Данная криминальная система функционирует достаточно безотказно и надежно. Она представляет собой типовую модель коррупционной организации в органах судебной власти. Включиться в нее, получить какую-либо оперативную информацию от одного из ее составляющих — крайне трудоемкая задача. А если в дополнение к сказанному учесть факторы, препятствующие привлечению коррумпированного судьи к уголовной ответственности, которые нами были освещены выше, то решение задач по противодействию коррупции в органах судебной власти становится весьма затруднительным. Этим, на наш взгляд, и объясняются крайне низкие показатели раскрываемости подобных преступлений.

Действительно, в настоящий момент правовое положение судей и закрепленная за ними законодательством РФ компетенция таковы, что позволяют им использовать свои субъективные права для собственной выгоды во вред регулиру-

емым общественным отношениям путем предоставления определенным субъектам различного рода правовых привилегий.

Судья, находясь в таком правовом статусе и обладая широкими полномочиями по толкованию своего субъективного права, является фигурой, не ограниченной в свободе выбора ничем, кроме моральных устоев, и может использовать свою свободу в личных интересах.

С точки зрения злоупотребления властью свобода судейского усмотрения представляет собой существенную опасность. Усугубляет ситуацию, связанную с развитием коррупции в судах, то, что вынесение судьей неправосудных решений не является основанием прекращения его полномочий. Незаконное решение может быть отменено вышестоящим судом, при этом объективность судьи не подвергается сомнению. Частные определения в адрес таких судей очень редки, даже в случае вынесения судьей необъяснимого с точки зрения законности решения, что явно указывает на заинтересованность судьи в исходе дела.

Вместе с тем проводимая в России судебная реформа предоставила судьям большую независимость, а также пожизненный срок полномочий, при этом еще создала для них особый механизм привлечения к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, которые наступают, как правило, лишь по решению квалификационных коллегий судей. По существу, независимость судей превратилась практически во вседозволенность, а также в бесконтрольность судейского усмотрения и безнаказанность в случае принятия неправосудного решения.

Полагаем, что в сложившейся ситуации, обеспечивающей преступникам в судейских мантиях надежное прикрытие достаточно закрытым судейским сообществом, создались все условия для роста и развития коррупции. Причем о глубине проникновения коррупции и ее масштабах трудно получить сколько-нибудь точные данные.

В свете вышесказанного принятие Федерального закона от 10.07.2012 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и статью 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» [10] является реализацией насущной потребности правоприменительной деятельности.

Необходимость в принятии данного нормативного акта, инициатором которого является Минюст России, назрела давно, а поводом к его принятию послужил конкретный случай, доказывающий высокую коррумпированность представителей судебной системы. Бывший судья Ворошиловского районного суда Ростова-на-Дону

И. Андросов подозревался оперативным подразделением в причастности к совершению коррупционных преступлений, но для получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи оперативники из соображений конспирации обратиться не могли, поскольку фигурант имел широкие связи в своем городе и мог узнать о вестимом расследовании. Краснодарский краевой суд такое разрешение выдал. Факт совершения преступления подтвердился, после чего судья лишился своего статуса. Однако, будучи возмущен тем фактом, что слежку за ним санкционировал суд другого региона, И. Андросов обратился в Конституционный Суд РФ с соответствующей жалобой. «Конституционный Суд счел позицию следствия верной, после чего решение данного суда легло в основу нового законопроекта» [11].

Таким образом, значение данного Закона в деле противодействия коррупции велико. Для обращения за разрешением подобных вопросов в суды другой территориальной юрисдикции достаточно угрозы рассекречивания проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение считаем возможным сделать следующие выводы. Стремясь обеспечить беспристрастность и объективность судебного рассмотрения дел, законодатель обеспечил судей административной и процессуальной независимостью, однако это привело к консолидации судей, подверженных влиянию коррупции, создавших закрытое сообщество, оберегающее интересы его членов.

Сложившаяся обстановка максимально затрудняет оперативно-розыскную деятельность по выявлению коррупционеров в судебных органах и документированию их преступной деятельности. Однако не делает решение стоящих задач невозможным, напротив, с учетом последних законодательных изменений оно вполне осуществимо. Как нам представляется, необходимо опти-

мизировать систему источников оперативной информации, кроме традиционных (негласных), важно шире использовать источники, предоставляемые развитием науки и техники в сфере коммуникаций, в частности интернет-ресурсы.

О перспективности данного направления свидетельствует также инициатива Высшего Арбитражного Суда РФ, связанная с созданием программного обеспечения, которое позволяло бы обнаруживать нестандартные судебные решения, т. е. отклонения в судебной практике правоприменения: программа будет фиксировать аномалии на уровне конкретных решений, которые выбиваются из очерченных рамок судебной практики. «Нам необходим инструмент для того, чтобы держать руку на пульсе и выявлять “странные” судебные решения», — считает руководитель контрольно-аналитического управления Высшего Арбитражного Суда РФ Е. Авакян [12].

Зарубежный опыт, где подобные системы уже функционируют, показывает их эффективность. При существующей определенности практики решения судов можно предсказывать с высокой вероятностью. Так что выявить решение судьи первой инстанции, который повел себя странным образом, вполне возможно.

«Другой вопрос, что делать потом», — спрашивает И. Слепцов, подразумевая, что «привлечению судей к уголовной ответственности за заведомо неправосудное решение препятствует позиция Конституционного Суда, который постановил, что это невозможно, если решение такого судьи не отменено вышестоящей инстанцией. Но таких случаев — единицы процентов. А если оно не отменено? Тогда шансов нет» [13]. Однако для оперативно-розыскного органа подобная информация является ориентирующей и в случае повторения может служить основанием для проведения проверочных мероприятий.

1. См.: Ямшанов Б. Ни дать — ни взять: Съезд третьей власти впервые согласился с идеей обязать судей декларировать свои доходы и имущество // РГ. 2004. 7 дек.

2. См.: Простова В. М. Меры противодействия коррупции в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства // Современное право. 2005. № 9.

3. См.: Слепцов И. Ни кнута, ни пряника. Судебная система осталась со своей коррупцией один на один // Московские новости. 2012. 6 июля.

4. См.: СК РФ: 260 депутатов и мэров привлечены к уголовной ответственности в 2012 году // Первое антикоррупционное СМИ : сайт. URL: <http://pasm.ru/archive/46763> (дата обращения 10.10.2012).

5. См.: РГ. 1992. 29 июля.

6. См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

7. См.: Там же. 1995. № 33. Ст. 3349.

8. См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

9. См.: Простова В. М. Указ. соч.

10. См.: РГ. 2012. 13 июля.

11. См.: Принцип конспирации при противодействии судейской коррупции // Все о коррупции в России : сайт. URL: <http://korrossia.ru/russia/4489-sudeyskaya-korrupciya.html> (дата обращения 14.10.2012).

12. Слепцов И. Указ. соч.

13. Там же.

УДК 343.272

В. С. Карпов
V. S. Karpov

Российская конфискация в аспекте зарубежного законодательства

Russian Confiscation in the Aspect of Foreign Legislation

В статье проводится сравнительный анализ конфискации в системе уголовного законодательства РФ, а также ряда стран — бывших советских республик. Автор вносит предложения по совершенствованию уголовного законодательства РФ в части возвращения конфискации статуса вида уголовного наказания. Свои предложения автор подкрепляет международным опытом схожих правовых систем, а также правовой регламентацией конфискации, закрепленной в конвенциях ООН.

Система уголовного законодательства; конфискация; международно-правовой анализ; несовершенство уголовного закона

Comparative analysis of confiscation in the system of russian legislation and ex-Soviet countries legislation systems is being made in this article. The author submits an offer to return to the confiscation the status of a kind of criminal punishment. The author supports his suggestions with international law experience and law regulation of confiscation in the UN Conventions.

Corruption; judicial system; operative investigation; judge as a subject of the offense

Анализируя структуру практически любого уголовного кодекса, можно выделить ряд закономерностей. Как правило, общая часть уголовного закона представляет собой определенную последовательность положений, являющихся принципиальными и общими для всего кодекса, сформированных в разделе и главы. Безусловно, на первом месте стоят задачи и принципы уголовного закона, действие его во времени и пространстве, затем — нормы, характеризующие основания уголовной ответственности. Следуя логике действия механизма уголовно-правового регулирования, после регламентации оснований уголовной ответственности должен идти раздел, посвященный наказанию.

Вышеизложенное в целом справедливо и для УК РФ [1], но с некоторыми изъятиями. Так, в период с 13 июня 1996 г. по 8 декабря 2003 г.

в разд. III «Наказание» УК РФ существовала ст. 52 «Конфискация имущества» (от лат. *confiscato* — «отобрание в казну»). Законодатель четко и ясно определил конфискацию (в уголовно-правовом ее смысле) как дополнительный вид наказания. В указанный период конфискация была предусмотрена по 45 составам преступлений, что составляло около 30 % от общего числа санкций, содержащих указания о применении дополнительных видов наказаний. После вступления в силу Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [2] ст. 52 из УК РФ была исключена, однако при этом конфискация как процессуальная мера продолжала существовать в УПК РФ [3].

Единого мнения о причинах и необходимости исключения конфискации из УК РФ в 2003 г. не существует. Более того, в юридической литературе вплоть до настоящего времени идет дискуссия о необходимости существования конфискации как вида наказания, о ее месте в структуре УК и т. д. Обосновывая свои позиции, ученые-юристы приводят различные аргументы [4].

Определенную лепту в развитие такой дискуссии внес и законодатель. Спустя почти два с половиной года после исключения из УК РФ конфискации вновь была возвращена в УК РФ Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» [5]. Однако конфискации была возвращена в УК РФ не в систему наказаний, а была выделена в самостоятельную гл. 15.1 «Конфискация имущества», помещенную в разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера». Таким образом, конфискации имущества в структуре Общей части УК РФ была регламентирована наряду с принудительными мерами медицинского характера.

Примечательна в этом плане Пояснительная записка «К Проекту Федерального закона о внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6], в которой говорится, что «представляется целесообразным не исключение конфискации из числа уголовных наказаний, а, напротив, расширение сферы применения института конфискации, распространения ее действия не только на преступления, совершенные из корыстных побуждений, но и на преступления террористического характера и на экстремистскую деятельность».

Данная аргументация была учтена при возвращении конфискации в УК РФ, однако законодательный подход к определению места конфискации имущества в системе Общей части УК РФ и расширению сферы ее применения ставит в тупик многих ученых-юристов, как теоретиков, так и практиков. Несмотря на то что уголовный закон, бесспорно, относится к императивным законам, отсутствие четких законодательных формулировок порождает определенные «вольности» в трактовке ряда терминов. Так, ввиду указанных причин ни в УК, ни в юридической литературе не существует единообразного понимания терминов «меры уголовно-правового воздействия», «меры уголовно-правового характера» и «иные меры уголовно-правового характера». В этой связи закономерно возникает ряд вопросов: почему конфискации исключили из разд. III «Наказание», какое отношение имеет конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера и др.

Приводимые в качестве аргументов в пользу исключения конфискации из перечня наказаний доводы о суровости такого вида наказания, а также о том, что конфискации «ударяет» не столько по самому субъекту, сколько по его родственникам, вряд ли можно считать убедительными. Конфискации имущества, безусловно, достаточно суровый вид дополнительного наказания, но надо четко понимать, за какие именно преступные деяния назначалась конфискации имущества — за тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом суд в каждом случае назначения данного наказания обязан был учитывать и давать оценку всей совокупности обстоятельств, установленных в ходе предварительного и судебного следствия (изложенное в полной мере, помимо прочего, соответствует принципам справедливости, индивидуализации наказания, закрепленным соответственно в ст. 6 и 60 УК РФ). Отнесение конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера, на наш взгляд, не вполне обоснованно и отнюдь не исключает в полном объеме судебные ошибки при ее применении (см. кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.05.2012 № 78-о12-20 [7]).

Конфискации имущества — традиционный вид наказания для российского уголовного права. Думается, что исключение ее из перечня наказаний является еще одним примером нарушения логики формирования уголовного закона. Согласно ст. 43 УК РФ существует три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. За исключением исправления осужденного, остальные цели наказания возможно достичь, применив конфискации в любой из двух редакций УК РФ — как до 2003 г., так и после 2006 г.

В поиске путей совершенствования законодательства РФ в целом и уголовно-правовой отрасли в частности, как нам думается, может оказаться полезен опыт других стран со схожей правовой системой. Наиболее корректным представляется взять для такого сравнения уголовное законодательство бывших республик советского союза, которые после его распада приняли собственные уголовные кодексы, однако традиции школы советского уголовного права, схожая юридическая техника регламентации, безусловно, позволяют не только ставить их в один ряд, но и говорить об общности структуры, о возможности восприятия каких-то позитивных идей и наработок.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о месте конфискации в системе уголовного права на постсоветском пространстве, на наш взгляд, необходимо обратиться к Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятель-

ности (заключена 8 ноября 1990 г. в Страсбурге) [8] (далее — Конвенция 1990 г.). Так, в п. “d” ст. 1 Конвенции 1990 г. отмечается, что «конфискация» означает наказание или меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества.

Следует согласиться с мнением ученых-юристов, что в Конвенции 1990 г. дано весьма схематичное определение конфискации имущества [9], однако хотелось бы акцентировать внимание на ключевых содержательных характеристиках конфискации в соответствии с данной Конвенцией. Во-первых, конфискация назначается судом за совершение преступления. Во-вторых, она состоит в лишении имущества, и, самое главное, — это наказание.

При рассмотрении данного вопроса не следует оставлять без внимания и рекомендации, сформулированные в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. [10]. В соответствии с п. “e” ст. 8.2 данного документа органы, выносящие приговоры, могут предусматривать в качестве санкции конфискацию или постановление о лишении права собственности на имущество.

Вопросам конфискации в той или иной части посвящены также Конвенция против транснациональной организованной преступности, принятая в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [11] (далее — Конвенция 2000 г.), и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая в Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [12] (далее — Конвенция 2003 г.). Данные конвенции ООН фактически единообразно подходят к определению конфискации и ее значения.

Так, в соответствии с п. “g” ст. 2 Конвенции 2000 г. конфискация означает окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа. Круг объектов, которые могут подлежать конфискации, определен в ст. 12 — это доходы от преступлений или имущество, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; имущество, оборудование и другие средства, использовавшиеся или предназначавшиеся для использования при совершении преступлений.

Анализ вышеизложенного позволяет трактовать конфискацию и как дополнительный вид наказания, и, возможно, как иное явление. В этой связи следует сказать, что унификация формулировок облегчает законодателю процесс имплемен-

тации нормы, позволяет максимально безболезненно вписать правовую норму в национальное законодательство.

Применительно к вышеупомянутым конвенциям ООН обе редакции УК РФ в части конфискации имеют право на существование, однако исходя из содержательных характеристик конфискации в российском законодательстве, на наш взгляд, все-таки ближе к дополнительному наказанию.

В правоте данного тезиса нас косвенно может убедить даже самый беглый анализ уголовных кодексов ряда стран постсоветского пространства: Республики Беларусь [13], Азербайджанской Республики [14], Республики Казахстан [15], Литовской Республики [16], Украины [17], Республики Молдова [18], Кыргызской Республики [19], Латвийской Республики [20], Эстонской Республики [21], Республики Узбекистан [22].

Проведенный анализ показывает, что такого «оригинального подхода» к понятию «конфискация имущества» и определению ее места в общей части уголовного закона, как в УК РФ, нет ни в одном из вышеперечисленных кодексов. В изученных зарубежных уголовных кодексах конфискация компактно регламентирована в рамках одной статьи, причем максимальное количество частей этой статьи варьирует от трех (УК Азербайджанской Республики) до семи (УК Литовской Республики). Справедливости ради следует отметить, что в УК Республики Молдова такой вид наказания, как конфискация имущества, вообще не предусмотрен, а в УК Литовской Республики конфискация имущества помещена в разд. IX «Средства уголовного воздействия и их назначение». «Размах» отечественного законодателя вызывает определенное недоумение — ни в одном из рассмотренных уголовных законов конфискация имущества не выделяется в самостоятельную главу, состоящую из трех статей.

Подавляющее большинство проанализированных уголовных законов относят конфискацию имущества к разделу «Наказание». При этом уголовные кодексы Кыргызской Республики, Латвийской Республики, Республики Беларусь, Республики Узбекистан четко определяют конфискацию имущества как дополнительное наказание; УК Эстонской Республики в ст. 33 предусматривает «специальную конфискацию»; УК Азербайджанской Республики, не предусматривая деления наказания на основное и дополнительное, тем не менее относит конфискацию имущества именно к наказаниям.

Лаконичность в описании порядка и оснований применения конфискации имущества, имеющая место в уголовном законодательстве указанных стран, заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания. Описать и детально регламентировать процесс конфискации в рамках

статьи либо даже главы уголовного кодекса не представляется возможным, да и нет явной необходимости в этом.

Проблемные вопросы, связанные с формированием единообразной практики применения конфискации, уместнее всего решить в соответствующих постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Таким образом, следует отметить, что конфискация, на наш взгляд, была и остается не чем иным, как дополнительным видом наказания.

Возможно, действовавшая до 8 декабря 2003 г. редакция УК РФ, как и Перечень имущества, не подлежащего конфискации по решению суда, указанный в приложении 1 к УИК РФ [23], были не лишены недостатков и нуждались в совершенствовании, однако исключение конфискации имущества и попытка замены ее штрафом представляются не вполне продуманным и взвешенным решением со стороны законодателя.

В случае возвращения ст. 52 «Конфискация имущества» в гл. 9 «Понятие и цели наказания, виды наказаний» разд. III «Наказание» УК РФ следует тщательно продумать ее редакцию. Представляется, что такая трансформация УК РФ была бы

наиболее правильной и логичной. Отнесение конфискации к иным мерам уголовно-правового характера противоречит содержанию данного термина и логике формирования (построения) УК РФ.

На наш взгляд, возможно возвращение к редакции УК РФ, действовавшей до 8 декабря 2003 г., при этом, безусловно, при регламентации этого вида наказания следует сделать акцент на борьбу с финансированием терроризма, организованными формами преступности, преступлениями коррупционной направленности. Акцентуация возможна путем частичного восприятия действующих формулировок ст. 104.1–104.3 УК РФ. Такой подход, помимо прочего, будет в полной мере соответствовать сути и духу всех приведенных выше конвенций ООН. Кроме этого, в новой редакции статьи, посвященной конфискации имущества, красной нитью необходимо провести мысль о том, что конфискация может распространяться не на все имущество, а только на то, которое нажито преступным путем. При конструировании новой нормы уголовного закона также следует использовать позитивный опыт регламентации конфискации имущества, имеющийся в странах ближнего зарубежья (государствах постсоветского пространства).

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
3. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 дек.
4. См., напр.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика : монография. М., 2009; Непомнящая Т. В. Назначение наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006.
5. См.: РГ. 2006. 29 июля.
6. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. См.: СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 203.
9. См.: Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 73.
10. Организация Объединенных Наций : сайт. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 15.11.2012).
11. См.: Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
12. См.: Там же. 2006. № 10.
13. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь, принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года / предисл. Б. В. Волженкина ; обзорная ст. А. В. Баркова. СПб., 2001.
14. См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред., предисл. И. М. Рагимова; пер. с азерб. Б. Э. Аббасова. СПб., 2001.
15. См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167 / науч. ред. и предисл. И. И. Рогова. СПб., 2001.
16. См.: Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; предисл. Н. И. Машнева; вступ. ст. А. Абрамовичуса, В. П. Казанскене. СПб., 2003.
17. См.: Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В. В. Сташиса; пер. с укр. В. Ю. Гиленченко. СПб., 2001.
18. См.: Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А. И. Лукашова. СПб., 2003.
19. См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики, принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 18 сентября 1997 г. (в редакции Законов Кыргызской Республики от 21 сентября 1998 г. № 124, 9 декабря 1999 г. № 141, 23 июля 2001 г. № 77, 19 ноября 2001 г. № 92, 12 марта 2002 г. № 36) / предисл. А. П. Стуканова, П. Ю. Константинова. СПб., 2002.
20. См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой ; пер. с латыш. А. И. Лукашова. СПб., 2001.
21. См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эст. В. В. Запелова; вступ. ст. Н. И. Машнева. СПб., 2001.
22. См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изменениями и дополнениями на 15 июля 2001 г.) / вступ. ст. М. Х. Рустамбаева, А. С. Якубова, З. Х. Гулямова. СПб., 2001.
23. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

УДК 340.63

С. А. Огурцов
S. A. Ogurtsov

**Амбулаторное принудительное наблюдение
и лечение у психиатра, соединенное с исполнением
наказания в виде лишения свободы:
международные и национальные подходы**

**Compulsory Out-patient Observance and Treatment
by a Psychiatrist, Coupled with the Execution
of a Punishment of Deprivation of Freedom:
International and National Approaches**

В рамках данной статьи уделяется особое внимание оказанию психиатрической помощи лицам, совершившим преступления в состоянии ограниченной вменяемости. Автор сравнивает нормы международного уголовного права и национального законодательства относительно видов исправительных учреждений, в которых должны отбывать наказание в виде лишения свободы лица с психическими аномалиями, и предлагает способы совершенствования национальной правовой системы.

Ограниченная вменяемость; лишение свободы; амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра

This article pays special attention to providing of mental health care to persons, who have committed crimes in a state of diminished responsibility. The author compares the standards of the international criminal law and the national legislation, which concern the types of the correctional facilities, where persons with mental abnormalities should be imprisoned. The author outlines the ways of the improvement of the national legal system as well.

Diminished responsibility; deprivation of freedom; compulsory out-patient observance and treatment by a psychiatrist

В 1996 г. был принят УК [1], который в ч. 2 ст. 22 предусмотрел, что лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, могут быть назначены наряду с наказанием принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. В соответствии со ст. 100 УК амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра может быть назначено при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УК, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в психиатрический стационар.

Применение амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра к осужден-

ным к аресту либо к лишению свободы согласно ч. 1 ст. 18 УИК [2] исполняется теми учреждениями, в которых отбываются указанные виды наказаний. В тех случаях, когда осужденному назначен иной вид наказания, исполнение амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра осуществляется учреждениями, которые определены в Законе РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [3].

В связи с этим возникает вопрос: в каких исправительных учреждениях должны отбывать наказание в виде лишения свободы лица, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости? Виды исправительных

учреждений, в которых должны отбывать лишение свободы осужденные, перечислены в ст. 74 УИК. Однако в данной статье не указывается на наличие каких-либо специальных учреждений для осужденных, нуждающихся в прохождении амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра.

Не ставится задача разработать специальные исправительные учреждения для осужденных, отбывающих наказание, и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р [4], поскольку исполнение наказания в виде лишения свободы планируется отбывать осужденным в тюрьмах (общего, усиленного и особого режимов) и колониях-поселениях (с обычным и усиленным наблюдением).

Начиная со второй половины XX в. международные организации стремительно развивались, что повлекло за собой принятие значительного числа международных документов, в том числе и по вопросам ответственности лиц с психическими расстройствами. Принятые международные документы установили большое количество гарантий в области прав и свобод лиц с психическими расстройствами, которые необходимо учитывать в процессе законодательной и правоприменительной деятельности не только юристам, но и психологам и психиатрам. Не был обойден стороной в международном уголовном праве вопрос и о видах исправительных учреждений, в которых должны отбывать наказание осужденные к лишению свободы, страдающие психическими расстройствами. Так, в п. 82 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых 30 августа 1955 г. на Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [5], впервые на международном уровне установлено, что заключенных, страдающих психическими заболеваниями или недостатками, следует ставить под наблюдение и лечить в специальных заведениях под руководством врачей. К сожалению, схожая норма в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, появилась спустя 45 лет в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятых 14 декабря 1990 г. резолюцией 45 / 113 Генеральной Ассамблеи ООН [6].

В Европе также были учреждены различного рода международные образования, к которым можно отнести и Совет Европы, созданный в 1949 г. Значительным достижением Совета Европы в области гарантий прав и свобод лиц с психическими девиациями считается Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы, касающаяся европейских тюремных правил, утвержденная 11 января 2006 г. [7], содержание

которой в рамках рассматриваемого вопроса полностью идентично Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, принятым на Конгрессе ООН от 30 августа 1955 г.

Кстати, в рамках Совета Европы была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [8] (далее — Конвенция), которую в 1998 г. ратифицировала Российская Федерация. При рассмотрении первого раздела Конвенции, посвященного правам и свободам человека, не представляется возможным сделать вывод о наличии каких-либо норм, касающихся лиц с психическими расстройствами. Однако в процессе правоприменения и толкования Конвенции Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) регулярно рассматриваются жалобы от лиц с психическими аномалиями либо их представителей, в том числе и по вопросам отбывания наказания.

Примером может послужить постановление, вынесенное ЕСПЧ 3 февраля 2009 г. по делу «Карпыковский против Польши» (№ 23052/05) [9]. Согласно обстоятельствам данного дела заявитель страдал тяжелой формой эпилепсии с ежедневными приступами болезни, а также энцефалопатией и слабоумием. Как рецидивист он несколько раз отбывал наказание в виде лишения свободы в различных исправительных учреждениях Польши. Впервые его заключили под стражу в мае 1998 г. После освобождения заявитель вновь заключался под стражу много раз. В частности, с 5 августа 2003 г. по 30 ноября 2007 г. он непрерывно содержался под стражей в обычных исправительных учреждениях или в тюремных больницах. В период с 2003 г. по 2007 г. несколько врачей отмечали, что ему необходимо специализированное психиатрическое и неврологическое лечение. Так, в 2001 г., в период первого осуждения, медицинские эксперты рекомендовали сделать заявителю операцию на головном мозге, а в 2007 г., после выписки из больницы, врачи пришли к выводу, что он должен находиться под медицинским наблюдением 24 ч в сутки. Государство-ответчик указывало, что заявитель получал надлежащий медицинский уход и лекарства, и особо подчеркивало, что его сокамерники знали, как действовать при эпилептических приступах. Заявитель дважды госпитализировали в тюремную больницу с неврологической специализацией, когда это было необходимо. Когда он получал лекарственные средства, то находился под пристальным медицинским наблюдением в тюремной больнице, и врачи осматривали его почти каждый день. Европейский суд по правам человека полагает, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель постоянно нуждался в медицинском уходе, в отсутствие которого его здоровью угрожала серьезная

опасность. Заявитель непрерывно содержался под стражей с 5 августа 2003 г. по 30 ноября 2007 г. и в этот период мог пользоваться исключительно медицинской инфраструктурой изолятора. Вызывает озабоченность то обстоятельство, что в течение большей части этого времени он содержался в обычной тюрьме или, в лучшем случае, в тюремной больнице. Его помещали в специализированную больницу только два раза, несмотря на особую ситуацию. В этот период нужно было понимать, что может возникнуть необходимость в серьезном медицинском вмешательстве, однако неотложная медицинская помощь, за исключением той, которую могли оказать Карпыковскому сокамерники, являлась для него недоступной. Даже если позднее его осматривали врачи, они не имели специальных знаний по неврологии и психиатрии. С учетом своего умственного расстройства заявитель не мог принимать самостоятельные решения или справляться с ежедневными потребностями. Это должно было вызывать у него сильное беспокойство и ставить в униженное положение по отношению к другим заключенным. Европейский суд по правам человека подчеркивает недоброжелательность в отношении действий персонала изолятора, полагавшего, что у сотрудников изолятора нет обязанности обеспечивать безопасность и уход за наиболее уязвимым заключенным, переложив на его сокамерников функции по оказанию повседневного содействия и неотложной помощи. Отсутствие надлежащего медицинского ухода в Познанском изоляторе, ставившее заявителя в зависимое положение и вызывавшее у него чувство неполноценности по сравнению со здоровым сокамерником, подрывало его достоинство и вызывало особые тяготы, причинявшие беспокойство и страдания и выходявшие за пределы тех, что неизбежно связаны с лишением свободы. Его продолжительное содержание под стражей без надлежащего медицинского ухода и помощи, соответственно, составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, что привело к нарушению требований ст. 3 Конвенции (см. также постановление ЕСПЧ по делу «Дюбеку против Албании» от 18 декабря 2007 г. (№ 41153/06) [10]; постановление ЕСПЧ по делу «Кинан против Соединенного Королевства» от 3 апреля 2001 г. (№ 27229/95) [11]).

Исходя из содержания принятого ЕСПЧ решения можно констатировать, что неоказание психиатрической помощи осужденным лицам с психическими девиациями, отбывающими наказание в виде лишения свободы, приводит к бесчеловечному и унижающему достоинство человека обращению. К сожалению, Российской Федерации не чужда данная проблема, поскольку в исправительных учреждениях ставки врача-психиатра остаются вакантными, допускается, на уровне нор-

мативных правовых актов, оказание психиатрической помощи осужденным врачами, не имеющими надлежащего медицинского образования. В целях недопущения Российской Федерацией нарушений ст. 3 Конвенции в рамках национальной правовой системы следует разработать определенные механизмы, направленные на оказание адекватной психиатрической помощи в местах лишения свободы.

Наиболее удачный способ применения амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра в местах лишения свободы заключается в создании специальных исправительных учреждений для лиц с психическими расстройствами, о чем неоднократно указывалось в международных документах.

Преимущество данного подхода состоит в том, что решение названной проблемы связано с комплексным подходом, опирающимся на целый ряд научных дисциплин (психология, психиатрия и право), в основе которого заложены специфические режимные требования.

Основная суть данных требований направлена на адаптацию осужденного к условиям исправительного учреждения, а также на применение мер психолого-психиатрического воздействия. Применение данных мер может привести к исправлению осужденных, предупреждению совершения ими новых преступлений, а также улучшить психическое состояние указанных лиц.

В штате сотрудников в обязательном порядке появятся должности психолога и психиатра. К сожалению, в уголовно-исправительных учреждениях должность врача-психиатра нередко остается вакантной. Парадоксально, но даже действующие нормативные правовые акты не исключают такой возможности и даже предлагают способ ее решения. В соответствии с п. 266 приказа Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17.10.2005 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключения под стражей» [12] осужденные больные, находящиеся в стационаре медицинской части учреждения в связи с наличием психического расстройства, осматриваются врачом-психиатром учреждения не реже двух раз в неделю. В случае отсутствия в штатах учреждения врача-психиатра лечебные мероприятия осуществляются начальником медицинской части или врачом-терапевтом по рекомендациям врача-психиатра лечебно-профилактических учреждений и лечебных исправительных учреждений УИС или специализированных учреждений психиатрического профиля государственной и муниципальной систем здравоохранения. Создание в исправительных колониях специального режима для лиц с психическими расстройствами, не исключаящими

вменяемости, потребует укомплектования данных учреждений должностями психологов и психиатров.

В рамках данного исследования остановимся на вопросе о природе амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра — носят ли они характер сугубо принудительной или добровольной меры? В рамках национальной правовой системы отказ от амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра, в соответствии с ч. 1 ст. 116 УИК, рассматривается как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, влекущее наложение определенных мер взыскания.

Получается, что природа принудительных мер медицинского характера, назначаемых наряду с наказанием, имеет двойственный характер, поскольку, с одной стороны, медицинский персонал не может принудительно применять к осужденному меры медицинского характера, а с другой — данный персонал наделен правом обратиться к администрации исправительного учреждения и сообщить об отказе прохождения осужденным амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Администрация исправительного учреждения, в свою очередь, рассматривает отказ от прохождения принудительных мер медицинского характера как злостное нарушение порядка отбывания наказания и налагает на осужденного взыскание, которое выступает принуждением к прохождению амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра.

При прекращении мер дисциплинарного взыскания осужденный должен вновь направляться к врачу-психиатру для прохождения принудительного лечения. Очередной отказ от данной коррекционной меры повлечет те же неблагоприятные последствия, вплоть до того времени, пока осужденный все-таки не станет проходить принудительные меры.

Совершенно иной концептуальный подход заложен в Принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, принятых 17 декабря 1991 г. резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН [13] (далее — Резолюция 46/119). Одним из основных положений 20-го принципа, названного в Резолюции 46/119, является то, что осужденное лицо либо лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, должно дать осознанное согласие на лечение психического заболевания. В соответствии с п. 2 принципа 11 осознанное согласие на лечение означает согласие, получаемое свободно, без угроз или неоправданного принуждения после надлежащего предоставления пациенту в форме и на языке, понятном ему, достаточной и ясной информации:

- a) о предварительном диагнозе;
- b) цели, методах, вероятной продолжительности и ожидаемых результатах предлагаемого лечения;
- c) альтернативных методах лечения, включая менее инвазивные;
- d) возможных болевых ощущениях и ощущениях дискомфорта, возможном риске и побочных эффектах предлагаемого лечения.

Таким образом, применение амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра возможно осуществлять только в тех случаях, когда осужденное лицо дало осознанное согласие на проведение в отношении него лечения. Соответственно, отказ осужденного к реальному лишению свободы нельзя рассматривать как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, поэтому действующее уголовно-исполнительное законодательство нужно привести в соответствие с принципом 11 Резолюции 46/119 и исключить из ч. 1 ст. 116 УИК фразу «принудительных мер медицинского характера».

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
3. См.: ВСНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
4. См.: СЗ РФ. 2010. № 43. С. 5544.
5. См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311.
6. См.: Организация Объединенных Наций : сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 17.02.2013).
7. См.: Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : сб. док. / сост. и пер.: В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М., 2011. С. 30.
8. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
9. См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6.
10. См.: HUDOC: European Court of Human Rights : сайт. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-84028> (дата обращения: 28.02.2013).
11. См.: Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59365> (дата обращения: 28.02.2013).
12. См.: БНА. 2005. № 46.
13. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.3

Е. П. Сергун
E. P. Sergun

Антиконституционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников как возможный состав преступления в российском уголовном праве

Anticonstitutional Interpretation of Historical, Political and Philosophical, Religious and other Documents as Possible Corpus Delicti According to Russian Criminal Law

Автор излагает проект ст. 280.1 «Антиконституционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников» УК и предлагает дополнить уголовный закон данной нормой с целью предотвращения распространения в российском обществе экстремистских (т. е. антиконституционных, антидемократических) воззрений в завуалированных формах. Предполагается, что особенно важную функцию она может выполнять в сфере государственного и негосударственного (в том числе религиозного) образования.

Экстремистская идеология; преступления против основ конституционного строя; преступления экстремистской направленности; безопасность конституционного строя РФ; антиэкстремистская уголовно-правовая политика

The author presents a project of the clause 280.1 of the Russian Federation Criminal Code entitled «Anticonstitutional interpretation of historical, political and philosophical, religious and other documents» and suggests including this norm in the criminal law in order to prevent dissemination of veiled forms of extremist (i. e. anticonstitutional, antidemocratic) ideas in the Russian society. The author believes that this norm can be utter importance in the field of state and private education (including religious one).

Extremist ideology; crimes against foundations of constitutional system; extremist crimes; safety of Russian constitutional system; anti-extremist criminal-law policy

Проводимую в настоящее время уголовно-правовую политику РФ в сфере противодействия экстремистской деятельности вряд ли можно рассматривать как попытку найти наиболее компромиссный путь решения имеющихся фундаментальных научно-практических вопросов, порожденных возникновением так называемой демократической дилеммы. К слову сказать, суть последней состоит в следующем: если демократическое государство борется с экстремистами агрессивно, то оно ликвидирует демократическую свободу и, стало быть, само себя; если же такое государство не устанавливает каких-либо правовых ограничений, то они ликвидируют свободу и, соот-

ветственно, демократическое государство [1]. Напротив, возникает впечатление, что соответствующие уголовно-правовые нормы не столько призваны обеспечить незыблемость либерально-демократических основ конституционного строя РФ, сколько дестабилизировать политическую обстановку в стране.

Российская уголовно-правовая политика в сфере противодействия экстремистской деятельности сводится в целом к криминализации деяний, предусмотренных ст. 280, 282, 282.1 и 282.2 УК [2], и закреплению мотивов, указанных в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК, не только в качестве универсального обстоятельства, отягчающего уголовное наказание,

но также обязательного признака субъективной стороны ряда основных и квалифицированных составов преступлений.

Опасения вызывает тот факт, что законодатель и правоприменитель не усматривают принципиальных различий между, например, кошунством и одновременным отстаиванием конституционного принципа светскости (ч. 1 ст. 14 Конституции [3]), высказываниями гомофобного характера и использованием гарантии свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции), клеветой в отношении лица, замещающего государственную должность РФ, сопряженной с обвинением его в совершении неконституционного действия, и самим антиконституционным действием и т. п. Как показывает судебная практика, каждое из подобного рода деяний в одних случаях именуется «экстремизмом», а в иных почему-то считается правомерным поведением. При этом абсолютно не понятен объект уголовно-правовой охраны, т. е. конкретное общественное отношение или группа отношений, важность регулирования которых обусловила разработку и принятие соответствующего пакета уголовно-правовых норм. Невольно напрашивается вывод, что уголовная политика в рассматриваемой области направлена на привитие обществу под страхом уголовного наказания некой абсурдной социальной пассивности, универсальной толерантности, в том числе к тому, что разумным образом не всегда заслуживает терпимого отношения [4].

Концептуальной основой наших исследований в области уголовно-правовой борьбы с экстремизмом является теория, согласно которой *идеологическим фундаментом* конституционного строя РФ выступает *либеральная демократия* [5] (несмотря на то, что в неблагонамеренных политических целях возможно выгодно навязать обществу миф о том, что Россия якобы уже два десятилетия живет в «идеологическом вакууме», который сегодня призваны заполнить не то культы новых политических лидеров, не то православие). В связи с этим все политические силы, стремящиеся к изменению демократической политической системы общества и установлению в государстве тоталитарного, авторитарного или иного антидемократического режима, следует рассматривать как *экстремистские*. Впервые такой подход был предложен германской политической мыслью во второй половине XX в., в частности, когда более 20 лет назад известный германский политолог У. Бакес заговорил об экстремизме как о политической позиции, прямо или косвенно отрицающей демократическое конституционное государство [6], что также отразилось на состоянии современной германской уголовно-правовой науки [7].

«Объявленная либерал-демократами в начале 90-х годов деидеологизация государства на самом деле явилась лишь новым видом идеологии», — критично, но верно высказывается Н. А. Боброва [8]. Это становится более очевидным, если согласиться с мнением С. А. Авакьяна и аналогичными суждениями других ученых-конституционалистов относительно идеологической функции основного закона государства: «Идеологическая функция есть у любой конституции, она присуща и Конституции РФ» [9]. Вместе с тем в учебных пособиях по конституционному праву России по непонятным, на наш взгляд, причинам не указывается, какая именно политическая идеология подразумевается. Полагаем, теоретически этому препятствует наличие ч. 2 ст. 13 Конституции, гласящей: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но парадокс состоит в том, что само по себе провозглашение на конституционном уровне такой нормы является атрибутом *либеральной демократии*.

Более того, Конституция, очевидно, не является и не может являться условием для выражения, т. е. претворения в действительность любой идеологии в рамках принципов идеологического (в том числе политического) многообразия и многопартийности (ч. 1 и 3 ст. 13). Она гарантирует возможность практической реализации тех представлений о политике, политической власти и государстве, которые не вступают в конфликт с *основополагающими принципами демократического правового государства*, составляющими *основы конституционного строя РФ*. Назначение Конституции состоит вовсе не в том, чтобы определить некие всеобщие «открытые» («свободные») правила политического соревнования в борьбе за власть между, например, революционным марксизмом-ленинизмом, с одной стороны, и национал-социализмом — с другой, а в том, чтобы в целях обеспечения *безопасности конституционного строя РФ* исключить возможность прихода к политической власти приверженцев таких идеологий, т. е. левых и правых экстремистов.

По нашему мнению, данная концепция способна легитимировать уголовно-правовое противодействие целенаправленному распространению в российском обществе экстремистских идеологий (конечно, при условии грамотного подхода к разработке соответствующих мер уголовно-правового воздействия). При этом под *экстремистской идеологией*, на наш взгляд, следует понимать систему социально-политических мировоззренческих представлений, основу которой составляют идеи нетерпимости к фундаментальным ценностям и принципам демократии (преимущественно

но либеральной) как форме общественно-политического устройства и политическому режиму, а равно враждебных основам конституционного строя демократического правового государства. Без уяснения сущности экстремистской идеологии невозможно понять аксиому, лежащую в основе понятийно-категориального базиса науки об экстремизме: *экстремистская идеология ! экстремизм ! экстремистская деятельность*, где «!» означает процесс образования (выведения) нового от исходного (первичного) понятия путем указания на его дополнительные существенные признаки [10].

Основная наша цель состоит прежде всего в значительном сужении предмета уголовно-правового регулирования по сравнению с действующими нормами российского уголовного закона. Полагаем, что существующие ст. 280, 282, 282.1 и 282.2 УК подлежат исключению.

Одним из способов совершенствования уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя РФ является криминализация *антиконституционного толкования исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников*, предполагающая введение в УК одноименной ст. 280.1 (в настоящее время статьи с таким номером в УК нет). Формулировка диспозиции предлагаемой статьи уголовного закона могла бы выглядеть следующим образом:

«Статья 280.1. Антиконституционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников

1. Антиконституционное толкование (интерпретация) исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников либо их фрагментов, в том числе произведений изобразительных искусств, формально содержащих (отражающих) признаки экстремистской идеологии, но в силу важной научно-просветительской, историко-культурной или иной значимости не признанных в предусмотренном законодательством Российской Федерации порядке экстремистскими материалами, если такое деяние совершается в целях теоретического обоснования, оправдания и (или) распространения взглядов и идей, враждебных концепции демократического правового государства, в том числе общепризнанным на конституционном и международном публично-правовом уровнях правам и свободам человека и гражданина, — ...

2. То же деяние, совершенное: а) публично или с использованием средств массовой информации; б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) в отношении несовершеннолетнего, а равно с вовлечением в пособничество несовершенно-

летнего или группы несовершеннолетних лиц вне зависимости от их целевых установок, — ...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) главой (учредителем) общественного объединения политической ориентации; в) религиозным (духовным) деятелем; г) в отношении малолетнего, а равно с вовлечением в пособничество малолетнего или группы малолетних вне зависимости от их целевых установок; д) сотрудником государственного либо негосударственного образовательного учреждения начального, среднего или высшего профессионального образования, а равно преподавателем (духовным наставником) религиозного образовательного учреждения аналогичных уровней в учебно-образовательном процессе, — ...

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: а) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления; б) лидером политической партии; в) религиозным (духовным) этническим или национальным лидером, а равно лицом, занимающим высокое авторитетное положение в иерархии религиозных (духовных) служителей; г) сотрудником начального, основного или среднего общеобразовательного учреждения, а равно преподавателем (духовным наставником) религиозного образовательного учреждения аналогичных уровней в учебно-образовательном процессе, — ...

Примечание. Под антиконституционным толкованием (интерпретацией) документальных источников либо их фрагментов, в том числе произведений изобразительных искусств, в целях, указанных в части первой настоящей статьи, понимается, в частности, умышленное разъяснение (объяснение, преподнесение) виновным другому лицу содержания (смысла) отдельных цитат (концепций, теорий, учений, графических образов и т. п.) таким вербально-коммуникативным, невербальным или иным психологическим методом, который заставляет адресата информации (респондента) убедиться в правильности такого рода взглядов и идей, несмотря на их противоречие основам конституционного строя, правам и свободам человека и гражданина, закрепленным в Конституции Российской Федерации» [11].

Данное преступление следует рассматривать как самостоятельный вариант пропаганды экстремистской идеологии, которая одновременно должна быть признана уголовно-наказуемым деянием по ст. 280 УК в новой редакции:

«Статья 280. Пропаганда экстремистской идеологии

1. Распространение взглядов и идей, враждебных концепции демократического правового государства, в том числе общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, провозглашенным Конституцией Российской Федерации и основными источниками международного публичного права, в частности: пропаганда революционных, наиболее репрессивных форм марксизма-ленинизма (большевизма, троцкизма, сталинизма и др.); насильственного анархизма; национал-социализма (нацизма, равно как и неонацизма) или его составляющих элементов (расизма, антисемитизма, крайнего национализма, социального дарвинизма, расовой гигиены и др.); фашизма (равно как и неофашизма) или его составляющих элементов (вождизма, шовинизма и др.); религиозного фундаментализма (в том числе клерикализма или теократизма), если такое деяние совершается с целью внедрения в индивидуальное или общественное сознание антиконституционных (антидемократических) установок, — ...»

Квалифицирующие признаки пропаганды экстремистской идеологии аналогичны признакам, указанным в ч. 2–4 новой ст. 280.1. Статья 280 УК в новом изложении будет иметь примечание, согласно которому под основными источниками международного публичного права в ч. 1 настоящей статьи понимаются Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [12], Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [13], Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [14] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [15].

Предполагается, что главное назначение проекта ст. 280.1 «Антиконституционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников» состоит в предупреждении целенаправленного распространения в российском обществе экстремистских воззрений в завуалированных формах. Особенно важную функцию она призвана выполнять в сфере религиозного образования, в процессе которого возможны разнообразные ухищрения (как в форме сознательных действий, так и бездействия) со стороны педагогов при толковании (интерпретации) «священных писаний», способных преследовать религиозно-фундаменталистские, шовинистические, крайние националистические и иные антиконституционные (антидемократические) цели. Сказанное теперь относится и к государственному общему образованию в свя-

зи с включением с 1 апреля 2010 г. в школьную программу Минобрнауки России учебного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России», в рамках трех из шести выборочных модулей которого детям преподаются авраамические религии (православие, ислам и иудаизм). Помимо того, что набирающий в последнее время оборот клерикализм Русской православной церкви становится все более очевидным, а конституционный принцип светскости благодаря религиозному лоббизму превратился в фиктивную (недействующую) правовую норму, ситуация осложняется тем, что многие учебные пособия по религиозным предметам получают отрицательные отзывы со стороны независимых экспертов, причем достаточно компетентных. Например, общий вывод экспертного заключения доктора философских наук, члена-корреспондента РАН, заместителя директора Института философии РАН по науке, заведующего сектором философии исламского мира Института философии РАН А. В. Смирнова от 14 февраля 2010 г. по модулю «Основы исламской культуры» учебника «Основы религиозных культур и светской этики» сформулирован следующим образом: «Общий вывод: учебник не может быть допущен к преподаванию как не соответствующий минимальным требованиям научности, как содержащий признаки грубого нарушения Конституции РФ, как грубо навязывающий религиозную идеологию и чреватый взрывом на конфессиональной основе. Учебник должен быть полностью переделан» [16]. Очевидно, что то, как именно малолетний или подросток поймет те или иные сложившиеся на определенном этапе развития человечества религиозные догмы, сформируется ли у него в последующем уважительное отношение к либерально-демократическим ценностям и принципам или же из него вырастет потенциальный религиозный экстремист, зависит не столько от содержания древних «священных писаний» и вспомогательной литературы, сколько от личной заинтересованности самого учителя (преподавателя). Критерии противоправного поведения последнего определить в уголовном праве не просто, но, полагаем, вполне возможно.

Основные отличия антиконституционного толкования исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников от пропаганды экстремистской идеологии состоят в степени авторства (самостоятельности) суждений виновного, обосновывающих (оправдывающих) экстремистскую идеологию (чем она выше, тем меньше прослеживаются признаки предлагаемой нами ст. 280.1), в документальном источнике идеологии (если, например, таковой официально признан экстремистским материалом, то дея-

ние подлежит квалификации по новой ст. 280 УК), а также в несколько иных формулировках целей рассматриваемых деяний. Однако степень общественной опасности обоих преступлений равная, как и возможности их совершения. Следовательно, предлагаемые ст. 280 и 280.1 должны иметь одинаковые санкции.

Родовой (специальный) объект преступления, которое в будущем может быть предусмотрено ст. 280.1, по смыслу действующего уголовного закона — государственная власть (разд. X УК). Вместе с тем нелогично рассматривать государственную власть в качестве подчиняющего (родового) понятия по отношению к основам конституционного строя демократического государства. Более того, установление уголовной ответственности за пропаганду экстремистской идеологии вызвано необходимостью защиты не столько определенных властных интересов, сколько, напротив, общепризнанных прав и свобод человека и гражданина от их произвольного нарушения в интересах каких-либо политических групп.

Видовой объект антиконституционного толкования исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников можно определить как общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности демократического правового государства.

Непосредственный объект анализируемого деяния — общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности правовой (т. е. нематериальной, нефизической) структуры демократического государства, а равно обеспечивающие незыблемость либерально-демократических основ конституционного строя РФ.

Различия в *объективной стороне* между деяниями, условно предусмотренными в предлагаемых нами ст. 280 (в новом изложении) и 280.1, демонстрирует следующий пример. Предположим, два лица преследуют цель распространения в обществе антисемитских настроений посредством расклеивания в местах массового скопления людей листовок соответствующего содержания. Один использует известный лозунг времен Гражданской войны в России (1917–1923 гг.) «*Бей жидов, спасай Россию!*», ставший сегодня банальным выражением преимущественно правых экстремистов. Другой действует более «продуманно» и пытается донести до адресата информации (респондента) тот же смысл, но не таким очевидно противоправным призывом, как его коллега (который, кажется, вряд ли сможет что-то сказать в оправдание своих действий на следствии и в суде), а дословно цитируя изречение великой личности, назвать которую «экстремистом» в России представляется по понятным причинам абсурдным, —

Петра I: «*Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложу. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают*» [17] (с прямой или косвенной постановкой вопроса в листовке: «*А что думаешь ты?*»; дескать, еще Петр I настаивал на том, чтобы выгнать евреев из страны, а мы их сегодня лелеем). Так вот, в первом случае имеет место публичная пропаганда экстремистской идеологии (антисемитизма) по п. «а» ч. 2 ст. 280 в новом изложении, а во втором — публичное *антиконституционное толкование исторического документального источника* по п. «а» ч. 2 новой ст. 280.1.

Субъективная сторона антиконституционного толкования исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников характеризуется прямым умыслом и наличием целей теоретического обоснования, оправдания и (или) распространения взглядов и идей, враждебных концепции демократического правового государства, в том числе общепризнанным на конституционном и международном публично-правовом уровнях правам и свободам человека и гражданина.

Цель рассматриваемого состава преступления отграничивает правомерное толкование (интерпретацию) документальных источников либо их фрагментов, в том числе произведений изобразительных искусств, от уголовно наказуемого деяния. Так, не образует состава преступления, предусмотренного проектом ст. 280.1, например, констатация факта шовинистической направленности некоторых иудейских религиозных догм, совершенная педагогом в учебно-образовательном процессе, если целью такого деяния явилось стремление учителя предупредить учеников о недопустимости буквального понимания и практического воплощения подобных исторически сложившихся правил поведения на современном (цивилизованном) этапе развития человечества.

Напротив, если преподаватель, осознавая, что безоговорочное указание на «священность», «божественную истинность» и т. п. и обязательность строгого соблюдения такого рода религиозных предписаний для каждого верующего способно с высокой степенью вероятности (очевидной для независимого эксперта-педагога или психолога) заставить учащихся поверить в правильность такого рода взглядов и идей, целенаправленно избегает критической оценки таких постулатов с позиций общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, то деяние должно подлежать

квалификации по п. «г» ч. 4 проекта ст. 280.1 (как особо квалифицированный состав преступления). Иными словами, толкование (интерпретация) документальных источников либо их фрагментов, в том числе произведений изобразительных искусств, в научно-просветительских, превентивных, воспитательных или иных целях, не преследующих порождение экстремистских установок, по смыслу проекта ст. 280.1 не может рассматриваться как антиконституционное.

Мотивы преступления, предусмотренного предлагаемой ст. 280.1, квалификационного значения не имеют, но, несомненно, за исключением случаев вовлечения в пособничество, их наличие логично предполагается целью данного уголовно наказуемого деяния. Антиконституционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников либо их фрагментов, в том числе произведений изобразительных искусств, труднообразимо вне криминального намерения, основанного на приверженности к экстремистской идеологии, — *экстремистского мотива*. Однако

новаторская конструкция данной уголовно-правовой нормы позволила предельно точно обозначить объект преступного посягательства посредством иного признака субъективной стороны, одновременно поставив под сомнение господствующую концепцию о первостепенном значении особого мотива при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Разумность относительно широкой дифференциации специальных субъектов объясняется повышенной степенью общественной опасности антиконституционного толкования исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников, осуществляемого должностными лицами, политическими и религиозными деятелями, а также педагогами в учебно-образовательном процессе.

Важно уточнить, что введение в уголовный закон отмеченных составов преступлений не предполагает правовой запрет на массовый оборот каких-либо научных, религиозных, литературных и иных источников даже при формальном наличии в них признаков экстремистской идеологии.

1. См., напр.: Kailitz S. *Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung*. Wiesbaden, 2004. S. 211.

2. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

4. См.: Сергун Е. П. *Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты* : монография. М., 2012. С. 68–69.

5. См.: Его же. *Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации* : монография. М., 2011. С. 44.

6. См.: Jesse E. *Formen des politischen Extremismus // Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. Texte zur inneren Sicherheit. Bundesministerium des Innern. Berlin. 2004. S. 11; Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie. Opladen, 1989.*

7. См.: Ermert M. *Der Extremismus im Strafrecht : Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage*. Herbolzheim : Centaurus-Verl., 2007. S. 4.

8. Боброва Н. А. *Конституционный строй и конституционализм в России* : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2003. С. 107.

9. Авакьян С. А. *Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие* : в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 165.

10. См. подробнее: Сергун Е. П. *Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты*. С. 62–63.

11. См.: Там же. С. 111–112.

12. См.: РФ. 1995. 5 апр.

13. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

14. См.: БВС РФ. 1994. № 12.

15. См.: Там же.

16. См.: Смирнов А. В. *Заключение по модулю «Основы исламской культуры» // Институт философии Российской академии наук* : сайт. URL: <http://iph.ras.ru/page48408162.htm> (дата обращения: 20.01.2013).

17. Бердников А. *Петр I и евреи (импульсивный прагматик) // Журнальный зал* : сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/11/be6.html> (дата обращения: 20.01.2013).

УДК 343.16

А. Ф. Смирнов
A. F. Smirnov

О системе функций прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

About System of Functions of the Prosecutor in Criminal Procedure of the Russian Federation

Статья посвящена определению функций прокурора в уголовном судопроизводстве. Анализируя законодательные предписания и деятельность прокурора, автор делает вывод о стремлении прокурора выполнять в уголовном судопроизводстве несколько функций. При этом существующие ограничения его полномочий в уголовном судопроизводстве позволяют достаточно эффективно реализовывать только основную надзорную функцию.

Функции органов прокуратуры РФ; Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Уголовно-процессуальный кодекс РФ; многофункциональность органов прокуратуры; тенденции развития организации и деятельности органов прокуратуры

Article is devoted to definition of functions of the prosecutor in criminal procedure. Analyzing legislative instructions and activity of the prosecutor, the author draws a conclusion about aspiration of the prosecutor to carry out some functions in criminal procedure. Thus existing restrictions of powers of the prosecutor in criminal procedure allows to realize only the main supervising function rather effectively.

Functions of bodies of public prosecutor's office of the Russian Federation; the Federal law from 17.01.1992 № 2202-1 "About public prosecutor's office of the Russian Federation"; Code of criminal procedure of the Russian Federation; multifunctionality of bodies of public prosecutor's office; tendencies of development of the organization and activity of bodies of public prosecutor's office

Определение функций прокурора в уголовном судопроизводстве и их характеристика, как нам думается, напрямую связаны с общим представлением о многофункциональности органов прокуратуры РФ.

Многим известно, что о многофункциональности прокуратуры Российской Федерации активно заговорили после распада СССР, в период реализации идей Концепции судебной реформы в Российской Федерации, принятой постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 [1]. В тот период шла серьезная борьба с представителями «взгляда на прокуратуру как

орган прокоммунистический, не поддающийся реформированию и потому подлежащий чуть ли не уничтожению путем изъятия у него главной функции — функции надзора за законностью» [2].

В качестве реакции на такие призывы появилась подготовленная в 1993–1994 гг. учеными НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ Концепция развития на переходный период [3]. В ней «отстаивалась идея сохранения и укрепления традиционной российской прокуратуры, прокуратуры сильной, действенной и многофункциональной, всецело подчиненной задаче надзора

за исполнением законов, действующих на территории России» [4]. Законодательное закрепление она получила в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре РФ) в редакции Федерального закона от 17.11.1995 № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О прокуратуре Российской Федерации”» [5].

Следует, однако, подчеркнуть, что, отставив идею о многофункциональности, ученые НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ утверждали, что такая многофункциональность должна быть подчинена задаче надзора за исполнением законов. Другими словами, развивая многофункциональность прокуратуры РФ, нельзя забывать, что все новые виды ее деятельности должны быть подчинены главной функции — функции надзора за исполнением законов, действующих на территории РФ.

Между тем из формулировки п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре РФ следует, что прокуратура не только осуществляет надзор за исполнением законов, но и выполняет иные функции, установленные федеральными законами. Такое сочетание позволяет заключить, что иные функции могут быть самостоятельными и не подчиненными функции надзора за исполнением законов. Справедливости ради нужно отметить, что, обозначая в п. 2 этой же статьи не только отрасли прокурорского надзора, но и такие функции, как уголовное преследование, участие прокурора в рассмотрении дел судами, координационную деятельность, участие в правотворческой деятельности, законодатель указал на единые цели, которые должны быть достигнуты.

В этой связи можно сделать вывод, что все функции прокуратуры РФ должны быть увязаны в единую систему, где главным определяющим фактором является надзорная функция. Как известно, она выражается посредством решения трех основных задач надзора, к которым относятся выявление нарушений закона, реагирование на них средствами и актами прокурорского надзора и восстановление нарушенных прав и законных интересов в совокупности с устранением причин и условий совершения правонарушений. Такие же задачи, как представляется, должен решать прокурор, осуществляющий и иные виды деятельности. В этом случае сохраняется предназначение прокуратуры как единственного государственного органа, который от имени Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции [6] и исполнением законов, действующих на территории РФ.

К сожалению, нередко, пропагандируя многофункциональность прокуратуры РФ, представители науки и практики начинают отклоняться от главного предназначения прокуратуры и моделируют для нее такие виды деятельности, которые начинают менять ее характер. По такому же пути, как представляется, нередко идет и законодатель.

Например, Федеральным законом от 17.07.2009 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с принятием Федерального закона “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”» [7] в Закон о прокуратуре РФ введена ст. 9.1, регламентирующая проведение прокурором антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Думается, что такой вид деятельности в большей степени относится к функциям Минюста России, что и отражено в пунктах 8.1, 9.1–9.3, 10, 10.1, 11, 12 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 [8].

Наделение прокурора полномочиями проводить антикоррупционную экспертизу заставляет ученых искать какие-то объяснения такому феномену. По мнению профессора В. П. Рябцева, например, в рассматриваемом случае предмет надзора нуждается в дополнительной регламентации. Антикоррупционную экспертизу предлагается рассматривать «как средство реализации функции участия в правотворчестве» [9].

Федеральным законом от 07.02.2011 № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О полиции”» [10] на Генеральную прокуратуру РФ возложены обязанности по ведению государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состоянии и результатах следственной работы и прокурорского надзора. Приказы Генерального прокурора РФ по вопросам указанного статистического учета обязательны для органов государственной власти. Закрепленный в законодательстве такой вид деятельности прокуратуры РФ даже с большой натяжкой трудно отнести к функциональному предназначению органов прокуратуры. Появившееся у Генерального прокурора РФ полномочие отдавать обязательные для органов государственной власти приказы по вопросам статистического учета в значительной степени уводит прокуратуру в число органов исполнительной власти.

Еще не закончились дебаты по вопросу необходимости выделения из прокуратуры РФ след-

ственных органов, отделения прокурорского надзора от функции процессуального руководства предварительным следствием, как законодатель закрепил за прокуратурой новую функцию, сильно напоминающую ту, от которой только что освободились. Теперь в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 21.11.2011 № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [11] в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре РФ внесен абзац следующего содержания: «возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и другими федеральными законами». Это означает, что прокурор начинает осваивать новую функцию административного расследования, которая, несомненно, характерна для органов исполнительной власти.

Последствия такого развития организации и деятельности органов прокуратуры РФ нетрудно представить. Она может утратить свое основное предназначение — быть независимым государственным органом, обеспечивающим верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Многофункциональность прокурора в уголовном судопроизводстве, как представляется, имеет те же и дополнительные недостатки, которые рождены недостаточно четко продуманной и закрепленной в уголовно-процессуальном законе системой уголовного судопроизводства и практикой уголовно-процессуальной деятельности.

Прежде, однако, важно определить терминологическое значение функции, поскольку неоднозначность понятия функции может повлечь неверную оценку анализируемых проблем участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

При существующей многозначности термина «функция» обратим внимание на два его значения.

Первое значение связано с тем, что под функцией понимается предназначение того или иного органа в механизме государства, в нашем случае прокуратуры РФ. В этом значении функции прокуратуры РФ позволяют сформулировать ответ на вопрос, для чего она создана и действует.

Второе значение функции связано с пониманием видов деятельности государственного органа, но не любых его действий, а сопряжен-

ных с его целевой направленностью, т. е. с его предназначением.

Именно в этом случае функции государственного органа в совокупности с другими признаками позволяют идентифицировать его принадлежность как части целого и обеспечивают его индивидуальность и уникальность в организационной государственной системе.

Закрепляя в ст. 129 Конституции отдельные организационные принципы и структурные элементы прокуратуры РФ, безусловно, важно было бы обратить внимание и на ее функции. Но, как известно, компромиссным решением стало указание в п. 5 ст. 129 Конституции на то, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры РФ определяются федеральным законом.

Указание на полномочия является в определенной степени компенсацией недостающего термина функции, поскольку полномочия в реальности входят в ее содержательную часть и весьма четко отражают предназначение субъекта деятельности.

Представляется также важным обратить внимание на то, что законодатель, формулируя п. 5 ст. 129 Конституции, указал, что вышеперечисленные условия деятельности прокуратуры должны определяться федеральным законом. Следует признать, что такая концовка формулировки также неудачна, поскольку порождает неоднозначность в определении: один ли федеральный закон должен регулировать организацию и деятельность прокуратуры РФ, либо эти вопросы могут регламентироваться исключительно федеральными законами, вне зависимости от их количества.

Практика законодательного регулирования свидетельствует о втором пути. Она показывает, что некоторые нормативные предписания, минуя статутный закон, оказываются в иных нормативных правовых актах. Примечательно, что, если в начале пути в Законе о прокуратуре РФ применялись бланкетные нормы, то в дальнейшем мы стали узнавать о новых полномочиях и функциях прокуратуры из законов, совершенно не относящихся к организации и деятельности органов прокуратуры. Примером может служить Федеральный закон от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении контроля (надзора) и муниципального контроля» [12], в котором органам прокуратуры предписывается рассматривать проекты ежегодных планов проведения плановых проверок на предмет законности включения в них объектов государственного и муниципального контроля. Этим Законом прокурорам предоставляется

право внесения предложений руководителям контролирующих органов о проведении совместных плановых проверок, устанавливаются обязанности по обобщению сведений о готовящихся плановых проверках и подготовке ежегодного сводного плана проведения плановых проверок.

Участие прокурора в уголовном судопроизводстве также регламентируется не только Законом о прокуратуре РФ, но и УПК [13]. Из их содержания следует, что прокурор в уголовном судопроизводстве призван осуществлять несколько видов деятельности.

Так, в соответствии со ст. 1 Закона о прокуратуре РФ прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, участвует в рассмотрении дел судами, осуществляет уголовное преследование. В соответствии со ст. 37 УПК прокурор призван осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Кроме того, анализ норм УПК о полномочиях прокурора при расследовании уголовных дел в форме дознания позволяет сделать вывод, что на прокурора также возлагается процессуальное руководство дознанием.

При этом представляется важным разрешить проблему соотношения названных видов деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, поскольку правильное, логически обоснованное соотношение функций позволяет определить эффективную структуру и пределы участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

Исследуя обозначенные виды деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве сквозь призму структуры функций как единичных действий, объединенных в группы и отдельные виды, имеющих строгую целевую направленность, можно прийти к следующим выводам.

Наиболее ярко и органично в качестве самостоятельной функции прокурора в уголовном судопроизводстве проявляется надзорная функция. Эта функция оказалась в лучшей степени регламентирована УПК и может быть реализована посредством решения полного объема общих задач надзора, таких как выявление нарушений закона, реагирование на них и восстановление нарушенной законности.

Предназначение надзорной функции прокурора сохраняется на всем протяжении участия прокурора в уголовном процессе.

Исследуя действия прокурора и их последовательность при осуществлении уголовного преследования и поддержания обвинения в суде, представляется обоснованным выдвигание версии о том, что указанные виды деятельности не могут претендовать на самостоятельность их функций.

Согласно ст. 5 УПК уголовное преследование рассматривается как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Между тем, несмотря на то, что прокурор отнесен УПК к стороне обвинения и на него, как и на следователя, в соответствии со ст. 21 УПК возложена обязанность осуществления уголовного преследования, он, в отличие от следователя, не наделен соответствующими полномочиями. Мало того, в ходе уголовно-судебной реформы, наоборот, у прокурора были изъяты полномочия по изобличению лиц в совершении преступлений по мотиву необходимости разграничения функций надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и их процессуальным руководством. Факт сохранения полномочий прокурора по процессуальному руководству дознанием лишь подтверждает отсутствие последовательности в действиях законодателя.

Поддержание государственного обвинения в суде прокурором по характеру действий есть продолжение уголовного преследования, поскольку основным содержательным элементом обвинения как процесса является изобличение подсудимого в совершении преступления и утверждение о том, что именно данное лицо виновно в его совершении. Оно, в сущности, отображает предварительное следствие, и было бы логичнее, если бы обвинение в суде поддерживал не прокурор, а следователь, который реально наделен для такой функции полным комплексом полномочий.

В нашем случае прокурор вынужден совмещать обвинение с надзорной функцией и даже с функцией защиты, поскольку обязан в определенных случаях изменить обвинение либо даже от него отказаться.

Логика построения и развития современной уголовно-процессуальной деятельности подсказывает приемлемое решение. Оно заключается в том, что уголовное преследование и обвинение в суде, осуществляемые прокурором, следует рассматривать как элементы надзорной функции, поскольку они призваны решать отдельные задачи надзорной функции. В частности, их можно представить как формы выявления нарушений закона и адекватного реагирования на них. Однако для этого необходимо

внести в УПК некоторые изменения, конкретизирующие роль и значение прокурора в уголовном процессе. Прежде всего следовало бы исключить прокурора из числа участников со стороны обвинения, представив ему статус пред-

ставителя государства, обеспечивающего верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

1. См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
2. Бойков А. Д., Скворцов К. Ф., Рябцев В. П. Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода). М., 1998. С. 10.
3. См.: Прокуратура Российской Федерации (Концепция развития на переходный период) / под ред. Ю. И. Скуратова. М., 1994.
4. Бойков А. Д., Скворцов К. Ф., Рябцев В. П. Указ. соч. С. 9–10.
5. См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
7. См.: СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3608.
8. См.: Там же. 2004. № 42. Ст. 4108.
9. Рябцев В. Предмет надзора нуждается в дополнительной регламентации // Законность. 2011. № 3. С. 4.
10. См.: РГ. 2011. 8 февр.
11. См.: Парламентская газета. 2011. 25 нояб.
12. См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6249.
13. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 дек.

УДК 343.3

А. Е. Федюнин
A. E. Fedyunin

В. Ю. Алферов
V. Y. Alferov

Исследование проблем выявления преступлений коррупционного характера в экспертно- криминалистических учреждениях

Investigation of Corruption Crimes Problems in Forensic Bodies

В статье на основе проведенного социологического исследования и изучения материалов уголовных дел описаны проблемы выявления коррупционных преступлений в экспертно-криминалистических учреждениях. На примере экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел РФ рассмотрены наиболее распространенные ситуации выявления, предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, совершаемых их сотрудниками.

Коррупция; коррупционные преступления; экспертно-криминалистические подразделения; предупреждение; пресечение; раскрытие

The article deals with the problem of corruption in forensic bodies and is based on the sociological research and case-studies of identification corruption crimes. On the example of forensic subdivisions of the Russian Federation the most common cases of identification, prevention and suppression of corruption crimes, committed by members of forensic bodies subdivisions are examined.

Corruption; corruption crimes; forensic bodies; prevention; suppression; disclosure

Проблема противодействия коррупции в органах государственной власти не раз отмечалась руководством страны как важнейший элемент государственной политики в области реформирования правоохранительных органов и укрепления нравственных ценностей общества. Объясняется это разрушительным потенциалом и большими масштабами коррупции в стране. По уровню коррумпированности Россия занимает одно из ведущих мест в мире. По данным международного центра антикоррупционных исследований "Transparency International", по уровню восприятия коррупции Россия находится на 133-м из 176 мест. Первые места занимают Дания, Финляндия и Новая Зеландия, где взяточничество практически отсутствует [1].

Наиболее коррумпированные сферы в России, по данным ВЦИОМ, — это правоохранительные органы, медицина, образование и органы государственной власти [2].

Коррупция как негативное явление не только создает реальную угрозу демократическому развитию государства и общества, конституционному строю, но и ограничивает конституционные права и свободы человека и гражданина, нарушает принципы верховенства права, равенства перед законом, установленный порядок выполнения полномочий должностных и служебных лиц органов государственной власти, управленческих структур частного сектора, разрушает представление граждан о справедливости власти.

По данным специальных научных исследований, в коррупционные отношения различного характера вовлечена значительная часть населения России. Так, имеются сведения, что 20,4 % россиян сталкивались с различными проявлениями коррупции многократно, 21,3 % — несколько раз в жизни, 17,8 % — редко, один-два раза в жизни встречались, 38,6 % — никогда не сталкивались с коррупцией. Затруднившихся с ответом практически не было — 1,9 % [3].

Как неотъемлемая часть государства правоохранительные органы России, и в частности органы внутренних дел, подвержены коррупции в той же мере, что и остальное общество, однако в связи с их особой ролью в системе государственной власти это явление крайне опасно и вызывает большую озабоченность у руководства МВД России.

Практика показывает, что к коррупционным преступлениям могут быть причастны сотрудники экспертно-криминалистических учреждений различной ведомственной принадлежности, в том числе и органов внутренних дел, играющие немаловажную роль в формировании доказательственной базы по уголовным делам.

Уголовная статистика и правоприменительная практика свидетельствуют, что в настоящее время сотрудниками службы собственной безопасности МВД России выявлено незначительное количество коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений (далее — ЭКП) органов внутренних дел. По данным Департамента собственной безопасности МВД России, за последние шесть лет таких преступлений зарегистрировано по стране не более десятка. Однако результаты проведенных социологических исследований показывают, что небольшое количество выявленных преступлений объясняется в первую очередь их высокой латентностью и недостаточной информированностью заинтересованных субъектов, а не отсутствием коррупции в экспертных учреждениях.

Следует отметить, что специальных научных разработок в данной области не проводилось, поэтому по заявке Департамента собственной безопасности МВД России в 2010 г. в Саратове была предпринята попытка комплексного исследования уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных аспектов, связанных с коррупционными проявлениями в ЭКП. По его результатам были разработаны научные предложения и методические рекомендации для сотрудников подразделений собственной безопасности органов внутренних дел.

Для определения основных направлений решения поставленной проблемы были проведе-

ны исследования, позволяющие составить общую картину борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми сотрудниками ЭКП органов внутренних дел, включающую вопросы выявления, предупреждения и пресечения таких преступлений.

Сбор и изучение эмпирического материала по данной проблематике проводили путем изучения материалов уголовных дел, интервьюирования и анкетирования 86 сотрудников службы собственной безопасности.

По мнению 82 % респондентов, ЭКП подвержены коррупционным преступлениям, причем 36 % из них полагают, что степень коррумпированности низкая, 46 % — средняя, 11 % — высокая и 7 % затруднились с ответом.

Высокая латентность коррупционных преступлений, совершенных в ЭКП органов внутренних дел, по мнению опрошенных, обусловлена следующими обстоятельствами: некриминогенностью данной сферы деятельности — 13 %; отсутствием оперативных подходов к сотрудникам ЭКП — 29 %; отсутствием какой-либо информации о преступлениях — 23 %; отсутствием сведений о механизмах совершения преступлений — 14 %; отсутствием знаний о методике документирования — 8 %; затруднились с ответом 13 %.

Специфичность разработки проблемы борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми сотрудниками ЭКП органов внутренних дел, требует в первую очередь правильного понимания и применения норм действующего законодательства по борьбе с коррупцией в целом.

В криминологии термин «коррупция» определяется как «социальное явление, характеризующееся подкупом — продажностью государственных, иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [4].

Толковый словарь русского языка объясняет, что коррупция — это моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и сращивании с мафиозными структурами [5].

В свое время низкие результаты в борьбе с коррупцией у нас в стране связывались с отсутствием самого законодательного понятия «коррупция». Данный правовой пробел был восполнен с принятием Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6], ст. 1 которого определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномо-

чиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами», а также «от имени или в интересах юридического лица».

Коррупционная преступность включает несколько уголовно-правовых классов деяний. Ее составляют многие преступления против государственной власти, государственной и иной службы. Это прежде всего взяточничество (ст. 290–291 УК [7]), а также связанные с ним злоупотребления должностными полномочиями и целый ряд иных преступлений. Дача и получение взятки является одним из самых распространенных коррупционных преступлений, одной из самых опасных «профессиональных» форм преступного поведения должностных лиц. Особая опасность взяточничества состоит в том, что оно, как правило, связано с совершением других должностных преступлений.

По мнению опрошенных сотрудников службы собственной безопасности, в ЭКП органов внутренних дел чаще всего совершаются преступления коррупционной направленности (53 %), общеуголовные (17 %) и иные преступления (7 %), затруднились с ответом 23 % респондентов.

Таким образом, существует потенциальная опасность совершения сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России следующих общественно опасных деяний, связанных с занимаемой ими должностью: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), получение взятки (ст. 290 УК), дача заведомо ложного заключения (ст. 307 УК), иные общеуголовные преступления (хищение, мошенничество и др.).

Наиболее распространенным коррупционным преступлением, совершаемым сотрудниками ЭКП органов внутренних дел, безусловно, является получение взятки за дачу заведомо ложного заключения. Например:

- эксперт-криминалист, которому поручено проведение баллистической экспертизы, получает взятку за дачу заведомо ложного заключения и не признает огнестрельным представленное на экспертизу оружие, которое фактически таковым является, либо за взятку эксперт проводит трасологическую экспертизу и дает положительное заключение по результатам исследования измененных номерных агрегатов транспортного средства (ст. 290, 307 УК);

- эксперт-криминалист, получив взятку, в ходе баллистической экспертизы намеренно приводит в негодность огнестрельное оружие с целью не признавать его пригодным для стрельбы;

- эксперт-химик за взятку дает заключение по изъятым наркотическим средствам, изменяя качество наркосодержащего вещества (ст. 285, 290 УК);

- эксперт-химик, проводя химическую экспертизу наркотических средств, присваивает часть вещества, при этом умышленно искажая данные о количестве вещества, израсходованном при проведении экспертизы (ст. 229, 285 УК).

Кроме того, эксперт может совершать указанные выше действия и не руководствуясь корыстной мотивацией, не получая за это материального вознаграждения. Мотивы могут быть разные — личные, служебные и т. д., и это нужно учитывать, допуская возможность личного контакта эксперта с участниками процесса.

Если эксперт выступает в роли специалиста до возбуждения уголовного дела и составляет фальсифицированную справку об исследовании, совершая при этом вышеуказанные общественно опасные деяния, то ответственность по ст. 307 УК исключается и наступает ответственность, предусмотренная ст. 285 УК.

К числу наиболее часто совершаемых экспертами иных преступлений можно отнести, такие как мошенничество, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и др.

Заключение эксперта — один из видов доказательств в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 74 УПК [8]), оценка которого осуществляется, согласно ч. 1 ст. 88 УПК, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела, а требования к его оформлению изложены в ст. 204 УПК.

Несоблюдение установленного порядка проведения экспертизы может подтверждать коррупционную направленность действий эксперта. Достоверность заключения, отсутствие в нем фальсификаций устанавливают проверкой обоснованности выводов эксперта, их подтверждением проведенными исследованиями (выяснение надежности использованной методики, правомерности ее применения в данном конкретном случае и пр.). Таким образом, только полноценная оценка самого заключения эксперта, хода и результатов проведенного исследования дает право следователю, суду и другим компетентным лицам признать данное заключение достоверным, а никак не его сопоставление с другими доказательствами.

Оценка следователем, судом или контролирующим органом методической стороны заключения эксперта является наиболее сложной. Возможность сотрудника службы собственной безопасности оценить научную обоснованность заключения представляется спорной, поскольку для этого необходимо располагать определенным комплексом знаний, близким по уровню к знаниям самого эксперта. В случае возникновения сомнения в обоснованности или правильности первичной экспертизы назначается повторная экспертиза (ст. 207 УПК и ст. 20 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [9]).

На наш взгляд, повторная экспертиза — самое действенное средство против преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками ЭКП органов внутренних дел. В случае, когда выводы повторной экспертизы не совпадают с выводами первичного экспертного заключения или противоречат им, эксперт обязан выявить причины данного обстоятельства [10].

Как правило, фальсификации экспертного заключения резко отличаются от экспертной ошибки [11], являющейся результатом добросовестного заблуждения судебного эксперта [12], его неправильных суждений или действий [13].

Типичными объективными причинами экспертных ошибок являются: отсутствие научно разработанной экспертной методики (3 % случаев); несовершенство методики и ненадежность методов исследования (6 %); применение экспертом ошибочно рекомендованных методов исследования (2,8 %); отсутствие в распоряжении эксперта полных данных об идентификационной значимости признаков (6 %); применение экспертом неисправных инструментов либо приборов, не обладающих достаточной чувствительностью, разрешающей способностью (67,2 %); иные причины (факторы) (15 %).

Типичными субъективными причинами экспертных ошибок являются: низкая квалификация эксперта — 20 %; профессиональные упущения эксперта — 21,7 %; неординарные психологические состояния эксперта — 6,8 %; логические дефекты умозаключений эксперта — 4,6 %; дефекты органов зрения — 3 %; характерологические черты личности эксперта — 2 %; недостатки планирования экспертного исследования — 1,9 %, иные причины (факторы) — 40 % [14].

В отличие от экспертных ошибок, фальсификации экспертом результатов экспертизы порождены в первую очередь личной заинтересованностью, в том числе и корыстной, либо заинтересованностью в исходе дела руководителя ЭКП или органа внутренних дел.

Типичными следами фальсификаций экспертного заключения являются: полное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств без разрешения лица, назначившего экспертизу; отсутствие в тексте заключения исследовательской части, ее неполнота, т. е. недостаточность перечисленных признаков для определенного вывода, неточная оценка выявленных признаков, противоречия между исследовательской частью заключения и выводами; несоответствие выводов эксперта действительности, признаками которого служат противоречия другим материалам дела, несостоятельность, архаичность примененных методов исследования.

Основному контролю на наличие следов фальсификаций должны подвергаться результаты экспертиз следующих видов: криминалистическая экспертиза почерка; криминалистическая экспертиза восстановления уничтоженных или измененных маркировочных обозначений; криминалистическая экспертиза продуктов выстрела и взрыва; криминалистическая экспертиза наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ; криминалистическая автороведческая экспертиза; криминалистическая экспертиза лакокрасочных материалов, лакокрасочных покрытий и окрашенных предметов; криминалистическая пожаротехническая экспертиза; криминалистическая взрывотехническая экспертиза; криминалистическая автотехническая экспертиза; технико-криминалистическая экспертиза документов; криминалистическая экспертиза спиртосодержащих жидкостей; криминалистическая экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов.

Производство входящих в указанный перечень экспертиз сопряжено с известными трудностями из-за необходимости выбора методов исследования (предпочтение отдается неразрушающим (недеструктивным), и лишь затем, если их использование не привело к решению экспертной задачи, допускается применение методов, приводящих к частичному или полному разрушению объекта (с письменного согласия инициатора проведения исследования)).

С точки зрения «безнаказанной фальсификации экспертизы» к наиболее уязвимым следует относить те виды экспертиз, которые решают вопросы, связанные с пригодностью следов к идентификации объекта, их оставившего. По сложившейся традиции такой вывод, сделанный экспертом, не иллюстрируется, при этом след в следотеку не помещается и он, таким образом, безвозвратно утрачивается.

Сотруднику службы собственной безопасности, не знакомому тесно со всеми существующими

общими и частными методиками криминалистических экспертиз, будет практически невозможно выявить в тексте экспертного заключения признаки фальсификации. Кроме того, существуют еще и «экспертные ошибки», которые может допустить эксперт при отсутствии всякого умысла. В экспертной практике часто встречаются ситуации, когда с целью исключения ошибки по сложным случаям назначаются повторные экспертизы, результаты которых дают противоположные выводы. Однако такие ошибки исключают коррупционную направленность в деятельности эксперта. В связи с этим подозрения в фальсификации экспертизы должны основываться прежде всего на оперативно-розыскной информации, а при ее подтверждении может быть назначено повторное исследование с целью проверки экспертного заключения.

Таким образом, проведенное исследование вопросов борьбы с преступлениями коррупцион-

ной направленности, совершаемыми сотрудниками ЭКП органов внутренних дел, показывает, что успех борьбы с преступлениями данной категории во многом зависит от информационного обеспечения компетентных органов сведениями уголовно-правового, криминалистического, а также оперативно-розыскного характера, позволяющими эффективно организовать процесс их предупреждения, выявления, документирования и раскрытия.

Разработка и практическое применение эффективных способов выявления и борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми сотрудниками ЭКП, — одна из важных задач, стоящих перед подразделениями собственной безопасности МВД России, осуществляющими реализацию государственной политики России по борьбе с коррупцией в органах внутренних дел.

1. См.: Россия в Индексе восприятия коррупции — 2012: новая точка отсчета // Трансперенси интернешнл Россия : сайт. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/rossiia-v-indekse-vospriiatiia-korruptcii-2012-novaia-tochka-otscheta> (дата обращения: 11.02.2013).

2. См.: Россияне определили, где живет и процветает коррупция // Информационное агентство Дейта.РУ : сайт. URL: http://deita.ru/society/v-rossii_03.12.2012_826002_rossijane-opredelili-gde-zhivet-i-protsvetaet-korruptsija.html (дата обращения: 11.02.2013).

3. См.: Кузнецова О. А. Коррупционная деятельность: криминологический и уголовно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.

4. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 501.

5. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2009. С. 298.

6. См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

7. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РФ. 2001. 22 дек.

9. См.: СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

10. См.: Педенчук А. К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта : учеб. пособие. М., 1992. С. 42.

11. См.: Белкин Р. С., Педенчук А. К. Понятие экспертных ошибок и их классификация // Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы : сб. науч. тр. М., 1987. С. 146.

12. См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 82.

13. См.: Краснобаева А. Ю. Экспертные ошибки: причины, последствия, профилактика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 9.

14. См.: Грановский Г. А. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы : сб. науч. тр. М., 1983.

УДК 343.285

А. П. Фильченко
A. P. FilchenkoМ. В. Бузина
M. V. Buzina

Испытание осужденного в механизме реализации уголовной ответственности

The Test of the Convicted Person in the Mechanism of Realization of Criminal Liability

Статья посвящена проблеме унификации институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения и отсрочки исполнения наказания. Используя системный исследовательский подход, авторы доказывают общность правовой природы данных уголовно-правовых институтов, выступающих как средства освобождения осужденного от отбывания наказания под условием испытания. Обосновывается необходимость единообразного законодательного подхода к регулированию правового положения лиц, находящихся в режиме испытания.

Испытательный срок; освобождение от наказания; условное осуждение; условно-досрочное освобождение; отсрочка отбывания наказания

The article is devoted to the problem of unification of the institutions of probation, parole and remission of sentence. Using a system approach, the authors prove the unity of the legal nature of these criminal-legal institutions, acting as a means of release of the convicted person from serving the punishment under the condition of the test. The necessity of a uniform legislative approach to the regulation of the legal status of persons in a test mode.

The trial period; exemption from punishment; suspended sentence; conditional release; to deferment of the serving of punishment

В связи с изменением вектора уголовной политики в направлении либерализации и гуманизации законодательства РФ особую актуальность приобретают исследования тех механизмов, с которыми законодатель связывает устранение или смягчение уголовно-правового обременения преступника, в их числе освобождение осужденных от реального отбывания назначенного приговором суда наказания под условием испытания.

Юридическое значение «испытания» осужденного как уголовно-правового средства освобождения от наказания еще не в полной мере оценено теоретиками и практиками. Недостаточно изучена его правовая природа, формы, пределы и последствия применения. Это обстоятельство

определяет острую потребность современного уголовного права в разработке основных положений теории «испытания», прежде всего при помощи системного подхода.

Рассмотрение любого правового явления может быть начато с определения того места, которое оно занимает в действующем законодательстве. Контент-анализ норм УК [1] позволил установить, что термин «испытание» в нем отсутствует. Вместе с тем УК 17 раз обращается к использованию конструкции «испытательный срок», причем все случаи упоминания имеют отношение только к четырем статьям: 73, 74, 86 (п. «а» ч. 3) и 88 (ч. 6.2), регулирующим применение института условного осуждения. Жестко

связывая условное осуждение и испытательный срок, употребляя рассматриваемое понятие как правовое, законодатель тем не менее не посчитал возможным нормативно расшифровать его.

Категория «испытательный срок» не является сугубо уголовно-правовым «изобретением». Данное средство имеет межотраслевой характер и употребляется в различных отраслях права в одинаковом значении с учетом специфики регулируемых правоотношений. В общеправовом значении испытательный срок представляет собой предусмотренный законом отрезок времени, предназначенный для определения соответствия испытуемого лица определенным критериям (требованиям). В этой связи необходимо различать: *испытание* (проверку соответствия лица установленным критериям), *результат испытания* (положительный либо отрицательный исход проверки), *режим испытания* (установленный законом порядок и условия проведения проверки лица), *испытательный срок* (период времени, в течение которого закон допускает проведение испытания).

Одно из первых уголовно-правовых определений испытательного срока было дано Г. А. Кригером [2]. Современные исследователи пытаются дать новые дефиниции данному явлению [3], и все же следует признать, что в специальной уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе нет единого подхода к определению испытательного срока. По нашему мнению, испытательный срок в уголовном праве — это поощрительный институт, стимулирующий исправление осужденного в условиях временного отказа от назначенного наказания и заканчивающийся его применением или нет в зависимости от результата испытания.

Как уже отмечалось, в качестве законодательной категории в уголовном праве, испытательный срок применяется лишь к условному осуждению. Однако, как показало исследование, испытание осужденного фактически применяется и в ряде других случаев. Так, при условно-досрочном освобождении (далее — УДО) (ст. 79 УК) срок испытания равен сроку наказания, от отбывания которого осужденный освобожден условно-досрочно, а при исполнении отсрочки отбывания наказания — сроку предоставленной отсрочки.

Наличие в законодательстве иных видов испытаний позволяет предположить, что испытательный срок является особым уголовно-правовым средством, обеспечивающим условное применение мер уголовной ответственности, средством, позволяющим освобождать осужденного от реального отбывания наказания.

Принимая во внимание данное положение, можно заключить, что действующее уголовное

и уголовно-исполнительное законодательство РФ определяет систему испытательных сроков, которые могут характеризоваться следующими формами: 1) юридически урегулированными и реализуемыми в рамках действующего законодательства (условное осуждение); 2) юридически не урегулированными, но реализуемыми фактически в рамках действующего законодательства (отсрочка исполнения приговора суда беременным, женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, и отсрочка исполнения наказания осужденным большим наркоманией; УДО).

Указанные уголовно-правовые институты имеют одинаковую юридическую природу, выражающуюся в освобождении осужденного от реального отбывания наказания под условием испытания. Единство правовой природы данных институтов подтверждается наличием следующих общих признаков: а) эти меры имеют срочный характер, т. е. ограничены во времени; б) в период их исполнения назначенное приговором суда наказание осужденным не отбывается; в) главным условием их применения является испытание осужденного на предмет возможности исправления без отбывания наказания; г) применяемое испытание допускается в отношении осужденных, личность которых и деяние не представляют большой общественной опасности; д) испытание сопровождается установлением требований к поведению, нарушение которых сопровождается приведением назначенного наказания в исполнение. Исход испытания признается отрицательным, если испытуемый нарушает установленные требования к поведению, в том числе совершает новое преступление; е) в период испытания контроль за поведением осужденных осуществляется специальным органом; ж) применение испытания, включая изменение правового положения лица, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания, условное осуждение или УДО независимо от результатов испытания осуществляется только судом.

Однако значение испытания во всех случаях различное. При единстве происхождения и юридического значения, которые имеют институты условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и УДО, действующее уголовное законодательство неодинаково регулирует правовое положение лиц, освобожденных от реального отбывания наказания под условием испытания.

Так, при назначении условного осуждения или применении УДО суд может возложить на осужденного исполнение определенных обязанностей, перечень которых конкретно указывается

в приговоре (ч. 5 ст. 73 и ч. 2 ст. 79 УК). Основной обязанностью осужденного, к которому применена отсрочка, является обеспечение воспитания и надлежащий уход за ребенком (ст. 82 УК) или, соответственно, добровольное прохождение курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации (ст. 82.1 УК). Получается, что при отсрочке отбывания наказания действующее уголовное законодательство не позволяет суду возложить на осужденного обязанности, которые он в состоянии применить в отношении условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Отсюда же и невозможность назначения дополнительных обязанностей. Осужденные, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, находятся, таким образом, в более привилегированном положении, чем условно осужденные или условно-досрочно освобожденные.

Ввиду необходимости устранения сложившегося противоречия и непоследовательности законодательного подхода целесообразно, во-первых, закрепить в уголовном законе обязательность назначения испытательного срока при применении отсрочки исполнения наказания. Соответственно, статьи УК, регулирующие отсрочку отбывания наказания, нуждаются в дополнении положением: «Применяя отсрочку, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные частью пятой статьи 73 настоящего Кодекса, которые должны им исполняться в течение испытательного срока». Это не только будет дисциплинировать осужденного, к которому данная мера применена, но и внесет ясность, точность и определенность в работу специализированного органа, на который УИК РФ [4] возложена обязанность создавать необходимые условия для социальной и медицинской реабилитации осужденного.

Некоторая неопределенность сложилась и в сфере применения УДО. При всех сходствах проведения испытания при условном осуждении и УДО существуют и проблемные отличия, главным из которых мы считаем трудности в реализации ч. 6 ст. 79 УК. Необходимость осуществления специального контроля за лицами, которым предоставлено УДО, — весьма значимый момент. В специальной литературе уже обращалось внимание на то, что эта категория правонарушителей после освобождения фактически является бесконтрольной, отсюда и риск совершения новых преступлений [5].

Отсутствие необходимого контроля за поведением условно-досрочно освобожденных является одним из основных факторов совершения этой категорией правонарушителей новых преступлений. Согласно данным выборочного иссле-

дования, более трети (39,2 %) всех освобожденных досрочно в течение года совершают новые преступления. При этом констатируется высокая латентность таких преступлений в связи все с той же «бесконтрольностью» освобожденных.

Условно-досрочно освобожденные оказываются в ситуации бесконтрольности, что вызвано отсутствием конкретизации субъекта, компетенцией которого охватывается рассматриваемый контроль. Известно, что контроль за поведением лица, освобожденного досрочно, в том числе и за выполнением возложенных на него судом обязанностей, возлагается на уполномоченный специализированный государственный орган (ч. 6 ст. 73 и ч. 6 ст. 79 УК). Уголовно-исполнительный кодекс РФ не дает разъяснений об «уполномоченном на то специализированном государственном органе», который должен осуществлять контроль за поведением условно-досрочно освобожденного лица. На практике контроль за условно-досрочно освобожденными осуществляют участковые уполномоченные того органа полиции, на территории которого он будет проживать. Напомним, что в отношении условно осужденных УИК определен специализированный орган — это уголовно-исполнительная инспекция (гл. 24).

Сложившаяся ситуация является необоснованной как с криминологической, так и с сугубо правовой точки зрения, поскольку отражает непоследовательность законодателя в использовании средства испытания неравным образом по отношению к осужденным, освобождаемым от отбывания наказания условно.

Для того чтобы реализация УДО имела более конкретизированный характер, необходимо на законодательном уровне закрепить в качестве специального субъекта его исполнения уголовно-исполнительные инспекции. Тем более что подобный опыт существует сегодня в отдельных странах СНГ — республиках Беларусь, Казахстан и др. Подобный шаг позволит сконцентрировать «в одних руках» все виды освобождения от реального отбывания наказания под руководством одного ведомства — ФСИН России. Одновременно с этим необходимо установить и период, который понадобится условно-досрочно освобожденному для доказательства своего исправления. Такой «период» необходимо оформлять в качестве испытательного срока по аналогии с условным осуждением.

Принимая во внимание вышеизложенное, позволим себе сформулировать следующее имеющее теоретико-прикладное значение положение: современное уголовное право нуждается в упорядочении применения испытания осужденного

как средства его освобождения от реального отбывания наказания. Общность правовой природы, которую демонстрируют институты условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и УДО, позволяют объединить их в рамках общего уголовно-правового института «меры уго-

ловно-правового характера, освобождающие осужденного от реального отбывания наказания под условием испытания». Соответственно, срок нахождения осужденного в состоянии УДО и отсрочки отбывания наказания может быть также назван «испытательным».

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 2. См.: Кригер Г. А. Условное осуждение и роль общественности в его применении. М., 1963. С. 69.
 3. См.: Бурлакова И. А. Условное осуждение: Теоретико-правовые и практические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 9; Веретенникова Т. Г. Правовые и социально-психологические вопросы применения условного осуждения к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1986. С. 23; Дьяконова С. В. Условное осуждение: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.
 4. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
 5. См.: Сони́на О. А. Вопросы контроля за условно-досрочно освобожденными // Актуальные проблемы деятельности органов и учреждений ФСИН России в современных условиях : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. (Вологда, 25 апреля 2008 г.). Вологда, 2009. С. 81.

Федеральная нотариальная палата как некоммерческая корпорация

Federal Notarial Chamber as Noncommercial Corporation

В статье показано соотношение законодательства РФ, регулирующего правовой статус Федеральной нотариальной палаты, и норм о некоммерческих корпорациях в Проекте № 47538-6/2 (во втором чтении) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Рассмотрены доктринальные подходы к понятиям «корпорация» и «учреждение» в российском праве. Обоснована необходимость внесения изменений в Проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» в связи с появлением новых норм о правовом статусе нотариальной палаты в Проекте № 47538-6/2.

Федеральная нотариальная палата; нотариальная палата; некоммерческая корпорация; организационно-правовой статус Федеральной нотариальной палаты; корпоративные отношения; корпоративное управление

The article shows the ratio of the current legislation, regulating the legal status of the Federal notarial chamber and norms about non-profit corporations in the draft N 47538-6/2 (in second reading) “About alteration in chapter 4 part 1 of the Civil Code of the Russian Federation, and article 1 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)” and invalidating certain provisions of the legislation of the Russian Federation. Considered doctrinal approaches to the concepts of “corporation” and “establishment” in the Russian law. There is substantiated a necessity to make changes in the Draft of the law on notaries and notarial activities in connection with the emergence of new norms in the Draft of the Civil Code of the Russian Federation on the legal status of the notarial chamber.

Federal notarial chamber; notary chamber; nonprofit corporation; organizational-legal status of the Federal notarial chamber; corporate relations; corporate management

Проблемы, связанные с определением правового статуса такой профессиональной корпорации, как ФНП, заставляют обратиться к исследованию современных доктринальных подходов и законодательства, регулирующего создание и деятельность ФНП. Гражданский кодекс РФ [1], как и Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2] (далее — Закон о некоммерческих организациях), не со-

держит специальных норм, регулирующих деятельность ФНП. Статья 1 Закона о некоммерческих организациях устанавливает субсидиарный принцип применения этого Закона относительно некоммерческих организаций, деятельность которых регулируется иными федеральными законами. Специальным законом в отношении ФНП являются Основы законодательства о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 [3] (гл. VI),

а Закон о некоммерческих организациях применяется в субсидиарном порядке при отсутствии соответствующих норм в Основах законодательства о нотариате. Достаточно сложная схема применения законодательства, регулирующего правовой статус ФНП, приводит к появлению пробелов, противоречий между различными нормативными актами и вызывает трудности на практике. На доктринальном уровне продолжают дискуссии об организационно-правовой форме ФНП как юридического лица.

В разработанном Минюстом России Проекте государственной программы Российской Федерации «Юстиция» от 09.11.2011 [4] указано, что деятельность нотариусов, осуществляемая от имени государства, направлена на развитие гражданских правоотношений, облегчение и упрощение судебной процедуры. Однако множество пробелов и коллизий в правовом регулировании нотариальной деятельности не позволяет использовать потенциал нотариата в полном объеме.

На необходимость более четкого определения правового статуса нотариальной палаты неоднократно обращали внимание современные российские исследователи. Например, Ю. О. Вербицкая, анализируя гражданско-правовой статус нотариальных палат субъектов РФ, приходит к выводу о том, что «нотариальные палаты в разных субъектах РФ существуют с различным гражданско-правовым статусом. В одних регионах они зарегистрированы в качестве самостоятельной организационно-правовой формы нотариальной палаты (например, Челябинская областная нотариальная палата, Ярославская нотариальная палата, Нотариальная палата Свердловской области, некоммерческая организация «Нотариальная палата Республики Дагестан» и др.). В других это общественные организации (Хакасская республиканская общественная организация нотариусов «Нотариальная палата Республики Хакасия» и др.)» [5].

В настоящее время ситуация с правовым статусом некоммерческих организаций радикально меняется, а Проект № 47538-6/2 (во втором чтении) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [6] (далее — Проект № 47538-6/2) устанавливает закрытый перечень организационно-правовых форм, в которых могут создаваться некоммерческие организации.

Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, согласно Проекту

№ 47538-6/2 могут создаваться в одной из организационно-правовых форм некоммерческих корпораций и некоммерческих унитарных организаций.

К некоммерческим корпорациям относятся:

- потребительские кооперативы, в том числе жилищные, жилищно-строительные и гаражные кооперативы, садоводческие, огороднические или дачные потребительские кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы (общества взаимного кредита), фонды проката, сельскохозяйственные потребительские кооперативы;

- общественные организации, в том числе политические партии, созданные в качестве юридических лиц профсоюзы (профсоюзные организации), общественные движения, органы общественной самодеятельности и территориального общественного самоуправления;

- ассоциации и союзы граждан и (или) юридических лиц, в том числе некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, объединения работодателей, объединения профсоюзов, кооперативов и общественных организаций, торгово-промышленные, нотариальные и адвокатские палаты;

- товарищества собственников недвижимости, в том числе товарищества собственников жилья, садоводческие, огороднические или дачные некоммерческие товарищества;

- казачьи общества;

- общины коренных малочисленных народов.

К некоммерческим унитарным организациям относятся:

- общественные, благотворительные и иные фонды;

- государственные учреждения (в том числе государственные академии наук), муниципальные и частные (в том числе общественные) учреждения;

- автономные некоммерческие организации;

- религиозные организации;

- публично-правовые компании.

Согласно законодательству РФ ФНП является некоммерческой организацией со всеми признаками, установленными для такой формы организаций, главный из которых — отсутствие извлечения прибыли в качестве основной цели создания и деятельности. Проектом № 47538-6/2 также не предлагается ничего нового по этому вопросу, поскольку в ст. 50 сохраняется деление организаций на преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие). Однако уже п. 3

ст. 50 Проекта № 47538-6/2 установлено новое правило о том, что юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в одной из организационно-правовых форм некоммерческих корпораций и некоммерческих унитарных организаций. В абз. 4 п. 3 ст. 50 Проекта № 47538-6/2 уточняется, что к некоммерческим корпорациям относятся в числе прочих нотариальные и адвокатские палаты. Обращаем внимание на то, что речь идет именно о нотариальных палатах, а указание на правовой статус ФНП в Проекте № 47538-6/2 отсутствует. Именно поэтому предлагается восполнить пробел законодательства внесением нормы, устанавливающей правовой статус ФНП как некоммерческой корпорации, в Проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» [7] (далее — Проект закона о нотариате).

Согласно п. 1. ст. 94 Проекта закона о нотариате «Федеральная нотариальная палата является особой формой общероссийской негосударственной некоммерческой организации, представляющей собой профессиональное объединение нотариальных палат, основанное на их обязательном членстве. Законодательство Российской Федерации о некоммерческих организациях применяется к Федеральной нотариальной палате в части, не урегулированной настоящим Федеральным законом». Поскольку это определение не содержит указания о том, что ФНП является некоммерческой корпорацией, необходимо внести соответствующие дополнения согласно новой редакции ГК, где она рассматривается как некоммерческая корпорация.

Необходимость указания на то, что нотариальная палата является не только некоммерческой, но и корпоративной организацией, уже отмечалась в научных трудах, посвященных, например, конституционно-правовому статусу нотариальных палат в Российской Федерации. Так, Н. В. Репин считает, что нотариальные палаты представляют собой корпоративные учреждения нотариусов. С одной стороны, нотариальные палаты определяют организационные основы построения института нотариата, имеют широкие полномочия внутри системы нотариальных органов по осуществлению контроля за деятельностью нотариусов; с другой — они объединяют нотариусов с целью защиты и представительства их интересов, в том числе перед государством [8].

Еще одно важное нововведение установлено п. 4 ст. 50 Проекта № 47538-6/2, согласно которому для материального обеспечения основной (уставной) деятельности некоммерческие организации могут осуществлять иную, принося-

щую им доход деятельность, виды которой определены в их уставах и соответствуют целям их создания и их основной деятельности. Некоммерческая организация, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доходы деятельности, должна иметь обособленное имущество, на которое может быть обращено взыскание по ее обязательствам, в размере не менее минимального уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью, т. е. не менее 10 тыс. руб. Все эти требования в равной мере относятся и к ФНП как некоммерческой корпорации.

С доктринальной точки зрения возникает вопрос, можно ли признать нотариальную палату корпорацией. Для ответа на него необходимо обратиться к понятию (и признакам) корпорации, которое до недавнего времени в законодательстве отсутствовало, а в науке толковалось неоднозначно и вызывало бурные дискуссии. Еще в советский период видный российский исследователь С. Н. Братусь, анализируя понятие и признаки корпорации, пришел к выводу, что «в гражданском законодательстве некоторых капиталистических стран (например, в германском и швейцарском гражданских кодексах) и в буржуазной теории различают два вида юридических лиц: корпорации (союзы лиц) и учреждения (установления). В литературе, однако, нет единого мнения о критериях разграничения понятий “корпорация” и “учреждения”» [9].

Среди классиков российской цивилистики дореволюционного периода заслуживает особого внимания противоположное корпорации понятие, сформулированное Г. Ф. Шершеневичем: «юридическое лицо представляет собой учреждение в тех случаях, когда часть имущества предназначается для достижения известной цели, с полным юридическим обособлением. Создается особый субъект имущества, которому и будут принадлежать средства, назначенные для определенной цели и выделенные для этой цели из имущества различных лиц. <...> Таким путем учреждаются музеи, больницы, ночлежные дома, школы, столовые. Учреждение служит интересам многих лиц, но эти лица не члены его и не субъекты прав, составляющих имущество учреждения» [10].

Зарубежный опыт подтверждает, что деление юридических лиц на корпорации и учреждения, изначально получившее наиболее широкое распространение именно в странах общего права, в настоящее время распространяется и в странах континентального права, и в странах СНГ.

В Проекте № 47538-6/2 выделяется главный критерий отнесения юридических лиц к корпоративным организациям — право учредителей

на участие в управлении деятельностью юридического лица. В отличие от корпораций юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными организациями. Следовательно, корпоративные отношения в этих проектах определяются как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими.

Именно поэтому заслуживают поддержки предлагаемые Проектом № 47538-6/2 изменения и дополнения, которые направлены на упрощение и унификацию правового статуса юридических лиц, в первую очередь некоммерческих организаций, закрепление в ГК исчерпывающего перечня организационно-правовых форм юридических лиц, конкретизацию и повышение требований к их созданию, реорганизации и ликвидации.

Основы законодательства о нотариате устанавливают, что ФНП является некоммерческой организацией, представляющей собой профессиональное объединение нотариальных палат субъектов РФ, основанное на их обязательном членстве. Согласно Федеральному закону от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] в п. 1. ст. 2 впервые вводится норма о том, что гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Отсутствие легального определения корпоративного управления в законодательстве РФ заставляет обратиться к исследованию российской и зарубежной доктрины. Несмотря на существование различных научных подходов, наиболее обоснованным представляется определение, согласно которому корпоративное управление рассматривается как система управления и контроля, а также как отношения между руководством предприятия и другими участниками.

Отношения, связанные с корпоративным управлением в ФНП как в некоммерческой корпорации должны быть урегулированы с учетом ст. 65.3 Проекта № 47538-6/2. Так, согласно п. 1 данной статьи высшим органом управления в некоммерческих корпорациях с числом участников более 100 может являться съезд, конференция или иной представительный (коллегиальный) орган, определяемый их уставами в соответствии с законом. Компетенция такого органа и порядок принятия им решений определяются в соответствии

с ГК законом и уставом корпорации. Это положение необходимо учитывать при внесении изменений в Проект закона о нотариате и при формировании устава ФНП как некоммерческой корпорации.

Несмотря на то что ст. 65.3 Проекта № 47538-6/2 устанавливает закрытый перечень вопросов, решение которых отнесено к исключительной компетенции высшего органа управления корпорацией, остальные, не указанные в данном перечне вопросы могут быть отнесены законом или уставом корпорации к исключительной компетенции ее высшего органа. Следовательно, императивные предписания ст. 65.3 должны быть учтены не только в новом законе о нотариате, но и в новом уставе ФНП как некоммерческой корпорации.

Кроме того, определения организационно-правовых форм нотариальных палат субъектов РФ и ФНП, сформулированные в Проекте закона о нотариате, нуждаются в дополнительной доработке, в связи с изменением общих подходов к правовому регулированию деятельности юридических лиц в Проекте № 47538-6/2.

В связи с отсутствием четкого правового регулирования правового положения ФНП в действующем законодательстве, а также наличием пробелов и противоречий в нормативных актах разного уровня назрела практическая потребность изменения законодательства о нотариате, что потребует научной разработки таких актуальных проблем, как уточнение организационно-правовой формы ФНП как юридического лица и устранение пробелов и противоречий среди нормативных актов разного уровня, регулирующих деятельность ФНП. Необходимо также привести специальное законодательство о нотариате в соответствие с новым подходом законодательства о корпорациях, их видах, корпоративных отношениях, управлении в корпорациях, закрепленном в Проекте № 47538-6/2. Только радикальный пересмотр норм, закрепленных в Основах законодательства о нотариате, и принятие нового закона о нотариате и нотариальной деятельности, соответствующего современным требованиям, предъявляемым к правовому статусу ФНП как некоммерческой корпорации, может ликвидировать пробелы и противоречия законодательства в этой сфере. Кроме того, предлагается внести изменения в определение ФНП, сформулированное в Проекте закона о нотариате и нотариальной деятельности с учетом понятия некоммерческой корпорации, сформулированного в Проекте № 47538-6/2.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ//СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ//Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ//Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ//Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. См.: ВСНД и ВС РФ 1993. № 10. Ст. 357.
4. См.: Федеральное и региональное законодательство РФ, вся практика арбитражных судов // Право.ру : сайт. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20787696/23642826> (дата обращения: 22.02.2013).
5. Вербицкая Ю. О. Система некоммерческих организаций в Проекте ГК РФ // Закон. 2011. № 4. С. 44.
6. См.: Законопроект № 47538-6/4 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=47538-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=47538-6&02) (дата обращения: 01.03.2013).
7. См.: Российская газета : сайт. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/18/notariat-site-dok.html> (дата обращения: 18.02.2013).
8. См.: Репин Н. В. Конституционно-правовой статус нотариальных палат в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 45–46.
10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханова. М., 1995. С. 92.
11. См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7627.

УДК 343.359.2

М. В. Плетнев
M. V. Pletnev

Некоторые процедурные вопросы рассмотрения жалоб налогоплательщиков на акты налоговых органов

Any Procedural Issues of Considering Taxpayers Complaints of Tax Bodies Acts

Статья посвящена процедурным вопросам рассмотрения жалоб налогоплательщиков на акты налоговых органов в досудебном порядке.

Налоговые споры; административный порядок разрешения споров

This article refers to procedural issues of considering taxpayer's complaints of tax bodies acts in out-of-court process.

Tax disputes; out-of-court procedure for the settlement of dispute

При исследовании процессуальных аспектов рассмотрения жалоб налогоплательщиков на решения налоговых органов в административном порядке необходимо уделить внимание порядку реализации норм НК [1] по рассмотрению жалоб в практической деятельности налоговых органов, а также их правовой основе.

Так, правовую основу рассмотрения жалоб налогоплательщиков в административном порядке составляют НК, приказ ФНС России от 24.03.2006 № САЭ-4-08/44дсп@ «Об утверждении Регламента рассмотрения заявлений и жалоб физических и юридических лиц на действия или бездействие, а также на акты ненормативного характера налоговых органов Российской Федерации во внесудебном порядке» (далее — приказ № САЭ-4-08/44дсп@), письмо МНС России от 24.08.2000 № ВП-6-18/691@ «Об обжаловании актов налоговых органов» [2] и письмо МНС России от 05.04.2001 № ВП-6-18/274@ «Об упорядочении работы налоговых органов Российской Федерации по рассмотрению жалоб налогоплатель-

щиков» [3]. Непосредственно процедура обжалования актов налоговых органов и сам порядок рассмотрения жалоб налогоплательщиков наиболее подробно изложены в двух последних документах. Необходимо обратить внимание также на тот факт, что, хотя приказ № САЭ-4-08/44дсп@ имеет отметку «для служебного пользования», решением Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2010 по делу № ВАС-15316/09 [4] в части отнесения его к служебной информации ограниченного распространения он был признан не соответствующим постановлению Правительства РФ от 03.11.1994 № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти» [5] и не действующим в этой части. Высший Арбитражный Суд РФ указал, что применение пометки «для служебного пользования» на приказе ФНС России ограничивает без законных к тому оснований осведомленность налогоплательщика в отношении порядка рассмотрения жалобы при обращении его

в вышестоящий налоговый орган. В этой связи данное ограничение как имеющее неправомерный характер, является незаконным.

В приказе № САЭ-4-08/44дсп@, как и в НК, порядок обжалования решений налоговых органов описан фрагментарно и, безусловно, требует большей конкретизации и расширения многих процедур, в том числе за счет предоставления дополнительных прав и гарантий.

Это касается в том числе права на личное участие налогоплательщика при рассмотрении вышестоящим налоговым органом его жалобы (апелляционной жалобы) на решение нижестоящего налогового органа.

Г. Ф. Ручкина и П. А. Курков [6] отмечают, что существующий порядок рассмотрения жалоб без участия налогоплательщика носит закрытый характер, в то же время в соответствии с п. 2 ст. 45 Конституции [7] налогоплательщик имеет право не только присутствовать, но и участвовать в разбирательстве дела, выражать свое мнение, приводить доводы и объяснения в свою защиту. С. М. Миронова [8] полагает, что участие налогоплательщика при рассмотрении жалобы должно быть обязательным во всех случаях.

Правительство РФ высказало свою позицию по данному вопросу в официальном отзыве от 01.02.2011 № 343п-П13 на проект федерального закона № 430648-5 «О внесении изменения в статью 21 части первой Налогового кодекса Российской Федерации», внесенный членом Совета Федерации Е. Н. Трофимовым [9], где признается нецелесообразным привлечение налогоплательщиков к участию в рассмотрении жалоб. При этом «установление административной процедуры рассмотрения вышестоящими налоговыми органами жалоб налогоплательщиков, схожей с судопроизводством и требующей существенного увеличения сроков рассмотрения таких жалоб, а также возложение на вышестоящие налоговые органы несвойственных им функций», по мнению Правительства РФ, излишни. 6 сентября 2011 г. названный законопроект, а также законопроект № 446611-5 «О внесении изменений в статьи 139 и 140 части I Налогового кодекса Российской Федерации (в части предоставления налогоплательщику права на участие при рассмотрении апелляционных жалоб в вышестоящем налоговом органе)» [10], предусматривающий механизм реализации проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 21 части первой Налогового кодекса Российской Федерации (в части дополнения перечня прав налогоплательщиков правом на их участие в рассмотрении жалобы)», были отклонены.

Приведенные доводы Правительства РФ не позволяют в большей степени гарантировать права и законные интересы налогоплательщиков, а лишь указывают на «возложение на вышестоящие налоговые органы несвойственных им функций». Это не свидетельствует о неэффективности непосредственного участия налогоплательщика при рассмотрении спора по его жалобе в вышестоящем налоговом органе, никакой оценки данному факту с точки зрения прав и законных интересов налогоплательщиков Правительство РФ не дает.

Закрепление права налогоплательщика на участие в ходе процедуры рассмотрения материалов по жалобе (апелляционной жалобе) и его обязательное уведомление в виде издания соответствующего определения, безусловно, увеличат сроки рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков. Как справедливо отмечали К. П. Зоммерманн и Ю. Н. Стариков, «чем больше правовых средств имеют участники административного процесса, тем продолжительнее становится процесс» [11]. Но при незначительном увеличении сроков рассмотрения жалоб подобные процессуальные новшества позволят повысить эффективность защиты прав и законных интересов налогоплательщиков, что более важно, чем незначительное увеличение сроков.

Минфин России, пытаясь дать ответ на поставленный вопрос, в письме от 24.06.2009 № 03-02-07/1-323 [12] сделал однозначный вывод о том, что ни в НК, ни в каком-либо другом нормативном правовом акте «не содержится требование об обязательности привлечения налогоплательщика к участию в процедуре рассмотрения его жалобы вышестоящим налоговым органом». Существует также и судебная практика, подтверждающая указанные выводы (например, постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 11.02.2011 по делу № А55-8586/2010 [13], постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.09.2010 № 2942/10 [14], постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.12.2009 по делу № А19-13886/09 [15], постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.09.2010 по делу № 4292/10 [16]).

В то же время существует и судебная практика, которая иначе оценивает эту ситуацию. Например, в решении Арбитражного суда Волгоградской области от 22.08.2008 по делу № А12-10757/2008 [17] суды всех инстанций признали, что в нормах гл. 19, 20 НК с достаточной определенностью порядок рассмотрения апелляционных жалоб налогоплательщиков вышестоящим

налоговым органом не определен. Однако при этом, как отметили суды, «норм, свидетельствующих о прямом запрете на личное участие налогоплательщика в процессе рассмотрения вышестоящим налоговым органом его апелляционной жалобы, в НК РФ не содержится». Ввиду этого подлежат применению положения ст. 45 Конституции, согласно которым каждому предоставлено право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. По мнению судов, «субъекты налоговых правоотношений вправе самостоятельно выбирать порядок защиты нарушенных прав и законных интересов в административном (досудебном) порядке, участвовать в рассмотрении его жалобы вышестоящим налоговым органом либо ограничиться получением в установленный срок решения по результатам рассмотрения такой жалобы в его отсутствие». Более того, как отметили суды, ввиду наличия в НК пробела правового регулирования должны применяться нормы п. 7 ст. 3 НК, согласно которым все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности акта законодательства о налогах и сборах трактуются в пользу налогоплательщика. Судами также было указано на необходимость обеспечения возможности участия налогоплательщика в процессе административного обжалования решений налоговых органов при рассмотрении жалоб или апелляционных жалоб налогоплательщика при наличии соответствующего ходатайства об этом. В качестве примера в данном случае можно привести постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 06.07.2009 по делу № А60-38573/2008-С8 [18], а также постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.12.2010 по делу № А51-15964/2009 [19].

Между тем в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.09.2010 № 4292/10 по делу № А04-3 308/2009, упомянутом выше, сказано об отсутствии у налоговых органов обязанности по обеспечению присутствия налогоплательщика при рассмотрении жалобы.

Указанная позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, как верно отметила в своей работе Т. В. Колесниченко [20], основана на буквальном толковании норм, а ввиду фрагментарности правового регулирования досудебного порядка урегулирования споров участие налогоплательщика в рассмотрении спора заканчивается на стадии подачи апелляционной жалобы. В итоге такой порядок, призванный урегулировать спор, сводится к формальной процедуре утверждения вышестоящим налоговым органом решения территориальной инспекции. В целях устранения подобного

пробела законодательства в Государственную Думу и был внесен законопроект № 430648-5 «О внесении изменений в статью 21 части первой Налогового кодекса Российской Федерации», которым обосновывалась необходимость личного участия налогоплательщика в ходе административного порядка рассмотрения его апелляционной жалобы в вышестоящем налоговом органе. Как было верно отмечено в пояснительной записке к данному законопроекту, «если налогоплательщик не будет присутствовать при рассмотрении его жалобы, то очевидно, что он не будет знать о вменяемых ему нарушениях и не сможет предоставить свои возражения по данным обвинениям. Такого рода положение дел может быть предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, поскольку не совсем понятно, как в данной ситуации налогоплательщик может реализовать право на защиту своих интересов».

Такой подход является не только приемлемым, но и необходимым. Законодательство РФ о налогах и сборах исходит из обеспечения преимущественно публичных интересов при взыскании с налогоплательщика начисленных сумм налогов, пеней и штрафов, их оперативного поступления в бюджет. Об этом свидетельствуют широкие полномочия налоговых органов по принятию обеспечительных мер, по обращению взыскания на денежные средства в банках, иное имущество налогоплательщика. В такой ситуации большие публично-правовые возможности налоговых органов должны быть сбалансированы, в том числе обеспечением интересов налогоплательщиков на этапе определения их налоговых обязанностей. Налогоплательщику должна быть предоставлена гарантированная возможность личного участия в ходе рассмотрения материалов по его жалобе с правом давать пояснения и представлять документы, аргументируя свою позицию. Для этого право налогоплательщика принимать участие в процессе рассмотрения материалов по его жалобе вышестоящим налоговым органом (вышестоящим должностным лицом) должно быть четко указано в НК. Наряду с правом налогоплательщика на личное участие в рассмотрении его жалобы (апелляционной жалобы) должно быть предусмотрено право давать пояснения (как устные, так и письменные) и предоставлять дополнительные документы и доказательства, аргументирующие позицию налогоплательщика; знакомиться с доказательствами, предоставленными налоговыми органами до начала рассмотрения жалобы налогоплательщика; непосредственно участвовать в исследовании доказательств в вышестоящем налоговом органе; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения жалобы

(апелляционной жалобы) вопросам. Для обеспечения указанных прав налоговые органы должны быть обязаны уведомлять налогоплательщика о времени и месте рассмотрения вышестоящим налоговым органом материалов по его жалобе путем принятия соответствующего процессуального акта (определения).

Таким образом, исходя из изложенного можно сделать обоснованный вывод о важности и необходимости законодательного закрепления

права налогоплательщика на личное (или через представителя) участие в ходе административного порядка обжалования актов налоговых органов (включая решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения), действий (бездействия) их должностных лиц, а также детальной регламентации правового статуса налогоплательщика с детальным определением его процессуальных прав и обязанностей.

1. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Там же. 2000. № 32. Ст. 3340.
2. См.: Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 15.
3. См.: Нормативные акты по финансам, налогам, страхованию и бухгалтерскому учету. 2001. № 6. С. 23.
4. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. См.: СЗ РФ. № 30 (Ч. 2). Ст. 3165.
6. См.: Ручкина Г. Ф., Курков П. А. Аудит в системе налоговых органов Российской Федерации // Налоги (журнал). 2009. № 2. С. 11–14.
7. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
8. См.: Миронова С. М. Пути совершенствования порядка налоговых споров в Российской Федерации // Налоги (газета). 2008. 1 дек.
9. См.: Государственная Дума : сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=430648-5&02> (дата обращения: 27.02.2013).
10. См.: Там же. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=446611-5&02> (дата обращения: 27.02.2013).
11. Стариков Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения... : сб. избр. науч. тр. Воронеж, 2010. С. 287.
12. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
13. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
14. См.: ВВАС РФ. 2010. № 12. С. 41.
15. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
16. См.: ВВАС РФ. 2010. № 12. С. 34.
17. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
18. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
19. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
20. См.: Колесниченко Т. В. Досудебный порядок урегулирования споров по результатам налоговых проверок : науч.-практ. пособие. М., 2012. С. 109.

Эволюция образа органа исполнительной власти в контексте доктринальных воззрений и правоприменительной деятельности на примере Федеральной службы судебных приставов

The Evolution of the Image of Executive Body in the Context of Doctrinal Viewpoints and Enforcement Activities on the Example of the Federal Bailiff Service

Статья посвящена проблеме, связанной с исследованием различных взглядов на образ органов исполнительной власти в конкретные исторические периоды. Образ органа исполнительной власти в России рассматривается на примере органов принудительного исполнения в целях определения правовых мер, необходимых для его улучшения, в частности, через господствующую на конкретном историческом этапе концепцию происхождения власти и государства.

This article is dedicated to a problem connected with a considering of various viewpoints to an image of executive body in definite historical periods. The image of executive body is considered on the example of Russian enforcement bodies with a purpose of determination of necessary legal measures of its improvement. This article considers the image of executive body through dominant on every historical stage theory of origin of a power and a state.

Власть; государство; исполнительный; принудительный; пристав; орган; служба; образ

Power; state; executive; enforcement; bailiff; body; service; image

Для того чтобы проследить эволюцию образа органа государственной исполнительной власти, необходимо решить вопрос о его определении.

С одной стороны, Д. Н. Бахрах, представляющий административно-правовой подход, отмечает, что государственный орган — это организованный коллектив государственных служащих и иных работников, образующий самостоятельную часть государственного аппарата, наделенную собственной компетенцией, выполняющую публичные функции, структура и деятельность которой регламентированы правом [1]. С другой стороны, группа ученых, связанная с теорией государства и права, говоря о государственном органе, определяет его как первичную структурную часть механизма (аппарата) государства, участвующую

в осуществлении функций государства и наделенную властными полномочиями [2]. Указанные взгляды вполне применимы и к органам исполнительной власти, поскольку они, по сути, являются лишь частным случаем первых и обладают всеми признаками им чертами и признаками [3].

Сегодня под государственной властью понимается система отношений власти и подчинения, концентрированное выражение воли и силы доминирующего социального, национального слоя (класса, нации) или народа, воплощенные в государственно-правовых институтах [4].

Таким образом, на современном этапе выявляется влияние воли доминирующего субъекта в государстве на образ его органов. Следовательно, рассмотрев господствующие на определенном этапе взгляды на природу власти и государства

в качестве факторов, влияющих на такой образ, мы сможем получить его доктринальный образ в перспективе исторической эволюции.

Россия долгое время являлась монархией, после падения которой наступил коммунистический период ее развития, продлившийся до конца XX в. В силу этого можно сказать, что теологическая и марксистская концепции происхождения и сущности государства и власти существенно повлияли на образ и деятельность органов принудительного исполнения.

Основная суть теологической теории сводилась к тому, что государство и право есть результат деятельности сверхъестественных сил, а власть дается от бога. Придавая государству и государственной власти божественный ореол, она присущими ей средствами поднимала их престиж, осуждала преступность, способствовала утверждению в обществе взаимопонимания и разумности [5].

Целый ряд ученых справедливо отмечает на Руси, а также в Российской империи тесную связь организации исполнительного производства с возникновением и развитием судебной системы [6]. Нормы, регулирующие принудительное исполнение, содержались в Русской Правде и судебныхниках (в частности, 1497 г.), а в предшествующих им документах упоминались в разделах, связанных с судопроизводством, что и позволило говорить о данной процедуре как о неразрывно связанной с судебным производством. Судебные функции первоначально выполнял князь, чуть позже начали формироваться органы княжеского суда, существовал также и церковный суд, имевший довольно широкие полномочия [7].

В Древней Руси исполнением судебных решений занимались отроки, мечники и десятские Русской Правды, приставы и подвойские судных грамот и княжеского судебного [8]. О. В. Исаенкова и С. Ф. Афанасьев [9] отмечают, что эти должностные лица, как правило, состояли на службе при князе, в большинстве случаев отправлявшем функции судьи [10]. Статьи 45, 57 и 64 Псковской судной грамоты определяют порядок назначения приставов: они назначались князем либо (в исключительных случаях, когда князь не имел такой возможности) избирались горожанами.

Следует отметить, что распространенная в то время в Европе религиозно-догматическая позиция основывалась на том, что власть (как судебная, так и исполнительная) исходит и дается от бога. В частности, в написанном в период княжения Ярослава Мудрого «Слове о Законе и Благодати» утверждается, что глава государства — князь — призван стать наследником Небесного царства, а также привести ко спасению и своих

подданных [11]. Таким образом, получая власть от князя, лица, осуществлявшие принудительное исполнение, имели властные полномочия, которые могли восприниматься окружающими как данные свыше, поскольку княжеская власть признавалась данной богом. Стало быть, можно предположить, что и деятельность по принудительному исполнению также приравнивалась к одобряемой сверхъестественными силами, что в свою очередь отражалось на их образе.

Пропуская деятельность по принудительному исполнению сквозь призму распространенной тогда теологической теории происхождения государства, можно сказать, что приставы осуществляли свою деятельность не только от лица суда, как утверждают некоторые исследователи [12], но и в доктринальном плане являясь проводником власти, данной свыше.

Статья 25 Новгородской судной грамоты гласила: «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судив им в правду крест поцеловав на сей крестной грамоте» [13]. Это говорит о признаваемом на государственном уровне (в частности, в судопроизводстве и деятельности по принудительному исполнению судебных актов) внедрении религиозных элементов, которые обязательны и для должностных лиц.

Теологическая теория происхождения государства сохранила влияние на образ органа государственной власти вплоть до 1917 г. Это видно из законодательства Российской империи того времени. Так, согласно ст. 299 Учреждения судебных установлений 1864 г. не могли быть судебными приставами священнослужители, лишённые духовного сана по приговорам духовного суда, а также лица, исключённые из службы по суду из духовного ведомства за пороки [14]. Кроме того, обращают на себя внимание и положения ст. 303 данного документа, в силу которых судебные приставы приводятся к присяге на эту должность духовным лицом их вероисповедания. Интересен также и текст присяги судебного пристава, содержащийся в приложении II к Учреждению судебных установлений: «Обещаю и клянусь всемогущим богом, пред святым его Евангелием и животворящим крестом господним, хранить верность его императорскому величеству государю императору, самодержцу всероссийскому, честно и добросовестно исполнять все обязанности принимаемой мною на себя должности и все относящиеся до сих обязанностей законы и правила, распоряжения и поручения, не превышать предоставленной мне власти и не причинять с умыслом никому ущерба или убытков, а, напротив, вверяемые мне интересы ограждать как свои собственные, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ

пред законом и пред богом на страшном суде его. В удостоверение сего целую слова и крест спасителя моего. Аминь» [15].

Из приведенных примеров видно, что на законодательном уровне власть делала необходимым условием деятельности в составе органа исполнительной власти религиозный элемент.

Некоторые исследователи отмечают тот факт, что, хотя на должности судебных приставов брали в основном представителей дворянства, унтер- и обер-офицерских детей, большинство их было из духовенства [16].

Однако восприятие практической стороны деятельности судебных приставов дореволюционной России было неоднозначным. Отражая бытовавшее в то время мнение, профессор А. Х. Гольмстен отмечал: «Кто хоть раз в жизни имел дело с судебными приставами, знает, какие это деятели. Можно безошибочно сказать, что этот институт совершенно не удался редакторам наших уставов — судебные приставы скомпрометировали, особенно в провинции, судебную реформу» [17]. Стоит сказать, что данное высказывание отражает восприятие обществом лишь качества выполнения приставами того времени возложенных на них обязанностей. При этом противодействие приставам встречалось редко, несмотря на то, что они не могли применять физическую силу, и было вполне чувствительно наказуемо. Так, судебная палата Харьковского судебного округа приговорила должника (курского дворянина), оскорбившего судебного пристава, к семидневному аресту [18].

Следовательно, распространенная в Российской монархии теологическая концепция происхождения и сущности государства отражалась на органах принудительного исполнения, формируя взгляды о том, что в своей правоприменительной деятельности они руководствуются не только писаными нормативными актами, но и религиозными нормами, а в самом широком смысле осуществляют ту власть, которая возложена на них свыше, в силу чего несут за свою деятельность не только юридическую, но и религиозную ответственность.

После революции 1917 г. в России фактически установилась власть, основанная на марксистско-ленинских теоретических воззрениях. Так, согласно ст. 1 Конституции СССР 1936 г. [19] Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Таким образом, можно говорить, что в советский период господствующей государственной идеологией стал марксизм. Согласно этой теории государство возникло в силу экономических при-

чин: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта и частной собственности, а затем раскола общества на классы с противоположными интересами [20]. В. И. Ленин в лекции «О государстве» [21] характеризовал его как аппарат для систематического применения насилия, как машину для поддержания господства одного класса над другим.

В соответствии с изложенным государственный орган в СССР, по сути, должен был служить проводником воли господствующего класса, которым, по замыслу идеологов советской власти, являлся пролетариат. Подтверждение этому можно найти как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. В соответствии со ст. 3 Конституции СССР 1936 г. вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, принятых Верховным Советом СССР 13 ноября 1989 г. [22], называла в качестве органов принудительного исполнения только судебных исполнителей.

В советской юридической науке сформировалось мнение о том, что исполнительное производство является одной из стадий гражданского процесса [23], и оно отразилось на образе советских органов принудительного исполнения, в том числе и с доктринальных позиций.

В задачи советских судебных исполнителей входило исполнение решений советских судов, при этом они сами состояли при судах. Следовательно, образ судебных исполнителей как органа власти несет на себе отпечаток судебной системы, в которую заложена господствующая идеология, в данном случае марксистская, а поэтому и деятельность судебных исполнителей воспринимается как деятельность на благо господствующего класса и под его контролем. Подтверждением может служить следующее. Статья 349 ГПК РСФСР [24] и ст. 26 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» [25] закрепляли руководство судебными исполнителями за председателями народных судов и народными судьями. При этом ст. 152 Конституции СССР 1977 г. [26] гласила, что народные судьи районных (городских) народных судов избираются гражданами района (города). Таким образом, судебные исполнители выполняют волю именно победившего строя, поскольку подотчетны его представителям (народным судьям) и исполняют вынесенные ими же решения, т. е. народными судьями.

Из приведенных выше фактов вытекает вывод о том, что деятельность судебных исполнителей в СССР была построена на основании идей марксистской теории классовой борьбы:

судебные исполнители являлись проводниками власти победившего класса (пролетариата), поскольку назначались и управлялись ее представителями, а также осуществляли исполнение решений, принятых народными судьями, априори действующими в интересах господствующего класса.

Таким образом, идеология, в определенный период времени господствующая в государстве, налагает отпечаток на деятельность государственных органов и определяет их образ, восприятие в обществе, а также влияет на нормативное закрепление полномочий и порядка осуществления данными органами своей деятельности.

1. См.: Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М., 2000. С. 176.
2. См.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2011. С. 100.
3. См.: Бахрах Д. Н. Указ. соч. С. 176.
4. См.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. С. 62.
5. См.: Там же. С. 48.
6. См.: Голубев В. М. Очерки по истории судебных приставов России. М., 2007. С. 8.
7. См.: Захаров В. В. Будет исполнено! Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917). Курск, 2007. С. 20–21.
8. См.: Пиджаков А. Ю. Институт принудительного исполнения в России: история и современность // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 43–47.
9. См.: Исполнительное производство : учебник для магистров / под ред. О. В. Исаенковой, С. Ф. Афанасьева. М., 2012. С. 19.
10. См.: Воронов Е. Н. Проблемы периодизации истории органов принудительного исполнения в России // История гос-ва и права. 2009. № 10. С. 11–14.
11. См.: Бодунова О. Г., Павлова С. В. Древнерусский образ идеального правителя (X — начало XIII в.) // История гос-ва и права. 2009. № 23. С. 20–23.
12. См.: Голубев В. М. Указ. соч. С. 8.
13. См.: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 306.
14. См.: Пиджаков А. Ю. Институт принудительного исполнения в России: история и современность // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 43–47.
15. См.: Десятик М. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // Исполнительное право. 2009. № 4. С. 37–40.
16. См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с разъяснением их по решениям кассационных департаментов правительствующего сената. СПб., 1870. С. 66.
17. Гольмстен А. Х. Рецензия на работу: Шимановский М. В. О некоторых недостатках, встречающихся на практике при приведении решений в исполнение по уставам 20 ноября 1864 г. Казань. 1881 // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 5. С. 135.
18. См.: Захаров В. В. Становление и развитие института судебных приставов в России (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 183–184.
19. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.
20. См.: Рассолов М. М. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2010. С. 67.
21. См.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. С. 50–51.
22. См.: ВСНД и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.
23. См.: Гуреев В. А., Гушин В. В. Исполнительное производство. М., 2011. С. 11.
24. См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утвержден Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175.
25. См.: ВВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.
26. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. // Свод законов СССР. Т. 3. 1990. С. 14.

Сокращения, принятые в издании

БНА — Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти

БВС — Бюллетень Верховного Суда

ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда

ВВС — Ведомости Верховного Совета

ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

гл. — глава (-ы)

Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Минкультуры России — Министерство культуры Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

МНС России — Министерство Российской Федерации по налогам и сборам

МПС России — Министерство путей сообщения Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

НИИ — научно-исследовательский институт

ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности

ООН — Организация Объединенных Наций

п. — пункт (-ы)

разд. — раздел (-ы)

РАН — Российская академия наук

РГ — «Российская газета»

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Ростехрегулирование — Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

руб. — рубль (-и)

СЗ — Собрание законодательства

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья (-и)

тыс. — тысяча (-и)

США — Соединенные Штаты Америки

СУ — Собрание узаконений

УВД — управление внутренних дел

УИС — уголовно-исполнительная система

ФНП — Федеральная нотариальная палата

ФНС России — Федеральная налоговая служба

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ч. — часть (-и)

Наши авторы

Алферов Владимир Юрьевич — заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Саратовского государственного социально-экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Саратов), va18343@yandex.ru

Боголюбский Сергей Сергеевич — аспирант НИИ РПА Минюста России (г. Москва), isleoflaw@gmail.com

Боляк Виктор Иванович — аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики РПА Минюста России (г. Москва), Bolyakav@gmail.com

Борсученко Светлана Алексеевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), bca38@mail.ru

Брыка Игорь Иванович — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), iibr04@mail.ru

Бузина Марина Викторовна — адъюнкт Академии Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань), buzinaBMW@mail.ru

Грачев Василий Дмитриевич — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского (г. Ростов-на-Дону) юридического института (филиала) РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону), tdon55@mail.ru

Казаков Евгений Николаевич — доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), kazakov-gra@mail.ru

Карпов Виктор Сергеевич — директор Иркутского юридического института (филиала) РПА

Минюста России (г. Иркутск), кандидат юридических наук (г. Иркутск), bbb740@mail.ru

Кибак Иван Алексеевич — доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент, полковник милиции (Республика Беларусь, г. Минск), ivankibak@list.ru

Кузовкина Татьяна Николаевна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), eternityfox3@gmail.com

Курбоналиев Нурулло Шамсуллоевич — ассистент кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета (г. Душанбе), Nurik_88@mail.ru

Мальков Борис Николаевич — заведующий кафедрой философии и социально-экономических дисциплин РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), malkovbn@mail.ru

Мишиева Яна Павловна — соискатель кафедры адвокатуры и нотариата РПА Минюста России (г. Москва), 9992133@mail.ru

Огурцов Сергей Александрович — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), serg_wasp@bk.ru

Плетнев Максим Владимирович — генеральный директор ООО «СМБ Консалт» (г. Москва), pletnevMV@mail.ru

Ряховский Кирилл Борисович — аспирант кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России (г. Москва), Kirill-r89@yandex.ru

Сергун Евгений Петрович — докторант кафедры уголовного права и криминологии РПА

Минюста России (г. Москва), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) РПА Минюста России, кандидат юридических наук, e.p.sergun@gmail.com

Смирнов Александр Федорович — заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (г. Москва), smiraf@yandex.ru

Федюнин Антон Евгеньевич — профессор кафедры уголовно-процессуальных дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического институ-

та (филиала) РПА Минюста России, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов), aef@bk.ru

Фильченко Андрей Петрович — докторант Академии Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань), apfilchenko@yandex.ru

Червинская Анастасия Викторовна — аспирант кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России (г. Москва), nastia4er@yandex.ru

Ястребов Владислав Борисович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, почетный работник прокуратуры РФ, 18031937@rambler.ru

Our Authors

Alferov Vladimir Yuryevich — the head of Organization of Law Enforcement Department of Saratov State Socio-Economic University, PhD in law, assistant professor (Saratov), va18343@yandex.ru

Bogolyubsky Sergey Sergeevich — the post-graduate of the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, isleoflaw@gmail.com

Bolyak Victor Ivanovich — post-graduate of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Bolyakav@gmail.com

Borsuchenko Svetlana Alexeevna — the assistant professor of Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), bca38@mail.ru

Bryka Igor Ivanovich — the assistant professor of Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), iibr04@mail.ru

Buzina Marina Victorovna — the adjunct of Academy of Federal service of execution of punishments (Ryazan), buzinabmw@mail.ru

Chervinskaya Anastasia Victorovna — the post-graduate of the Constitutional and Municipal Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), nastia4er@yandex.ru

Fedyunin Anton Yevgenyevich — the professor of Criminal procedure department of the Volga Law Institute (the Branch) of Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Saratov), the doctor of law, the assistant professor (Saratov), aef@bk.ru

Filchenko Andrey Petrovich — the doctoral candidate of the Academy of Federal Service of Execution of Punishments, PhD in law (Ryazan), apfilchenko@yandex.ru

Grachev Vasilii Dmitrievich — the professor of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Chair of the Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (the Branch) of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor (Rostov-on-Don), tdon55@mail.ru

Karpov Victor Sergeevich — the head of Irkutsk Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Irkutsk), PhD in law (Irkutsk), bbb740@mail.ru

Kazakov Yevgeny Nikolaevich — the assistant professor of Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kazakov-rpa@mail.ru

Kibak Ivan Alexeevich — the assistant professor of the Department of Psychology and Pedagogics of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus (the Republic of Belarus, Minsk), PhD in psychology, the Colonel of the police (the Republic of Belarus, Minsk), ivankibak@list.ru

Kurbonaliev Nurullo Shamsulloevich — the assistant of the Department of Civil Law of the Law Faculty of the Tajik National University (Dushanbe), Hypik_88@mail.ru

Kuzovkina Tatiana Nikolaevna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), eternityfox3@gmail.com

Malkov Boris Nikolaevich — head of the Philosophy and Social and Economic Disciplines

Chair of the Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor, honored worker of science of the Russian Federation (Moscow), malkovbn@mail.ru

Mishieva Yana Pavlovna — the post-graduate of the Advocateship and Notariat Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), 9992133@mail.ru

Ogurtsov Sergey Alexandrovich — senior teacher of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), serg_wasp@bk.ru

Pletnev Maxim Vladimirovich — director general ООО «СМБ КОНСАЛТ» (Moscow), pletnevmv@mail.ru

Ryakhovsky Kirill Borisovich — the post-graduate of the Management of Bailiff Service and Enforcement Proceedings Chair of the Russian Law

Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Kirill-r89@yandex.ru

Sergun Evgeny Petrovich — the doctoral candidate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), the assistant professor of the Criminal Law Disciplines Chair of the Volga Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Saratov), PhD in law (Saratov), e.p.sergun@gmail.com

Smirnov Alexander Fedorovich — the head of the Organization of Law-enforcement Activity Chair of the Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, the doctor of law, the professor, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow), smiraf@yandex.ru

Yastrebov Vladislav Borisovich — the doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, an academician of Russian Academy of Nature Sciences, honored prosecutor of the Russian Federation, 18031937@rambler.ru

Вышли из печати

Мальков, Б. Н.

История и философия науки : учеб. пособие / Б. Н. Мальков [и др.] ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 366 с. — 160 экз. — ISBN 978-5-89172-435-8.

Содержание пособия соответствует Программе кандидатских экзаменов по дисциплине «История и философия науки» и рекомендациям по формированию основных профессиональных образовательных программ послевузовского профессионального образования для обучающихся в аспирантуре.

Предназначено для аспирантов и соискателей, осуществляющих подготовку к кандидатским экзаменам по дисциплине «История и философия науки» по специальности 12.00.00 «Юридические науки».

Милованова, Д. Б.

Риторика : практикум / Д. Б. Милованова, А. В. Горбачева ; под общ. ред. О. Н. Кияновой ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 140 с. — 160 экз. — ISBN 978-5-89172-413-6.

Практикум направлен на закрепление теоретического материала по курсу «Риторика» и отработку основных риторических правил, помогающих создавать убедительные речи и эффективно выступать перед аудиторией.

Издание включает упражнения, игры и тренинги и предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто стремится овладеть словом и научиться говорить правильно, красиво и убедительно.

Улыбин, В. А.

Предпринимательское право : курс лекций / В. А. Улыбин ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 145 с. — 200 экз. — ISBN 978-5-89172-440-2.

Курс лекций представляет собой систематическое изложение предпринимательского права РФ. Автором учтены особенности современного состояния и уровень развития предпринимательских отношений в России, их изменение, динамика и закономерности функционирования.

Издание предназначено для студентов РПА Минюста России, изучающих предпринимательское право, и всех лиц, интересующихся данной тематикой.

**РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,**

**входящая в число ведущих юридических вузов России
(основана в 1970 году),**

**проводит обучение по программам магистратуры
(заочная форма обучения):**

- **«ЮРИСТ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОВЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. В. Гушин);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БИЗНЕСА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Е. А. Чефранова);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. А. Виноградов);
 - **«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. Г. Татарян);
 - **«ФИНАНСОВЫЙ ЮРИСТ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Б. В. Россинский);
- **«ЭКСПЕРТ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИМ ПРОЦЕДУРАМ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор М. М. Рассолов);
- **«ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор А. В. Морозов);
 - **«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Г. С. Стародубцев);
 - **«ЮРИСТ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Н. Г. Иванов);
 - **«ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Ю. Г. Торбин).

Занятия проводят ведущие ученые и практические работники органов государственной власти, судьи судов общей юрисдикции, арбитражных судов, практикующие юристы крупных юридических компаний.

Удобный график обучения.

Срок обучения — до 2 лет 5 месяцев.

Набор производится на места с оплатой обучения.

**Наш адрес:
г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10а, стр. 1
Тел.: (495) 609-06-35
Сайт: www.rpa-tu.ru**
